

MENSUEL

CAHIERS PERIODIQUES
(46e cahier Octobre 1955).

ВОЗРОЖДЕНИЕ

«LA RENAISSANCE»

Литературно-политическая
тетрадь

ТETРАДЬ СОРОК ШЕСТАЯ

Октябрь 1955 года

Триумфальная Арка в Парижъ.

К статьи "Кровью запечатленное".

P A R I S

73, av. des Champs-Elysées, (VIIIe)
Tél.: ELYsées 06-03

С О Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Кн. С. ОБОЛЕНСКИЙ. Кровью запечатленное	5
В. СМОЛЕНСКИЙ. Любовь Тристана и Изольды	16
А. ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Стихи	19
И. СУРГУЧЕВ. Горький и дьявол	20
Н. ЕВРЕИНОВ. Шаги немезиды	26
Б. ВЫШЕСЛАВЦЕВ. Тайна дѣтства	51
Н. НОРДМАН. Как Россія помогла союзникам выиграть в 4 года первую мировую войну	62
Н. НАРОКОВ. Некультурный человѣк	71
В. УНКОВСКИЙ. В поѣздѣ Императрицы	87
А. РЕННИКОВ. Психологические этюды	101
Г. ТАНУТРОВ (ЖУК). Крушеніе поѣзда	109
П. ЕЛЬФИМОВ. "Творимыя легенды"	118
А. НАГЕЛЬ. Дѣла минувших дней	133
СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ. <i>И. С.:</i> "Литературный современник". <i>Н. Лидарцева:</i> Н. Н. Евреинов. — "Исторія русского театра". <i>В. Рудинский:</i> Идеализација опричнины. <i>Н. Станюкович:</i> Наталия Ильина — "Изгнаніе норманнов — очередная задача русской исторической науки". <i>Н. В. С.:</i> "Опальныя повѣсти". <i>В. Р.:</i> Румынская литература в цѣпях	139
ДѢЛА И ЛЮДИ: Конец Перона. На проигранных позиціях. Гарцирующій Хрущев. Противорѣчія вѣщней политики. Исчезновеніе страха	151

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ

„Ч а с о в о й“

орган связи россійскаго національнаго движенія
под редакціей В. В. Орѣхова.

Подписная плата во Франції — из расчета 60 фр. за
номер, в розницѣ — 65 фр.

Генеральное представительство кн. маг. «Возрожденіе»
73, Av. des Champs-Elysées, Paris 8e.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

« LA RENAISSANCE »

*Литературно-политическая
тетрадь*

ТETРАДЬ СОРОК ШЕСТАЯ

Октябрь 1955 года

P A R I S

**73, av. des Champs-Elysées, (VIIIe)
Tél.: ELYsées 06-03.**

ВЕЛИЧИЕ И СВОБОДА РОССИИ
ДОСТОИНСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РОСТ КУЛЬТУРЫ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ ОРГАН НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

ОСНОВАН 3 ИЮНЯ 1925 ГОДА В ВИДѢ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ, С 1936 Г. ПРЕОБРАЗОВАН В ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ. 7 ИЮНЯ 1940 Г., НАКАНУНѢ ВСТУПЛЕНИЯ В ПАРИЖ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ, ИЗДАНИЕ ВРЕМЕННО БЫЛО ПРЕКРАЩЕНО; С ЯНВАРЯ 1949 Г. И ДО ДЕКАБРЯ 1954 ГОДА «ВОЗРОЖДЕНИЕ» ВЫХОДИЛО ШЕСТЬ РАЗ В ГОД, С ЯНВАРЯ 1955 ГОДА ВЫХОДИТ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

VOZROJDENIE

« LA RENAISSANCE »

CAHIERS LITTERAIRES ET POLITIQUES

CAHIER N° 46

Octobre 1955

PARIS

**73. av. des Champs-Elysées, (VIIIe)
Tel.: ELYsées 06-03**

**Издательство просит адресовать письма и статьи
на имя Георгія Андреевича Мейера.**

*Статьи непринятые к напечатанию не возвращаются, и Редакція
не вступает в переписку по их поводу.*

Прием в Редакції: по вторникам и пятницам от 16 до 18 час.

КРОВЬЮ ЗАПЕЧАТЛЕННОЕ

(К будущему франко-русских отношений)

Среди французов, плывших на “Баторій” к берегам страны, именуемой нынѣ Совѣтским Союзом, преувеличенно высокій процент составляли, несомнѣнно, люди, ъхавшіе с вполнѣ уже опредѣленным, предвзятым и никаким доводам не поддающимся — коммунистизующим — мнѣніем. Никакого интереса они не представляют для будущаго, в особенности для будущаго франко-русских отношений, ибо эти коммунистизующіе интеллигенты, меныше, чѣм кто бы то ни было, способны что бы то ни было в Россіи понять.

На причалах царственного города, нынѣ называемаго именем Ленина, французских туристов встрѣчали представители нынѣшней власти, разсыпавшіеся в любезностях почти так же, как разсыпались перед Риббентропом и сопровождавшими его нѣмецкими делегатами на московском аэроромѣ в августѣ 1939 года. Это тоже неинтересно.

Но было, несомнѣнно, и нѣчто интересное. Всѣ французские туристы, среди которых, кромѣ коммунистов и их духовных попутчиков, было, однако, еще больше совершенно не-предвзятых и ничуть не большевизантизующих людей, вынесли совершенно ясное впечатлѣніе, что простые русскіе люди, начиная от рабочих на пристани, и дальше вездѣ, куда бы они ни ступали, оказывали им, по собственной своей доброй волѣ, прием не только радушный, но даже восторженный, зачастую переходящій в настоящую овацию, в такой формѣ и при такой обстановкѣ, которая одним только официальным заказом нельзя объяснить.

Можно только удивляться, когда, в нашей эмигрантской средѣ, это пытаются оспаривать. Что, собственно, нам хотят доказать? Что совѣтская власть дѣйствительно привила русскому народу тупую ксенофобію и ненависть ко всему заграничному? Что русскія народныя массы дѣйствительно жаждут залить Европу новым “нашествіем гуннов”? Или, что они, дѣйствительно, превратились в автоматы, способные реагировать только по приказу Кремля? Но, вѣдь, задолго до плаванія “Баторія”, задолго до нынѣшняго, очень еще относительного, приподнятія желѣзнаго занавѣса, мы знали из совершенно совпадающих показаній всѣх иностранцев, имѣвших случай побывать в Россіи, что никакой дѣйствительной “ненависти ко все-

му заграничному” в русском народѣ нѣт и что, напротив, стремленіе сблизиться человѣчески с иностранным гостем проявлялось украдкой при каждом представлявшемся случаѣ — в тѣ самыя, такія еще недавнія, времена, когда вся совѣтская пропаганда и весь совѣтскій полицейскій аппарат за это клеймили и это преслѣдовали.

Если теперь эти, прежде уже отмѣчавшіяся, народныя настроенія получили возможность проявиться открыто, если власть, зная об этих настроеніях, считает теперь необходимым прятать подальше агрессивную сущность коммунизма, то это — пока еще маленькая, но несомнѣнная, побѣда подлинной Россіи над коммунизмом. И не случайно эта потребность дружбы с другими народами проявилась с такой силой именно по отношенію к французам.

В концѣ 1939 года, в 40-м и в началѣ 41-го совѣтская печать надрывалась, прославляя германо-совѣтскую дружбу. Но сдѣлайте опыт: попробуйте в газетах того времени найти что бы то ни было похожее на отзвук **народных** русских симпатій к гитлеровской Германіи. Ничего не было. Ни малѣйших проявленій, хотя бы отдаленно похожих на пріем населеніем туристов с “Баторія”. Даже — наоборот. В мартѣ 1941 г. московские корреспонденты швейцарских газет отмѣчали, что подписаніе совѣто-югославскаго пакта о взаимопомощи вызвало в московской военной средѣ взрыв антигерманских настроеній, очевидным образом заставшій врасплох совѣтскую власть: для власти пакт с Югославіей — от котораго она почти сразу и отказалась постыдно — был только очередным ходом в длительном торгѣ с Германіей, с которой она ни в этот момент, ни в послѣдующіе мѣсяцы, вовсе не собиралась рвать.

Как до, так и послѣ мартовскаго “инцидента”, офиціальная совѣтская печать изо всѣх сил кадила нѣмцам, вплоть до кануна дня 22-го іюня. Но мартовскій “инцидент” показал, гдѣ были с самаго начала подлинныя симпатіи Россіи. Традиціонно, онѣ были, конечно, на сторонѣ тѣснѣмых германізмом славян и на сторонѣ Франціи, вновь, как в 1914 году, выступившей против германской агрессіи.

Пакт Молотова с Риббентропом, противный законам исторіи Россіи, кончился, как извѣстно, тѣм, что море огня и крови залило половину европейской территоріи нашей страны. И, не предаваясь теперь никакими ненужным и вредным “фобіям”, нужно все же сказать, что послѣ всего, содѣяннаго нѣмцами в Россіи, чувство исторической солидарности нашей націи с Франціей должно было, естественным образом, укрѣпиться и возрасти. Его не могли упразднить истерики сталинской холодной войны, как не могли его упразднить декламаціи против “англо-французских имперіалистов” в начальный період второй міровой войны.

Не бред конца сталинской “эры” и не преступная игра с Гитлером в 1939 году опредѣляют неизмѣнную и теперь уже достаточно провѣренную историческую линію. С русской сто-

роны, ее определяют здоровое чувство и жертвенность настоящих русских людей, по обе стороны "рокового рубежа".

Через десять лет послѣ окончанія второй міровой войны, мы имѣем право повторить, что здѣсь, в зарубежье, эта подлинная историческая линія была с честью представлена русскими эмигрантами, слѣдовавшими, среди всѣх перипетій мірового конфликта, живому чувству франко-русской солидарности. И на нас лежит прямой долг хранить память тѣх из них, кто скрѣпил эту солидарность своею кровью.

Фотографія, которую мы помѣщаем, символична. Сентябрь 1939 года, — дни, когда коммунистическая пропаганда на всѣ лады прославляла новоявленную германо-совѣтскую дружбу. В это самое время, в Парижѣ, группа русских офицеров французской арміи, готовящихся к отправкѣ на фронт, возлагала вѣнок на могилу Неизвѣстного Солдата. Прямо с площади Этуаль, сотрудники "Возрожденія" отвезли их в помѣщеніе редакціи, на Шанз-Элизэ. Вот они, на импровизированном чествованіи, окружают тогдашняго редактора "Возрожденія", Ю. Ф. Семенова, и будущаго редактора, И. И. Тхоржевскаго.

Сейчас никакого спора не может быть: исторически, Россію представлял в этот момент не "твердокаменный" совѣтскій министр иностранных дѣл, обмѣнивавшійся рукопожатіями с Риббентропом и организовывавшій совѣтскія поставки воюющіей Германіи, — русскую судьбу и русскую честь представляли эти русскіе офицеры во французской формѣ, чествовавшіеся в редакціи "Возрожденія".

Міровая война тогда только начиналась, начиналась "несуразно": «*drôle de guerre!*»! Потом, на полях битвы во Франціи, в "маки", в застѣнках Гестапо и в концентраціонных лагерях, в Сѣверной Африкѣ, на островѣ Эльба и под Монте-Кассино, на улицах освобождавшагося Парижа, в Вогезах и на Рейнѣ, в составѣ регулярной французской арміи и Французских Внутренних Сил, вездѣ находились русские люди, отдававшіе всѣ свои силы общей борьбѣ. И многие из них отдали жизнь.

Из любезно предоставленнаго нам обширнаго матеріала, тщательно собраннаго "Содружеством запасных Французской Арміи, призванных на основаніи статьи 3 закона 31 марта 1928 г." (т. е. закона, предусматривавшаго воинскую повинность для проживающих во Франціи "безподданных"), мы можем, к сожалѣнію, привести только нѣкоторыя из наиболѣе героических страниц. И нужно оговориться, что, несмотря на всю значительность уже проведенной "Содружеством" работы, еще без сомнѣнія остаются безвѣстными отдельные подвиги, совершенные русскими людьми, которых до сих пор не удалось охватить и учесть*).

3 июня 1940 г. в районѣ Аббевилля французский капитан

*) Всѣ материалы о русских эмигрантах «morts pour la France», просят направлять по адресу: Amicale des r eservistes de l'Arm e Fran aise, 26, rue Debucourt, Paris XVIIe.

Перетт, в виду недостатка в англійских офицерах, рѣшил принять на себя командование англійскими пѣхотными частями, которые на слѣдующее утро должны были атаковать наступавшаго противника. Вечером к нему неожиданно явился незнакомый ему лейтенант, заявившій, что, узнав о его рѣшеніи, желает его сопровождать. Прикомандированный к штабу 152-й Британской бригады, лейтенант Аитов, сын извѣстнаго русскаго врача, окончившій во Франціи Политехническое училище и Школу Политических Наук, формально имѣл всѣ основанія остаться в тот день при штабѣ в сравнительной безопасности. Но сам рѣшил иначе.

Капитан Перетт пишет:

“Не могу перечислить всѣ подробности его великодѣльного поведенія 3-го іюня и ту помошь, которую он, своим изумительным хладнокровiem и мужеством, оказал мнѣ 4-го числа, когда мы, вступив в бой в 3 часа 30 мин. утра, продвинулись от Боэнкура (под Беэном) болѣе, чѣм на четыре километра вглубь нѣмецкаго расположения. В итогѣ боя, временами переходившаго в штыковой, мы к 6-ти часам овладѣли назначеннай нам непрѣятельской позиціей... Под адским занавѣсом огня вражеской артиллеріи и под обстрѣлом нѣмецкой пѣхоты, мы вдвоем все время увлекали вперед шотландскія пѣхотныя части. Не знаю даже, как мы оба в это время еще были в живых!

“Достигнув поставленной нам цѣли, мы могли бы счастье наше заданіе выполненным, но тут нам представился случай притти на помошь другим частям, находившимся в трудном положеніи на нашем правом флангѣ. Аитов мнѣ сказал “Мы можем это сдѣлать и тогда будем героями; можем не сдѣлать и тогда окажемся перед нашей совѣстью... Как вам кажется?”

“Выбирать не приходилось, — продолжает капитан Перетт. — Аитов был еще около меня, когда мы бѣгом приближались к небольшому лѣсу. Мы были уже в нѣскольких десятках метров от опушки, когда я почувствовал страшный удар в ноги и упал”.

Капитан Перетт был подобран с тремя пулями в бедрах и семью в одежде. Лейтенант Аитов был убит.

9 іюня 1940 г., на Энѣ, 20 французских солдат, во-главѣ с лейтенантом, по собственному почину вновь заняли уже оставленную позицію и стали прикрывать отступленіе главных сил, отбивая насѣдавших нѣмцев ружейным и пулеметным огнем. В этой горсточкѣ героев, 8 человѣк из 20-ти полегли. И среди павших был безвѣстный рядовой Александр Ножин, родившійся 24 іюня 1916 г. в гор. Николаевѣ (Херсонской губернії).

9 іюня 1940 г. пулеметный отряд лейтенанта Боровского (в прошлом — капитана Л.-Гв. Павловского полка) весь день с успѣхом отбивал наступавших нѣмцев; недаром начальник отряда в предыдущіе мѣсяцы во всѣх подробностях изучал свои пулеметы и в то же время завоевал общее уваженіе и любовь своих подчиненных. На разсвѣтѣ 11-го прибѣжал запы-

хавшійся солдат связи и сообщил, что нужно отходить: другія части уже ушли, грозит окружениe. Боровскій остался на позиції впредь до получения письменного приказа и только послѣ этого благополучно увел свой отряд.

Приказ о посмертном награжденіи военным крестом гла-

Редактор «Возрожденія» Ю. Ф. Семенов и И. И. Тхоржевский
в кругу русских офицеров французской Армии.

сит, что 14-го іюня лейтенант Константин Боровскій был убит под гор. Сен-Мэнэульд, стараясь спасти пулемет из рук наступавшаго противника.

Битва во Франції была проиграна, нѣмцы взяли Париж, Вишийськое правительство заключило перемиріе. Но міровая борьба продолжалась.

Кадровый унтер-офицер французской армії Владімір Пухляков (в прошлом — подпоручик россійской службы) в кампаніі 1939-40 г. был отмъчен приказом по армії и награжден военным крестом. Попал в плен в районѣ Бетюна, через восемь мѣсяцев был отпущен во Францію, по разстроенному состоянію здоровья. В Парижѣ встрѣтил однополчанина, вахмистра Гардэ, который его связал с военной организаціей Рэистанса. Уже через нѣсколько недѣль группа, к которой он принадлежал, разгромлена, но Пухлякову удается спастись от ареста, он сохраняет связь, продолжает работать, в теченіе двух лѣт выполняет отвѣтственные заданія, производится в офицерскій чин. Проболѣв нѣсколько мѣсяцев, возвращается в Париж. В день именин его жены, 29 сентября, его арестовывает Гестапо.

Настоящим чудом сохранились письма, которыя приготовленный к смерти Пухляков писал и переправлял — тоже чудом — одному из товарищѣй по заключенію, в Германії, в Вольфенбюттельской тюрьмѣ. Это — поразительное свидѣтельство духовной высоты и всепобѣждающей вѣры в Бога, которую Пухляков все время старается внушить своему, как видно невѣрующему, корреспонденту. В послѣднем посланіи к семье сохранившемся вмѣстѣ с этими письмами, Пухляков, среди прочаго, пишет:

“Все время думаю о вас и все время молюсь Богу, чтобы он вас хранил... 23 мая 1944 года меня приговорили к смерти за Францію. Судил, в Дюссельдорфѣ, берлинский Народный Трибунал; но это для формы, я заранѣе был приговорен.

“Днем и ночью я скован. Моя единственная поддержка, моя единственная надежда — Бог.

“Молюсь все время и вѣра у меня большая. Бог никогда не оставляет своих несчастных и грѣшных дѣтей.

“Если Бог продлит мнѣ жизнь, буду отнынѣ всю жизнь Ему служить и буду жить только для вас. Если Он призовет меня к себѣ — да будет Его воля. Все, что Он дѣлает, — для нашего блага, но вас я прошу всегда жить с Ним, Его любить, не отходить от Него никогда, Ему служить. И вы будете Ему служить, оставаясь едины, любя друг друга и дѣлая добро вокруг вас.

“Если не вернусь, то прошу своих дорогих дѣвочек быть всегда христіанками и никогда не огорчать свою маму. Прошу их своею любовью помочь ей пережить это страшное испытаніе.

“Всѣ мы грѣшники и Один Бог судит нас всѣх. Если умру, то умру за Бога, за Францію и за вас”.

Младший лейтенант Пухляков был обезглавлен в Вольфенбюттель 9 февраля 1945 г. А одна из его дочерей, которым он так трогательно заповѣдал “быть всегда христіанками”, тоже

приняла участіе в Рэзистансѣ и была заживо сожжена, в Дордони, нѣмецкой карательной экспедиціей.

Что первая во Франціи организація Рэзистанса была, сразу послѣ разгрома 1940 года, основана русскими и что тѣми же русскими — Вильде и Левицким — было придумано само название «Résistance» — факт общеизвѣстный, на котором нѣт надобности настаивать. Не будем также повторять, надо думать, общеизвѣстных, подробностей “дѣла Музея Человѣка”, трагического и блестящаго (“Они всѣ умерли героями”, по словам нѣмецкаго прокурора, присутствовавшаго при разстрѣлѣ).

Но хочется подчеркнуть, что при всѣх своих бросающихся в глаза различіях, оба — и Вильде, и Левицкій — были русскими вовсе не только по имени или по происхожденію.

Вильде, тревожный, мятущійся, агностик, “азартный игрок” (“Я всегда живу так, как если бы завтра должен был умереть”), жаждавшій чего-то вродѣ откровенія космической любви, ловившій ея отблеск в любви к своей женѣ, писавшій, что через жену и через ея семью он “узнал и полюбил Францію”; Левицкій, уравновѣшенный, просвѣтленный (по его предсмертному письму: “Я готов уже давно и совершенно спокоен, мнѣ кажется, что душа моя в мирѣ с Богом”), любящій Францію несомнѣнныи русскій патріот и монархист, ратовавшій до войны в одном из парижских младороссих “очагов”, — как мало они друг на друга похожи и до чего же все-таки ясно, что оба они — типичнѣйшиe русскіе люди, пожалуй, даже — типичнѣйшиe русскіе интеллигенты в самом лучшем значеніи этого слова.

Другая страница, не менѣе героическая:

“Младшій лейтенант Французских Внутренних Сил, основательница, главный секретарь О.С.М., участница сопротивленія с 1940 г. Арестованная, вывезенная в Германію и разстрѣлянная в Берлинѣ, явила всѣм прекрасный примѣр преданности Франціи и героизма в борьбѣ с гитлеризмом. — Подписи: Бидо, Мишелэ”.

Это — приказ о посмертном награжденіи орденом Почетнаго Легіона, военным крестом с пальмами и медалью Резистанса княгини Вѣры Аполлоновны Оболенской.

И дальше:

“Этим приказом я хочу запечатлѣть мое восхищеніе перед услугами, оказанными Вѣрой Оболенской, которая, в качествѣ добровольца Объединенных Націй, отдала свою жизнь, дабы Европа снова могла стать свободной. — Подпись: Монтгомери”.

Если бы с княгиней В. А. у меня было кровное родство, я попросил бы кого-нибудь другого писать эту сводку. Но кровного родства у меня нѣт, поэтому могу вполнѣ “со стороны” постараться достойно говорить об этой изумительной русской женщинѣ и напомнить хоть нѣкоторыя черты ея образа и ея подвига.

Выдержка, хладнокровіе, находчивость, подкрѣпленная феноменальной памятью, сначала в напряженной подпольной работе, потом на допросах, неизсякаемая бодрость и остроуміе, поддерживавшія других в самыя трагическія минуты, и вмѣстѣ с этим — ясное, как день, сознаніе того, за что бороться и за что умирать:

“Нельзя, исповѣдуя Христа и понимая сущность Его завѣтov — братство людей в Духѣ Святом, примириться с отбором людей по крови”.

“Я русская и всю свою жизнь жила во Франціи; не хочу измѣнять ни своей Родинѣ, ни странѣ, пріютившей меня”.

Это — в Гестапо, в отвѣт на старанія нѣмцев сбить ее с толку ссылками на то, что они же ведут “крестовый поход против коммунистов”. Она тут же им объяснила, что не уничтоженіе коммунизма их цѣль, а уничтоженіе Россіи.

И в отвѣт на “доказыв” антисемитскаго порядка:

“Я — вѣрующая христіанка и поэтому не могу быть антисемиткой”.

Все принимая на себя, она выгораживала всѣх, кого выгородить было возможно, играла даже равнодушную жену — чтобы отвести подозрѣнія от мужа, в дѣйствительности тоже участвовавшаго в Сопротивлѣніи.

И когда, в Берлинѣ, ее повели на смерть и она знала, что ее ведут на смерть, она, чтоб не огорчать товарищей по заключенію, нашла способ сообщить им, с бодрым лицом, что ее перевоят в другую тюрьму.

Почти одновременно с княгиней Оболенской от руки Гестапо пал, в парижской тюрьмѣ Сантэ, схваченный при исполненіи боевого заданія Рэистанса, двадцатилѣтній юноша Николай Мхитаріанц, только-что сдавшій — с блеском — “башо”. Вот его предсмертная записка семье:

“Прежде чѣм умереть благодарю Господа. Буду там молиться за семью. Вы все, любящіе меня, молитесь за меня. Мужайтесь и надѣйтесь”.

Павел Зиссерман только незадолго до войны окончил Лувенскій университет, жил в Бельгіи, иногда наѣзжал в Париж. Тут мы встрѣчались нѣсколько раз. Полный жизненных сил, всѣм интересующійся, хаотичный, но понимающій добровольную дисциплину, он готов был до потери сознанія спорить по пунктам о том, какой должна быть новая монархія в Россіи. При оккупации нѣмцы, в Бельгіи, посадили его в “конц” (судя по фамилии приняли его, кажется, сначала за еврея), потом выпустили. В 1942 году Зиссерман удрал во Францію, в “свободную зону”, оттуда — в Швейцарію. Из Швейцаріи начал стараться попасть обратно во Францію, но уже в “маки”. Наконец, попал. Говорят, что драился “бѣшено”. 23 декабря 1943 г. был послан с отрядом устроить нѣмцам засаду и вмѣсто этого сам с отрядом оказался в ловушкѣ — из-за горного обвала, внезапно отрѣзавшаго путь к отступленію. Приказав своим “Бѣгите!” Зиссерман с автоматом в руках один остался хоть

на нѣсколько мгновеній задерживать нѣмцев. Был, конечно, убит.

В то время, как одни представители россійской эмиграціи боролись и умирали в оккупированной Франціи, другіе сражались и умирали под французскими знаменами вездѣ, гдѣ французскія знамена еще вѣяли свободно.

В 1-й дивизіи Свободной Франціи (ген. Монклара) знали, как "легендарного героя", *"un h  ros de l  gende"*, и любили, как исключительно заботливаго и чуткаго начальника, полк. Амилахвари, павшаго под Эль-Аламейном. А дальше — цѣлый список людей с русскими именами, погребенных под Бир-Хакеймом, в Тунисѣ, под Карфагеном, — о многих и неизвѣстно ничего, кромѣ имени.

Иван Георгіевич Земцев, в прошлом — вольноопредѣляющійся первой міровой войны, участник гражданской войны в рядах арміи Юденича, был в 1940 г., послѣ перемирія, демобилизован из Иностранныго Легіона. Поселился в Сиріи — и там примкнул к войскам Свободной Франціи при первом же их появлениі. "Был у меня в легіонѣ лучшим командиром взвода, — пишет о нем его начальник полк. Вагнер, — умным, смѣлым, находчивым". Дважды был представлен к Военному кресту и пал под Бир-Хакеймом.

В Сиріи же, 56-лѣтній русскій эмигрант Шуваев, спокойно жившій в Бейрутѣ в небольшом собственном домѣ, пошел добровольцем в войска Свободной Франціи. О нем уже цитированный полк. Вагнер пишет: "Был шофером грузовика, всегда прекрасно работавшим. Убит при отступленіи в Ливіи в сентябрѣ 1942 г.".

В Италіи в составѣ французских войск оказался 55-лѣтній черкес Яньсаев. Перед наступленіем на "линію Густава" пришел приказ всѣх ложилых отправить в тыл. По разсказу его командира роты, В. И. Алексинского, Яньсаев заявил:

"В Россіи нѣмцы и против них доблестно боятся всѣ русские. У нас в Россіи боятся до тѣх пор, пока держатся на ногах. Я держусь на ногах и поэтому прошу оставить меня в ротѣ".

Опрашивавшій его капитан улыбнулся и удовлетворил его просьбу. Через три дня, в первом же бою, Яньсаев был убит.

Юрій Стецкевич (род. в Архангельскѣ в 1916 г.) за кампанію 1940 г. был отмѣчен приказом по полку. В 1943 г. оказался в составѣ ударнаго батальона в Тунисѣ, затѣм — на Корсикѣ. Приказ по корпусу от 12 декабря 1943 г.:

"Выдающійсяunter-офицер, исключительной храбости. Получив свѣдѣнія, что непріятель заложил мину с часовым механизмом для взрыва полузатонувшаго парохода в порту Бастиа (Корсика), поднялся на этот пароход, разыскал часовой механизм, который с минуты на минуту должен был произвести взрыв, и обезвредил мину, чѣм спас пароход и самый порт от разрушеній".

Через полгода — приказ по бригадѣ:

"Прапорщик Стецкевич, во время высадки на островѣ

Эльба 17 іюня 1944 г... приняв участі в ликвидації одной из вражеских батарей, немедленно переправился на противоположный берег острова, где его отряд под его воздействием одним из первых достиг намеченной цели, сметая все препятствия".

Через два месяца, Стецкевич был смертельно ранен в живот при взятии адмиралтейства в Тулонѣ.

Франція освобождалась. В Луарѣ, в последних боях с отступавшими немцами, пал сын русского врача, Алексѣй Чехов. В 1940 г. он был по состоянию здоровья освобожден от военной службы, что не помешало ему при оккупации пойти в Резистанс и затѣм уйти в "маки". Вызываясь всегда для самых опасных поручений, он быстро выдвинулся, был произведен в младшие лейтенанты. По словам его подчиненных, они "обожали" этого спокойного, выдержанного и беззавѣтно храброго человека. На месте, где он пал, ему поставили памятник, а жители гор. Бріара, где он одно время жил со своими родителями, назвали его именем улицу.

25 августа 1944 г. младший лейтенант Карновский вошел в Париж в составе дивизии Леклера. В 1940 г. он с группой юнкеров героически дрался на Луаре, был взят в плен, бѣжал, пробрался в Африку, в 1943 г. дрался в Тунисѣ, в іюнь 1944 г. высадился с дивизией Леклера в Нормандії.

В Парижѣ, позвонив родным, он повел свой противотанковый отряд к Венсенским казармам. На окраинѣ города ФФИ вели бой с немецким танком. При появлении отряда Карновского, немцы (С.С.) выскочили из танка, ворвались в соседний дом, разставили жильцов у окон и, стоя позади их, открыли огонь. Чтобы не стрѣлять во французских жильцов, Карновский приказал выстрѣлить из орудія в воздух. Немцы выкинули белый флаг. Карновский направился в дом, чтобы взять их в плен. На площадке лестницы, эсэсовец выстрѣлил в него в упор и ранил смертельно.

На несколько дней раньше, в уличных боях у Орлеанскаго вокзала в Парижѣ, пали муж и жена Доріомедовы. Приказом по дивизии генерала Кенига, Галина Доріомедова была посмертно награждена Военным крестом, как одна из старѣйших и активнейших участниц Сопротивленія.

23 февраля 1944 г., отражая последний немецкий налет на Алжир, погиб старший унтер-офицер авиации, участник всех кампаний войны, Николай Алексѣевич Юргенс, сын полковника Российской Императорской арміи. "Летчик-истребитель, чьего молодость, характер и предпримчивость предвещали блестящее будущее, — гласит о нем приказ по Воздушным Силам, подписанный генералом де-Голь. — Нарѣдкость расторопный, неутомимо энергичный, он служил всем своим товарищам образцом прямоты и храбрости. Имел 97 летных часов в 59-ти боевых заданиях".

Кадровый лейтенант Николай Расловлев состоял при кавалерийском училище в гор. Тарб, когда произошла высадка союзников в Сѣв. Африкѣ. Немедленно он связался с подполь-

ной боевой группой, принял участие в исключительно рискованном дѣлѣ — освобождении французского офицера, арестованного Гестапо, — проявил при этом исключительную храбрость, обеспечившую успех, стал затѣм развивать неутомимую дѣятельность, поражавшую его соратников. Один из них пишет о нем:

“Пѣшком, в автомобилѣ, на велосипедѣ, он сновал по дорогам, мимо нѣмецких постов, проникал в Тарб, чтобы подт旣гивать колеблющихся, хотя знал, что за ним слѣдят, реквизировал грузовики у коллаборантов, атаковал нѣмецкія машины, гранатами, если не было патронов. Он все дѣлал! Чтобы собрать свѣдѣнія об Оссенском аэродромѣ, Николай, переодѣвшись рабочим, проработал два дня среди нѣмцев, лазил повсюду, дѣлал замѣтки и привез свѣдѣнія исключительной важности”. Послѣ освобожденія Франціи, уже опять в составѣ регулярной арміи, Расловлев бѣется в Вогезах. В концѣ ноября он получает приказ о переводѣ в другую часть. Но как раз 29 ноября его прежняя часть должна штурмовать нѣмецкія позиціи на Друмонских горах. Расловлев рѣшает остаться на один день и находит смерть в этом бою. “Прямота и абсолютная моральна честность были его основными чертами, — пишет о нем тот же его соратник. Никогда он не согласился бы совершить несправедливость или такое дѣйствіе, которое не казалось бы ему вполнѣ правым. Это давало ему такую душевную высоту, что он был в состояніи с полным спокойствием идти под огонь”.

В заключеніе — вот что французскій офицер, не желающій публиковать свое имя, пишет о служившем под его начальством вольноопредѣляющемся 1939 года, в прошлом — офицерѣ Россійской Императорской арміи, В. Рудометовѣ, геройски павшем в самом началѣ войны:

“Служа под знаменами своего пріемнаго отечества, он продолжал служить и своему первому отечеству, которым была полна душа его, и ради любви к нему он умер за Францію. Режимы преходят, отечества остаются, они переживают даже самые дурные режимы. И отечество, у котораго есть такие люди, не может умереть”.

Воистину.

Кн. С. Оболенскій.

ЛЮБОВЬ ТРИСТАНА И ИЗОЛЬДЫ

(Продолжение. Начало смотреть в № 43-м “Возрождения”).

IV.

ЛЮБОВНОЕ ЗЕЛЬЕ

День отплытия Изольды в страну Корнуала уже приближался. Мать Изольды сварила цветы, и коренья, и разные травы, И, смешав их со старым вином, получила любовный напиток. Нашептав заклинанья над ним, налила его в винную флягу. Позвала Бранжану и так ей сурово сказала:

“Ты поедешь с Изольдой в страну Корнуальскую Марка,
Ты любишь Изольду и върно ей служишь, возьми эту флягу
И слова мои крѣпко запомни, — должна ты хранить это зелье
Так, чтоб взоры ничьи не увидѣли, губы ничьи не коснулись
Этой фляги волшебной, с напитком любовным. Когда же настапет
Брачна ночь и супруги взоятут на брачное ложе,
Это зелье ты в кубок вольешь и подашь им, чтоб выпили оба —
Марк, король, и Изольда, его королева. Но знай, Бранжана,
Только они могут выпить его. Такова его сила,
Что тѣ, кто осушат его, и душою и тѣлом, навѣки,
Всѣми чувствами, мыслями, в жизни и в смерти, полюбят друг друга”..
На крестъ Бранжана клялась, что приказ королевы исполнит.

Корабль уносил, разсѣкая глубокія волны, Изольду.
И чѣм дальше ее уносил он от родины милой, тѣм больше
Горевала она, изнывала в тоскѣ и слезами
Обливалась, свою вспоминая Ирландію. В сердцѣ Тристана
Жалость к Изольдѣ была, и ее он пытался утѣшить.
Но она прогоняла его, и тоска, как змѣя, в ея сердце
Жало вонзала: — “жалѣть меня, он, убийца Маргольда,
Мною хитро завладѣв, он отдал меня тотчас другому,
И, вот, как дабычу свою, он везет меня к старому Марку!
Бѣдная я!” — говорила Изольда, — “будь проклято море,
По которому плыть я должна! Лучше б мнѣ умереть молодою,
На родимой землѣ, чѣм до старости жить, средь врагов, на чужбинѣ!”

На зарѣ вѣтер стих, паруса неподвижно повисли на мачтах,
И приchalить Тристан приказал к недалекому острову, чтобы
Вѣтра дождаться. Всѣ вышли на берег и только Изольда,
С юной служанкой своей, на борту оставались. Случайно
К Изольдѣ Тристан подошел. Было жарко, полдневиное солнце
Жгло и жаждой томило; и они попросили служанку
Дать им напиться. И дѣвочка, между вещей, увидала
Винную флягу, и крикнула им: “Я вино отыскала!”
Нѣт, не вино это было, а страсть, и томленье, и счастье
Горькое, и безконечная боль, и безумье, и тибель!

Дѣвочка, кубок наполнив, подносит его королевѣ.
И Изольда, большими глотками, отъ кубка того отпивает,
И Тристану дает, и Тристан осушает до дна ѿтот кубок.
В это мгновеніе вошла Бранжіана и видит:
Глядят друг на друга Тристан и Изольда, как будто друг друга
Увидали впервые. И флягу и кубок пустой увидала.
Флягу схватив, Бранжіана за борт ее бросила, плача,
Вскричала: “Будь проклят рожденія день моего, и будь проклят
День, когда я на корабль сей проклятый вступила!
Изольда, подруга моя, и Тристан, вы отпили от смерти!”

В путь отправился снова корабль, и казалось Тристану,
Что в кровь его сердца корнями глубоко вонзился терновник,
И вѣти его, что покрыты цвѣтами и иглами, крѣпко
Сплели его тѣло и всѣ его мысли, и всѣ его чувства,
С тѣлом прекрасным Изольды. И совѣсть терзала Тристана:
“Андрѣ, Генелон, Гондоин и Денеалан обвиняли
Меня, что позарился я на богатое Марка наслѣдство.
Но теперь, во сто крат я презрѣннѣй и ниже! Уже не на землю
Позарился я!.. Мой король, вы меня полюбили, не зная,
Что я сын вашей бѣдной сестры. Надо мною вы плакали горько,
Когда на руках вы сносили меня, на рыбачую барку
Без весел и паруса. Если бы вы знали, вам было бы нужно
Тристана убить, чтоб не стал он предателем вашим.
Что я дѣлаю?! — Я ваш вассал, а Изольда супруга;
Я сын ваш, Изольда жена. Не должна, и не может вовѣки
Изольда меня полюбить!” — Но Изольда любила Тристана.
Хотѣла его ненавидѣть, но нѣжность мѣшала — та нѣжность,
Которая сердце болыннѣй и сильнѣе, чѣм ненависть, ранит.

Бранжіана смотрѣла на них и сердце ея разрывалось.
Ибо знала она, что совершенное зло невозможно исправить.
Два дня и двѣ ночи за ними слѣдила она и видела,

Как они, отказавшись от пищи и сна, от всего отказавшись,
Искали повсюду друг друга. — Так ищут друг друга во мракѣ
Два слѣпца и, когда не находят, томятся в тоскѣ безысходной,
А найдя, еще больше несчастны, страшась рокового свиданья.

В третій день, когда солнце уже заходило, к шатру королевы Тристан подошел и его увидала Изольда, и встала Навстрѣчу ему и сказала с улыбкою кроткой: “Войдите, Государь мой!” Тристан ей отвѣтил: “Зачѣм вы, моя королева, Своим Государем назвали меня? — Я вассал ваш и данник, Я служу вам и чту вас всегда, как мою королеву и Даму!”. А Изольда сказала: “Неправда! Ты знаешь, что ты мой любимый, Мой Государь! — Вѣдь ты знаешь, что сила твоя побѣдила Меня и я стала рабою твоей. Ах, зачѣм я когда-то Гнойных раны фигляра, отравою не растравила! Почему не оставила я умират, на травѣ, у болота, Убийцу Дракона! Зачѣм, когда в бандѣ он был беззащитен, Не опустила я поднятый меч! — Но, тогда я не знала — Увы! — все, что зпаю теперь!” — “Что ж теперь вы узнали, Изольда? Что вас мучит? — “Меня, мучит все, что я знаю и вижу. Все — и небо, и море, и тѣло мое, и дыханье!”. Руки свои положила Изольда на плечи Тристана, И текли по щекам ея слезы, а губы дрожали. А Тристан повторил еще раз: “Что же вас так терзает, Изольда?”. И Изольда сказала: “Тристан, я люблю вас!” — И губы Тристана Губ дрожащих Изольды коснулись. И, вдруг, Бранжіана, Что слѣдила повсюду за ними, вѣжала в шатер и упала К их ногам и вскричала в слезах: “О, несчастные, остановитесь И вернитесь обратно! Но, нѣт, этот путь не имѣет возврата... Любовь вас несет, роковая любовь, — больше счастья без боли Знать не будете вы! Вы напитком любовным, таинственным зельем, Одержимы навѣки. Его вы должны были выпить, Изольда, С Марком, вашим супругом, но всѣх нас лукавый попутал, И вы выпили кубок с Тристаном! Я плохо за вами слѣдила, Преступленье ужасно мое. — Друг Тристан и подруга Изольда, Вы выпили смерть и любовь из этого страшного кубка!”. И Тристан, улыбаясь, сказал: “Смерть, мы ждем, смерть, пріайди!”. И Изольду К сердцу прижал, и тѣла их дрожали от страсти и жизни.

А ночью, когда все быстрѣй, подгоняемый вѣтром попутным, Плыл корабль к уже близкой землѣ, короля Корнуальского, Марка, Соединенные в жизни и в смерти, Тристан и Изольда Отдавались смертельной любви, в каждом кратком мгновеньи — на- [вѣки.]

Влад. Смоленскій.

A. ВЕЛИЧКОВСКИЙ.

**

Опять весна, опять начало марта.
Весенний ветер мягок и пахуч.
Бывало там, еще на школьной партѣ:
Как помню я! Косой горячий луч
В одиннадцать часов утра касался
Почти пустой чернильницы... потом
Рука моей тужурки нагревалась
Живым, как счастье, мартовским теплом.
А во дворѣ — крик галок, радость, нѣга,
Звон бубенцов в сияющем кругу.
В горячем солнцѣ — свѣжій запах снѣга
И запах солнца — в тающем снѣгу.

**

Заката высокій весенний пожар
На завитках облаков розовѣет.
И кровью моей наливаюсь, комар,
Слетая с руки, безнаказанно реет
Прозрачным рубином в послѣдних лучах
И тонет в прохладных вѣтвях.

**

Окно одѣвает туманом
Дыханья живое тепло.
Когда же дыханья не станет,
Очистится сразу стекло.
И сразу — уже не случайно,
Не в смутном пророческом снѣ,
Откроется страшная тайна
Всего невидимаго миѣ.

**

Часто слышу ночью, пресыпаясь,
Удалляющійся стук колес:
Это тот же поѣзд проѣзжает,
Что когда-то нас с тобою вез.
Трудно мнѣ в вагонном караванѣ
Не узнать того вагона стук,
Гдѣ еще, как на нѣмом экранѣ,
Наші тѣни ищут прежних рук.

A. Величковскій.

ГОРЬКІЙ И ДЬЯВОЛ

А. М. Ремизову.

— Избави мя от стрѣлы, летящей во дне; от вещи, в нощи
преходящея; от сряча и бѣса полуденнаго...

— Природу вмѣстѣ создавали Даждь-Бог и грозный Чер-
нобог.

На каком-то представлениі горьковскаго "Дна", уже здѣсь,
заграницей, я сидѣл рядом с покойным Зензиновым. Зензинов
был соціалистом-революціонером и занимал в партії генераль-
сіе посты. Эта храбрая партія, при Царѣ, поубивала сотни горо-
довых, но при большевиках она явно поджала хвост и стала
паинькой. Генералы имѣли вид отставных, без мундира и
пенсій.

Я искося присматривался к Зензинову: простоватое му-
жицко-ярославское лицо, по-мужицки, с хитрецой в зрачкѣ,
смотрит на сцену и явно не вѣрит, что в ведрѣ Василисы —
кипяток, что ниточки — гнилья и что в руках Луки — пса-
тиль.

Обыкновенно русскіе соціалисты были невѣроятно чван-
ливы: если вы не держитесь его мнѣній, — он вас откровенно
презирал и чай пить с вами не садился. Истина находилась в
его боковом карманѣ. И что такое вы, ничтожный индивидуум,
в сравненіи с его просвѣщенностью, особенно марксистской?
Большой частью дубы были сиволапые, но всѣ вмѣстѣ состав-
ляли силу, иногда внушительную. На этой недалекости и фа-
натизмѣ разыгрывали свои симфоніи Бетховены "центральных
комитетов". Они, среди которых были и Азефы, гнали стада
этих божьих коровок в пекло и заставляли их стрѣлять в горо-
довых, всего только регулирующих уличное движение. И
"создавали террор", полезный прогрессу и "поступательному
движению".

Зензинов был ярославскій мужик. Отец его торговал в Мо-
сквѣ чаем и чай был не плохой. Вѣроятно, были и деньжонки,
часть которых ярославскому соціалисту удалось вывезти в
эмиграцію, и здѣсь у него был даже собственный автомобиль.
Шикарный соціалист.

Все это был, как говорят актеры, наигрыш: мужик, по
природѣ своей, не может быть соціалистом и я готов держать
пари, что большевистская власть погибнет не от концентра-
ціонных лагерей, а от колхозов. Колхоз — это быдло, а мужику

надобен индивидуальный надѣл, как поэту — листок бумаги, на котором он напишет свое стихотвореніе.

И, самое главное, что все это я пишу не на тему. Мнѣ надобен мой разговор с Зензиновым, когда послѣ представлениія мы вышли на улицу. Оглянувшись и замѣтив, что Вишняка нѣт, — Зензинов окончательно осмѣлѣл и сказал слѣдующее:

— Поразительная разница впечатлѣній. Я вспоминаю тот московскій вечер, когда я впервые увидѣл “Дно”. Тот вечер и сегодняшній.. Тогда было впечатлѣніе, которое можно назвать потрясающим. Сегодня мнѣ хочется только выпить стакан пива, потому что за завтраком ъѣл рыбу. Теперь я ясно отдаю себѣ отчет, что пьеса — средняя, кое-гдѣ фальшивая.

— Может быть дѣло в игрѣ? — спросил я

— Нѣт, — отвѣтил Зензинов: — тогда было какое-то на-вожденіе.

Я почувствовал, что ярославскій мужик сказал настояще, нужное мнѣ слово.

Я осмѣлѣл и спросил:

— Может быть зайдем и выпьем по кружкѣ?

Зензинов испугался.

— Нѣт, нѣт, — торопливо сказал он и, пожав мнѣ по-соціалистически руку, скользнул в подземелье: гдѣ-то мелькнула брюнетистая тѣнь.

Блаженъ соціалист, иже не иде на совѣт нечестивых. Алли-луя.

* * *

Из мокраго парижского вечера перенесемся на блистательное тиберіевское Капри. Игрушка, упавшая с елки Господа Бога.

Райскій вечер. Тишина. Никаких огней. Темное море, по которому, однажды, в своих членоках пробирался хитроумный Одиссей. А вон темнѣют и камни, которые в него бросал разъяренный Полифем и которые теперь называются фаральонами. Да, сегодня подул вѣтер, который здѣсь называется сорок братьев, и слышно, как в гротах затянули свои пѣсенки соблазнительныя полногрудыя нимфы. Эх, пройтись бы сейчас по бережку, но опасно: пѣсенки магнитныя, а постели в гротах глубокія: Одиссей это знал... Знаю это и я. Знает и Алексѣй Максимович Горькій, мой хозяин и амфитріон.

Вдалекѣ на морѣ свѣтит рыбаккій огонек.

— Бунин когда-то сказал: “как свѣтчечка”, вспоминает Горькій: — и лучше не скажешь. Просто и ясно.

Мы сидим в соломенных потрескивающих креслах и пьем божественное капрійское бѣлое вино, — то самое, которое не выдерживает переѣзда по морю, потому что у него кружится голова.

Так утверждают капрійские винодѣлы.

**

Горький очень ценил интересное собеседничество и, в этом отношении, сам всегда хорошо вооружен. У него есть определенный разговорный репертуар, отлично разработанный: рассказов десять-пятнадцать. Я их все великолепно знаю, ибо живу у него в доме не первый месяц, и слышу, как он разговаривает со своими визитерами. Всегда — одно и то же, вплоть до интонаций. Только для Сытина он дал несколько искусно сыгранных вариаций:

— Эх, хотелось бы в баньку, а потом ко всемощной: прислониться бы вот так к стъяночке, в уголку, и послушать “Хвалите”.

Сытин таял, но за карман держался: речь шла о покупке сочинений.

**

Однажды зашла речь о запрестольных фресках Гирляндайо во флорентийской церкви Санта Мария Новелла. Разсуждали о том, что все сцены Ветхого Завета написаны в костюмах, современных этому художнику.

— Вот уж никак не могу себе представить, чтобы Ветхий Завет был бы написан в костюмах, современных, скажем, нам. Авраам в сюртуке, Исаак во фраке, а Иосиф — в разлетайке?

И постепенно съехали на разговор об иконописи.

— А вы знаете? — сказал Горький: — я ведь учился этому ремеслу. Но не пошло: вьры не было. А это самое главное в этом деле. Большая комната. Сидят человек двадцать богоизбраных и пишут иконы. А я вступил, как растиратель красок, ну и присматривался, конечно. Пишут Богов, Божию Матерь и Николу. Хозяин — мрачный, платит поденно и слѣдит, чтоб не раскуривали. Скука, а пѣсен пѣть нельзя. Попробовали божественное: “Кресту Твоему” — не идет. Я был мальчишкой бѣдовий. Подойдешь к одному-другому и шепнешь: “Нарисуй ему рожки!” Так меня и прозвали: “дьяволенок”. Хозяину это не нравилось, вынул он из кармана сорок копѣек и сказал: “собери свое барахлишко и к вечеру очисть атмосферу”. И вот вечером, когда я пришел к товарищам попрощаться, один из них вынул из стола две маленьких иконки и сказал: “вот для тебя специально написал, выбирай”. На одной был написан мой ангел Алексей — Божий человек, а на другой — дьявол румянный и с рожками. “Вот выбирай, что по душѣ”. Я выбрал дьявола, из озорства. — “Ну вот я так и мыслил”, — ответил богоизбранный: — “что ты возлюбишь дьявола. Ты из дьявольской матери создан. И мамаша твоя не иначе, как путешествует на Лысую Гору”. “Как же, как же, — ответил я, смѣясь: — я и самѣзил с ней не один раз”. “Ну, вот и молись своему образу: он тебя вывезет”, но, прибавил богоизбранный: “жди конца”. Чего в душѣ у меня екнуло, но нельзя же поддаваться

паникѣ! Что-то было в этом от “Пана Твардовского”, которым я зачитывался: и интересно, и жутковато.

Горький замолчал, посмотрѣл на морской огонек и повторил слова Бунина:

— Как свѣтчечка.

— А гдѣ же теперь эта вещица?

— У меня, — отвѣтил Горький: — я никогда не мог с ней разстаться. Даже в Петропавловской крѣпости вмѣстѣ со мной был. Всѣ вещи отобрали, а его оставили. Приходите завтра ко мнѣ, в кабинет: я вам его покажу.

**
**

Горький нанимал небольшую усадебку-цвѣтничек, на которой было построено, на живую нитку, два маленьких дома. В одном он жил сам, а в другом была столовая, кухня и комната для гостей. Кабинетом ему служила большая, во весь этаж, комната, в которую посѣтители приглашались рѣдко и развѣ только по особо важным дѣлам. Я подолгу живал у него, но в кабинетѣ был только два раза. Святалище.

На этот раз я был приглашен и Марья Федоровна, работавшая на машинкѣ у лѣстницы, сначала было воспрепятствовала моему восхожденію, но когда узнала о приглашеніи, — пропустила.

Большая комната; продолговатое окно с зеркальным стеклом на море. Библиотека. Витрина с рѣдкостями, которая Горький собирает для нижегородского музея. Стол — алтарь.

Я пришел в полдень, перед завтраком. Горький работал с утра, лицо у него было утомленное, глаза помутнѣвшіе, “выдоенные”. Он знал, что я пришел смотрѣть дьявола и показывал мнѣ его, видимо, не с легким сердцем.

Дьявол был запрятан между книгами, но Горький четко знал его мѣсто и достал дощечку моментально. И он, и я, — мы оба, неизвѣстно почему, испытывали какое-то непонятное волненіе.

Наконец, дьявол — в моих руках и я вижу, что человѣк, писавшій его, был человѣком талантливым. Что-то было в нем от черта из “Ночи под Рождество”, но было что-то и другое и это “что” трудно себѣ сразу уяснить. Словно в нем была ртуть и при поворотѣ свѣта он, казалось, то шевелился, то улыбался, то прищуривал глаз. Он с какою-то жадностью, через мои глаза, впитывался в мой мозг, завладѣвал в мозгу каким-то мѣстом, чтобы никогда из него не уйти. Он сразу поровнялся с тѣми впечатлѣніями, которыя я имѣл от неаполитанской цыганки Корреджіо, от человѣка с перчаткой Тиціана, от комнаты Ван Гога... Россійскій дьявол этот, пожелал вселиться в меня и я чувствовал, что тут без святой воды не обойтись и что нужно в первую же свободную минуту сбѣгать в собор, хотя бы и католической.

— Нравится? — спросил Горький, неустанно слѣдившій за моими впечатлѣніями.

— Чрезвычайно, — отвѣтил я.

— Вот тебѣ и Россіюшка-матушка, обдери мою коровушку. Хотите подарю?

И тут я почувствовал, что меня словно кипятком обдало.

— Что вы, что вы, Алексѣй Максимович? — залепетал я: — лишать вас такой вещи?..

Я чувствовал, что в моем голосѣ звучат тѣ же ноты, которые звучали у гоголевского бурсака, когда он, в "Вѣ", не хотѣл оскоромиться.

— Ни за что, ни за что, — лепетал я: — да потом, признаться сказать, я его и побаиваюсь...

Горькій, казалось, добрался до моих сокровенных мыслей, засмѣялся и сказал:

— Да, он страшноватый, Чорт Иванович.

Горькій снова запрятал его между книгами и мы пошли завтракать. Катальдо, повар Горькаго, дѣлал все вкусно и соблазнительно, но у меня пропал аппетит и я часто по ошибкѣ хватался за бутылку с бордо, которую Горькій, обыкновенно, гостям не предлагал. И только разница между бордо и винами итальянскими приводила меня к дѣйствительности: день жаркий, но жарою вкусной, желанной, растворенной сорока братьями; море — как только что сотворенное, налитое свѣжей, лѣнивой плотной водой, — и чего волнуется сам себя запугивающій человѣк?

Но мнѣ казалось, что это — не дом и не крыша, а мост и что сижу я — под мостом и ъм не баранье жиго, а грязь, и что предо мной сидит старая вѣдьма, притворившаяся красавицей Марьей Федоровной с недобрыми, тонкими, по-жабьи поджатыми губами...

Святая вода в соборѣ, в мраморной раковинѣ, была холодная и, когда я покропил ею лоб, то почувствовал, что дѣйствительно что-то святое, хотя и католическое, папское, коснулось моей души.

Но было во всем этом что-то от "Фауста", от "Пана Твардовскаго", от нѣкоторых страниц "Вія".

**

Смертью заканчивается всякое жизнеописаніе. И всегда есть послѣднее слово, которое человѣк сказал, и послѣднее слово, которое человѣк написал. С вершины смерти, как с аэроплана, виден весь путь человѣка.

Я знаю, что много людей будут смеяться над моей наивностью, но я, все-таки, теперь скажу, что путь Горькаго был страшен: как Христа в пустынѣ, дьявол возвел его на высокую гору и показал ему всѣ царства земныя и сказал:

— Поклонись и я все дам тебѣ.

И Горькій поклонился.

И ему, среднему, в общем писателю, был дан успѣх, котораго не знали при жизни своей ни Пушкин, ни Гоголь, ни Лев

Толстой, ни Достоевский. У него было все: и слава, и деньги, и женская лукавая любовь.

И все это было, как правильно сказал Зензинов, только наваждение.

И этим путем наваждения он твердой поступью шел к ча-шью с цикутой, которую приготовил ему опытный аптекарь Ягода.

Начальники чрезвычайной комиссии не любят фотографироваться, но, все-таки, где-то, однажды, я увидел портрет Ягоды. И тут вы, пожалуй, будете менятье смеяться: Ягода, как две капли воды, был похож на дьявола, пророчески нарисованного талантливым богомазом.

**

— На свете, друг мой Горацио, есть многое такое, что и не снилось нашим мудрецам.

Снимем шапку: это сказал Шекспир.

И. Сургучев.

ШАГИ НЕМЕЗИДЫ

(«Я другой такой страны не знаю...»)

Драматическая хроника в 6-ти картинах, из партийной жизни
СССР 1936-1938 гг.

КАРТИНА 4-ая

(Продолжение. См. «Возрождение» тетр. 45).

Ягода (щелкая каблуками, улыбается пьяной улыбкой и подмигивает Зинаидѣ): Слушаюсь и повинуюсь! (Повертывается по-военному кругом и уходит, через столовую, в дѣтскую).

Зинаида (сестрѣ): О чём вы пререкались?

Варвара: Ни о чём не «пререкались», а просто он пьян и пристает ко мнѣ, словно к «дѣвкѣ»!

Зинаида: Что значит «пристает»?.. Нельзя быть такой... недотрогой! — мы не в монастырѣ, дорогая!.. К тому же Генрих так избалован женщинами...

Варвара: Мнѣ до этого нѣт ни малѣйшаго дѣла.

Зинаида (у которой растегнулся браслет, подаренный ей Ягодой): Застегни мнѣ пожалуйста. (Варвара возится с браслетом). Ты не права... Ну, что тебѣ стоит дать минуту отрады тому, от которого мы видѣли столько добра!

Варвара: «Мы»?.. А я тут причем?

Зинаида: А кто исхлопотал тебѣ таможенные льготы? Замял исторію с нелегальными книжками? Снабжал меня деньгами, чтоб помочь тебѣ учиться в Парижѣ?.. Надо быть хоть капельку благодарной.

Варвара (показывая на браслет): Здѣсь крючок растегнулся. (Старается исправить застежку). Я не понимаю, к чему ты меня клонишь?.. Не могу же я, в угоду твоему любовнику, измѣнять мужу и вообще... потерять всякий стыд!

Зинаида: Какой «стыд»?.. О чём ты говоришь, моя милая? Развѣ любовные грѣшки это такой позор?

Варвара (не выдержав напора одолѣвающих ея чувств): Да! позор пользоваться **тѣм**, от **чего** я с негодованіем отказалась.

Зинаида (подняв брови): От **чего** ты отказалась? Я тебя не понимаю...

Варвара: От этого браслета! (Передает его сестрѣ). На, возьми! Он достался тебѣ лишь потому, что **я** от него отказалась! Поняла?

Зинаида (надевая браслет): Ты шутишь?

Варвара: Нисколько! Твой Генрих, пригласив меня в ГПУ и видя, что я не сдаюсь, хотел подкупить меня этим браслетом! Да не на ту напал!

Зинаида (бледнея): Ты клевещешь!

Варвара: Даю слово, что нет!.. И такого-то негодяя ты не только выгораживаешь, не щадя своего самолюбия, но еще толкаешь меня в его объятия... И ради чего? — чтобы жилось тебе лучше?.. Или это опять-таки ради сына? Мало ты принесла ему жертв? — хочешь и меня принести ему в жертву? Берегись! — он становится похож на Молоха, твой сегодняшний «октябрёнок», — на Молоха, требующего все новых и чудовищных жертв. Смотри, как бы этот «кумир» не оказался на самом деле вампиром и не высосал из тебя последние соки. Опомнись, наконец, дорогая! — ты все извратила, кончая материнской любовью. Все, все!.. И если твоя любовь ко мне, как к сестре, заключается в том, чтобы датьться со мною любовником, ради сына, то... Бог с тобой, милая, — я тебе не сестра, в таком случае, и забудем скорей о существовании друг друга!

Зинаида (внёс себя от удивления): Что за чушь ты несешь?.. Откуда взялся этот бред?..

Варвара: Можешь не вбрить — я не заставляю!

Зинаида: Но почему же ты мнё раны не сообщила о его поведении?

Варвара: Потому, что раньше я его опасалась, как начальника ГПУ...

Зинаида (саркастически): А потом перестала?.. (Звонок телефона).

Варвара: А потом перестала! Потому что его увольняют и назначают на другую должность.

Зинаида (не въя ушам своим): «Увольняют»?.. — ты с ума сошла?.. Откуда ты это взяла?

Варвара: Он сам мнё сказал и... показал, в подтверждение, письмо, где ему предлагают должность начальника почты.

Зинаида (с глумливым смехом): «Начальника почты»?.. Может быть, просто почтальона?.. (Идет к телефону).

Варвара: Можешь издеваться, сколько угодно! — ты живешь в таком неведении, что... мнё жаль тебя, бывшая! жаль, потому что жутко будет твое «пробуждение», когда ты осознаешь наконец истинное положение вещей!

Зинаида (в телефон): Алло! алло!.. это откуда говорят, я не понимаю?

Варвара (прохаживается, чуть не ломая в отчаянии руки): И зачем я приехала сюда, спрашивается?.. Зачем меня влекло в этот «кромешный рай», где надо быть последней тварью, чтобы чувствовать себя хорошо.

Зинаида (в телефон): Радек?.. Чтобы Радек спустился вниз?.. Хорошо! я скажу ему, что за ним заехали.

Буланов (появляясь на пороге столовой; — за ним еще несколько гостей; все очень пьяные): Зинаида Авдеевна! что ж это вы удалились?.. Без вас ничего не kleится. (Среди гостей говорят: «уже

поздно... пора по домам!», «который час?», «мнѣ завтра рано вставать» и т. п.).

Зинаида (овладѣвавая собой, как опытная актриса): Сейчас, сейчас, товарищ Буланов!.. Попросите только сюда товарища Радека! — за ним заѣхали. (К другим, послѣ того, как Буланов побѣжал снова в дѣтскую). Еще рано, товарищи! успѣете насидѣться дома! Сегодня такой день для меня!.. (Завидѣв Радека под-руку с Бухарином, а рядом с ними Буланова): А-а, да, вот и сам Радек!.. (Ему): Вас ждут внизу! (Буланов шепчеться о чём-то с піанистом и усаживает его за рояль).

Радек: Кто?

Зинаида: Кто-то из ваших товарищей; — сказали, что по важному дѣлу.

Радек: Отчего ж они не назвали себя?.. Что за ерунда! (Уходит в переднюю; — Бухарин за ним слѣдом. — К этому времени всѣ уже вернулись из дѣтской, за исключеніем няньки с ребенком. Гости начинают прощаться с хозяйкой дома. — Послѣдними возвращаются из дѣтской Рыков и Ягода; оба совершенно пьяные).

Буланов (кричит, вскочив на стул): Товарищи! Прежде, чѣм мы покинем этот гостепріимный дом, — споемте хором, как вѣрные сыны своего отечества, «Пѣсню о родинѣ». Согласны?

Всѣ: Согласны! Согласны! Даешь «Пѣсню о родинѣ»!.. (Піанист лихо играет к этой пѣснѣ вступленіе. Все поют нѣсколько «спившимися» голосами):

Широка страна моя родная,
Много в ней лѣсов, полей и рѣк.
Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ так вольно дышит человѣк!..

Бухарин (вѣтает из передней, сильно взволнованный): Товариши!.. подождите!.. Сейчас... сейчас только что арестовали Радека.

Зинаида: Что?

Бухарин: Радек арестован!.. (Общее оцѣпенѣніе. — Ягода тянеться губами к Варварѣ, но потеряв равновѣсіе, грузно валится на близ стоящее кресло, в то время, как она отѣтает от него с гадливой гримасой).

Рыков (в блаженном состояніи): Чепуха!.. Оче... очередное недоразумѣніе!.. Пора бы к этому привыкнуть!.. Все скоро выяснится в самом лучшем видѣ!.. Продолжаем пѣсню и кончен бал... Эй, товарищи, начинайте!.. (Піанист повторяет вступленіе; всѣ поют с нарочитым азартом):

Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ так вольно дышит человѣк!

Занавѣс.

(Второй антракт).

КАРТИНА 5-я

«В Горках», у Сталина (то же мѣсто дѣйствія, что и в карт. 2).

Снова — поздним вечером. — На правой сторонѣ рабочаго кабинета багрово догорает большой камин, — единственный источник свѣта при поднятіи занавѣса. Этот свѣт ярко очерчивает фигуру Сталина, отыкающаго за столом и курящаго трубку, придавая его силуэту фантастически-зловѣштій характер.

«Красный» диктатор слушает радио-сообщеніе, которое четко передается безукоризненным аппаратом (начавшим дѣйствовать до поднятія занавѣса).

Голос радио-«спикера»: « ... и только злостные враги Советского Союза могут оспаривать, что пролетарскій суд является единственным, в исторіи міра, подлинно народным судом... Страшен приговор такого суда. И нѣт сомнѣнія, что он сумѣет с должным вѣсом опустить свою карающую руку на новых государственных преступников, к числу которых слѣдственные власти причисляют таких видных представителей компартіи и Совнаркома, как наш полномочный посол в Лондонѣ, наш замѣститель наркоминдула, замѣститель наркома тяжелой промышленности, командующей московским военным округом и ряд других, столь же отвѣтственных работников в нашем партійном аппаратѣ. — Эти люди, облеченные довѣріем народа, использовали свои командные высоты не для укрѣпленія нашей государственной моши, а для саботажа ея военной промышленности и для содѣйствія, таким образом, захвату иностранными государствами нашей отечественной территории. (Во время послѣдних слов, раздается приглушенный звонок телефона, стоящаго на письменном столѣ).

Сталин (зажигает свѣт в висящей над столом лампѣ и приложив трубку телефона к одному уху и закрыв ладонью другое, — говорит громче обычнаго, чтобы быть услышанным **на фонѣ радио-рѣчи**): Николай Иваныч?.. Привез ее самолично?.. Ну, очень рад! (Смеется). Веди ее прямо ко мнѣ: — у меня сейчас никого. Входи, не стучась!.. (Вѣшаet трубку телефона).

Голос радио-«спикера»: Эти презрѣнныe преступники пойманы теперь с поличным и дадут отвѣт, за свои злодѣянія, народу гораздо скорѣе, чѣм они предполагали, в своей самонадѣянности. Богиня возмездія — Немезида — не терпит у нас волокиты, какая допускается в судебных дѣлах буржуазнаго Запада. Немезидѣ стало невтерпеж... Это значит: — **скоро, очень скоро** будут сведены всѣ счеты с явными и тайными врагами нашего многострадального отечества... Немезидѣ невтерпеж. Мы уже слышим энергичную поступь ея приближающихся шагов. И нам вспоминаются строки совѣтскаго барда, воспѣвшаго пролетарскій Верховный Суд:

Судьи садятся за стол суровый,
Время идет и народы ждут,
Чтобы сказал беспощадное слово,
Выбранный ими Верховный Суд.

Ибо для сволочи и мерзавцев
Злобных, продавшихся до конца,
Только один разговор остался —
Точный, скупой разговор свинца!

Что же, товарищи, мы спокойны,
Мы еще будем судить того,
Кто для народов готовил бойню,
Смерти и гибели торжество!

Время идет и идет — поверьте,
Что не напрасно идут года,
Что не умрет он своею смертью
И не укроется от суда!

(Раздаются звуки «Интернационала», под которые входит Ежов и здоровается со Сталиным, являя рѣзвостью своих движений и мимикой отличное расположение духа. — Stalin машет рукой, в сторону радио-аппарата, и Ежов заставляет умолкнуть начавшуюся музыку).

Сталин (не выпуская руки Ежова из своей): Можно, значит, поздравить?

Ежов: Еще как!

Сталин: Ну, очень рад за тебя!

Ежов: А я — за вас.

Сталин: Спасибо... И впрямь: «на ловца и звѣрь бѣжит».. Что ж она медлила с разоблаченіем?

Ежов: А это уж она сама вам объяснит: — дѣло тонкое... (Обернувшись в сторону двери): Позвать голубушку?

Сталин: Зови, зови! Только предупреди, что времени у меня «кот наплакал». А то я знаю женщин: пойдут такія изліянія, что всѣ дѣла придется забросить.

Ежов: Я уж предувѣдомил! — не беспокойтесь! (Открывает дверь и кличет): Товарищ Попова, можете войти... (Секунда, — и входит Зинаида. Поклонившись Сталину, она замедляет шаг и останавливается у двери, как бы не рѣшаясь приблизиться к «отцу народов». Она в элегантном траурѣ, который чрезвычайно идет к патетическому выражению ея лица. В руках Зинаиды туго набитый портфель, который она прижимает к груди).

Сталин (не вставая с мѣста, кивает ей привѣтливо головой и, указывая на кресло, стоящее перед столом, говорит с добродушіем, приличествующим «отцу народов»): Здравствуй, душа моя!.. Ишь, какая красавица!.. Подойди-ка поближе! — я не кусаюсь... Очень рад тебя видѣть. Садись — гостьей будешь!

Ежов (ей, поощрительно): Подойдите же, товарищ Попова! — не бойтесь, вам говорят!.. (Она робко подходит к столу).

Сталин (любуясь ею): Вот она «краса и гордость» русскаго балета! — прямо загляденье... Ну, садись, рассказывай, почему на сценѣ так рѣдко показываешься? больна была что ли? или отыхала

опять заграницей? Кстати, — что у вас там с Ягодой не «вытансцовывается?» — ревновать тебя заставил, или чѣм обидѣл?

Зинаида (садясь и поправляя вуаль): Ах, вы уже знаете, по какому я дѣлу?

Сталин (переглядываясь с Ежовым): «Слухом земля полнится».

Зинаида: Дѣло не только во мнѣ! — мое дѣло частное и из-за него я бы не посмѣла отрывать вас от работы, Іосиф Виссаріоныч... Дѣло, по которому я пришла к Николаю Иванычу (показывает глазами на Ежова), а теперь — к вашей милости, — это дѣло, можно сказать, государственное... политическое!.. Дѣло это я скрывала до поры, до времени, но теперь уже сил моих нѣт. И я пришла с жалобой не только на Генриха, но и на себя самое: — зачѣм не раскрыла я раньше того покушенія, какое все время готовится и на вашу драгоценную жизнь, и на самые основы нашего совѣтского государства?.. Дѣлайте со мной, что хотите, — мнѣ теперь все равно: — я была невольной соучастницей человѣка, который хотѣл погубить вас и опозорить!

Сталин (послѣ короткой паузы, тоном величайшаго удивленія): «Погубить» меня и «опозорить»?! Вот тебѣ раз!.. За что же, спрашивается?.. за то, что я замял перед партіей его «грѣхи» по расходо-отчетным книгам?.. за это что ли?.. Или за то, что вмѣсто скамьи подсудимых, я дал ему мѣсто наркома почты и телеграфа?.. Что за ерунда!.. Ты что-то путаешь, душа моя! или, клевещешь со злобы на своего Дон-Жуана... Думаешь, — если тебѣ измѣнил он, то и мнѣ тоже самое?.. Я, вѣдь, женскій нрав знаю! — психологія у вас особенная! Забыла только, голубушка, что мы с Ягодой десять лѣт как пріятели! и что не раз он спасал меня и от вражеских происков, и от вражеских пуль!

Зинаида (с большим самообладаніем): Он ждал только часа, чтобы погубить вас тѣм или другим способом.

Сталин: Какого «часа»? — Он мог бы давно это сдѣлать, как глава ГПУ. А что касается «опозорить», то... как он мог меня опозорить? и чѣм, хотѣл бы я знать? чѣм, я спрашиваю?!

Зинаида (с рѣшимостью человѣка, бросающагося в пучину): Вот чѣм!.. (Она раскрывает портфель и выбрасывает из него на стол разные документы, письма, фотографіи и записные книжки). Вот улики против вас, которые Ягода копил изо дня в день, в продолженіи 10-ти лѣт.

Сталин (озадаченный, рассматривает, в лихорадочном порывѣ, содержаніе портфеля Зинаиды): Что это такое?.. Какія такія улики против меня?

Ежов (пока Stalin знакомится с предъявленными Зинаидой «уликами», говорит ей, понизив голос, быстро и ласково-внушительно): Теперь, товарищ Попова, раз вы признали и за собой вину, — вам останется загладить ее и как можно скорѣе. А для этого, прежде всего, вы обязаны назвать соучастников в преступных планах Ягоды.

Зинаида (подняв плечи): О, с наслажденіем, если бы я их знала! Но вы, конечно, догадываетесь, как осторожен и скрытен был Генрих?

Ежов: Но не с вами же, моя, милая, кому он довѣрил эти тайные

документы. Назовите хотя бы тѣх, с кѣм Ягода якшался и кого вы видѣли в его окруженіи.

Зинаида (с кривой улыбко): Гм... тѣх, с кѣм Ягода был близок, он потом... предавал или изничтожал...

Ежов: Но не всѣх же?

Зинаида За малым исключением... Смѣшно сказать, но дружил он главным образом с тѣми, в ком видѣл своих **врагов**.

Ежов (улыбаясь): Чтобы залѣзть им, как слѣдует, в душу и...?

Зинаида: ... и вывести на чистую воду.

Ежов (насмѣшливо вздыхая): Это проторенный путь всѣх предателей.

Зинаида: Если б не эти вот документы, кто бы повѣрил, что пріятель самого Сталина... Бррр!

Ежов (договаривая): ... подбирался под него, как ехидна?.. (В это время Stalin, знакомясь с документами, о которых говорит Зинаида, рвет один из них на куски, а другое мнет, тихо приговаривая: «сукин сын!.. сволочь, каких мало!.. довѣряйся таким!.. ссыщик проклятый!.. вот провокатор!.. и это называется «пріятель»!.. мерзавец-двурушник! — вот она «школа царской охранки.. чистая работа, нечего сказать!.. соглядатай паршивый!.. довѣряйся таким, чорт возьми!..» — Послѣ послѣдней реплики Зинаиды, этот поток ругательств из тихого становится громогласным. Stalin, вѣдь себя от злости, опрокидывает на документы чернильницу, схватывает обертку, в которой документы хранились, и, подцѣпив все, подходит к камину и бросает в огонь).

Сталин (возвращаясь на свое мѣсто, задыхается от негодованія): Вот пес паршивый! — снимал с меня тайком фотографіи, когда я был пьян, или за бабой ухаживал!.. А?! Каков предатель!.. Вѣдь до этого надо додуматься... И «каждое лыко» мнѣ «в сроку»! — ни малѣйшей ошибки мнѣ не спускал! — даже в черновиках! — подбирал резолюціи, от которых я отказался, и хранил мои автографы, как камень за пазухой!.. (Зинаидѣ): Почему же ты раньше не принесла мнѣ весь этот сор, под которым он думал похоронить меня? а?

Зинаида: Он лишь недавно мнѣ передал его на храненіе... И потом — смѣйтесь, не смѣйтесь — я его все же любила... и потому...

Сталин: Любила такого прохвоста? Такого измѣнника?... Вѣдь он измѣнял тебѣ направо-налѣво! Об этом вся Москва говорила.

Зинаида: Я любила его, не как любовника, а как отца моего единственного ребенка... Кромѣ того, он терроризировал меня при малѣйшей размолвкѣ. Подумайте только, какая страшная власть у главы ГПУ!..

Сталин (строго): Его двѣ недѣли уже, как смѣстили с должности; — чего ж ты медлила с разоблаченіем?

Зинаида (голос ее дрожит, в нем слышатся слезы): Мой ребенок был болен. Я была вѣдь себя... Я была, как безумная!.. Обо всем позабыла!

Сталин (послѣ паузы, смягчившись): Почему ты в траурѣ и по ком?

Ежов (с максимальной предупредительностью): Ребенок ея умер, Іосиф Виссаріонович.

Сталин: А-а! Ну, тогда все понятно! (Встает и задумчиво прохаживается в глубинѣ комнаты).

Зинаида (рыдая): Он умер, мой маленький!.. умер тот, кому я посвятила всю свою жизнь!.. Боже мой! Боже! чего я только ни дѣлала ради него! каких только жертв я ни принесла своему маленькому... И все оказалось напрасно! все, все!.. Он умер, обезѣнив всю жертвы ради него, мои безсонные ночи, мою связь с безнравственным человѣком. Словно он насмѣялся над моей материнской любовью. За что? за что?.. Почему я так наказана?.. (Горько плачет. — Звонок телефона заставляет ее прийти в себя).

Ежов (взяв трубку телефона): Алло!.. Да, да... я же отдал соотвѣтственное приказаніе... Что?.. Нѣт, нѣт! — никого потом не пускайте... Ладно! — мнѣ некогда! (Вѣшаet трубку).

Зинаида (встает и вытирает глаза): Я отнимаю у вас драгоценное время... Простите, товарищи, за минутную слабость!

Сталин (подавая ей руку): Я тебѣ очень сочувствуя и... благодарен, что открыла всю правду... Не за себя благодарствую, а за нашу страну! — столько фракцій у нас расплодилось, столько уклонов, загибов и перегибов среди партійных работников, что... не держи я генеральную линію в твердых руках, — нас давно бы фашисты захватили голыми руками.

Зинаида (направляясь к выходу, с низким поклоном): Вся соvѣтская страна вам за то благодарна!

Сталин (проводя ее до двери): Если в чем надобность, — позвони: все устроим, что нужно! (Показывает на Ежова).

Зинаида: Премного признательна. У меня одна пока просьба: устраните препятствія, если б Ягода стал их дѣлать, к отъѣзду сестры! — он ее заставил подписать какую-то возмутительную бумагу.

Сталин: Не беспокойся: — все обдѣляем в лучшем видѣ. Одного только требую — молчи, пока, словно рыба! — чтоб с крючка не сорвалось. Поняла? (Ухмыляется).

Зинаида: Поняла, Іосиф Виссаріонныч!

Сталин: Досвиданья, душа моя!

Зинаида: Досвиданья! (Ушла).

Сталин (подмигивая Ежову): А у него «губа — не дура», у этого ерника: — ишь какую кралю подхватил в свой гарем!

Ежов: Не завидую, Іосиф Виссаріонныч: хороша «краля», которая предаст тебя при первом же удобном случаѣ.

Сталин (вздохнул): Да, в этом отношеніи ты прав!

Ежов: Безусловно!.. как и прав был, когда утверждал, что Ягода орудует против вас! Теперь вы убѣдились?

Сталин (разводя руками): Да, уж тут ничего не скажешь!.. А я думал, понимаешь, что ты торопишься его мѣсто занять; оттого и пугаешь им понапрасну.

Ежов (качая головой): Что вы, Іосиф Виссаріонныч, да разыѣ я смог бы на такую подлость пойти?..

Сталин (усаживаясь за стол): Ну-у, почему «подлость»?!.. каждый хочет, чтоб ему было лучше! никто себѣ не враг...

Ежов: Помилуйте, Іосиф Віссаріонич!..

Сталин (перебивая ласково): Бросим!.. все это мелочь! Сейчас главное выяснить, с кѣм еще этот негодяй состоит в заговорѣ.

Ежов (потирая руки, самодовольно): Ну, это плевое дѣло! — это мы узнаем от Радека, который стал под арестом еще сообщи-тельнѣе, чѣм раньше. Надо его только постращать хорошенъко: — он и выдаст нам, кого слѣдует.

Сталин (недоумѣнно): Почему Радек?.. Откуда знать Радеку, кто был в заговорѣ с Ягодой?

Ежов (деликатно вразумляет): А очень просто, Іосиф Віссаріонич: — Ягода якшался лишь с тѣми, кого собирался предать. Як-шался Ягода и с Радеком, как извѣстно; однако ж его не предал: — предали его Зиновьев и Каменев.

Сталин (все еще не понимая): Ну, так что ж?

Ежов: А то, что Радек стало-быть ему нужен; нужны же Ягодѣ лишь тѣ, кто с ним заодно; и раз Ягода стал злоумышлять против вас, — навѣрно и Радек был с ним заодно.

Сталин (в восхищенні): Ну, брат, прямо Шерлок Холмса зат-кнул за пояс!

Ежов (скромничая): Помилуйте, Іосиф Віссаріонич! — здѣсь сама очевидность, так сказать, вопіет.

Сталин (хлопая в ладоши): Ну, коли так, — пошли за ним по-скорѣ! — Я сам допрошу этого «Крадека». Ты куда его запрятал покамѣст? в Бутырки?

Ежов: В секретный ИЗО.

Сталин: Правильно!

Ежов: Он сам умолял о свиданії с вами: хочет жаловаться — мол, невинная жертва... А я знал, что послѣ разоблаченія Поповой, Крадек может понадобиться вам и велѣл его доставить сюда.

Сталин (потирая руки): Молодец! — золотая голова все пред-видит заранѣе!

Ежов: В 9 часов Крадек будет уж здѣсь.

Сталин (взглянув на часы): Уже 9 часов.

Ежов: Значит, сейчас сообщат о прїїздѣ. (Посмотрѣв на свой хронометр). Ваши спѣшат на пол-минуты. (Раздается звонок телефона. — Ежов к нему подходит).

Сталин (апплодируя): Прямо, как по расписанію!

Ежов (улыбаясь самодовольно): Аккуратность — первое усло-вие в нашем дѣлѣ. У меня строго на этот счет! (В телефон): Алло!.. (Пауза). Отлично! — ведите его прямо наверх. (Вѣшаet трубку).

Сталин (вынимает револьвер из ящика стола и кладет его перед собой): Оставь нас погодя с глазу на глаз, — чтоб он не стѣснялся тебя, как «чужого»!

Ежов: Слушаюсь! Не забудьте только припугнуть его хоро-шенъко.

Сталин: Не беспокойся! — для этого и оружіе вынул, как ви-дишь. (Стук в дверь. — Ежов идет на стук и, скрывшись за дверью, вводит через секунду-двѣ Радека. Послѣдній слегка исхудал, обрюзг и оброс волосами; одѣт он неряшливо и видимо наспѣх).

Радек (кланяется, не смѣя подойти к Сталину и говорит чуть-

чуть заикаясь): Иосиф Виссарионович, в чем дѣло? Я пріѣхал жаловаться на недоразумѣніе.

Сталин (перебивая, с издѣвкой): А-а, пріятель, здравствуй!.. Доигрался-таки до тюрьмы, двоерушник?!.. Я тебя предупреждал, что с огнем не шутят. Хотѣл посадить меня в лужу, подлец?! и в ней утопить? На жизнь мою покушался?! И это — пріятель, которому я открывал свою душу! сообщал планы по важнѣйшим дѣлам, довѣрял наблюдение над совѣтской прессой!

Радек (в неврастеническом трансѣ, почти «заговаривается», еле владѣя русской рѣчью): Я же вас увѣряю, что это чистое недоразумѣніе. Я даю вам честное слово! (Сталин фыркает и презрительно отмахивается). Что?.. вам мало моего честнаго слова? — тогда я вам все разъясню, чтобы вы видѣли!..

Сталин (перебивая): Разъяснять ты будешь потом, на судѣ. А сейчас не морочь мнѣ голову и говори прямо, кто твои сообщники? Ну?.. Говори, не то худо будет!

Радек (с улыбкой на помертвѣлых губах): Что значит «кто мои сообщники»? — вы же знаете, кто обвиняемые в новом процессѣ? (Скороговоркой): Пятаков, Муралов, Сокольников, Дробнис, Шестов, Богуславский, Ратайчик и Серебряков. Из них около половины я указал совѣтскому правосудію... А если привлекли и меня самого, то лишь потому, что я притворялся будто я соучастник! а это лишь для того, чтобы узнать, кого слѣдует опасаться из них, а кого опасаться не стоит.

Сталин (хватает револьвер и начинает вертѣть его в руках, как игрушку): Врешь, сукин сын! — Твоя переписка с Сѣдовым и Троцким разоблачает тебя до конца.

Радек: Что значит «разоблачает»?! — Чтобы меня «разоблачить», так надо, чтобы я был сперва «облачен»! т. е., чтобы я маскарад устраивал. А если человѣк голый, то и 10 атлетов не смогут его разоблачить.

Сталин (постукивая ручкой револьвера по столу): Ты у меня поостри еще, провокатор паршивый! Поостри, пока пуля не продырявила тебе черепа. Ты что — шутить со мною вздумал? а? Мало ты меня анекдотами донимал? — Ими вся страна наша сыта уж по горло: с души воротит!

Радек: Какие «анекдоты»? При чем тут анекдоты?.. Мнѣ сейчас — смѣйтесь или не смѣйтесь — а вовсе не до анекдотов!.. И в самом дѣлѣ: что это за «Missverständnis!» — берут человѣка ни за-што, ни про-што и сажают его в тюрьму!.. Хорошенькое дѣло! За что, хотѣл бы я знать? За то, что я всегда доносил на тѣх, кто был подозрителен в партіи? За то, что я разоблачал таких «стратегов», как маршалек пан Тухачевскій? и что от меня не мог сковать ни один из контрреволюціонеров? За что меня посадили в тюрьму, проще пане?

Ежов (сухо): За то, что вы не донесли прежде всего на себя! а с этого слѣдовало начать!

Радек: «На себя»?.. Хорошенькое дѣло!.. А в чем я был виноват, чтобы доносить на себя? Это легко сказать!

Ежов: Виноваты в укрывательстве, — это во-первых! и в антипартийном заговорѣ, — во-вторых!

Радек: Но я же объяснил, что это было нарочно, чтобы узнать, кто из заговорщиков настоящій, а кто — просто дурака валяет, чтоб другим импонировать. А если я не успѣл во время донести, то, я извиняюсь, мы не на скачках, чтобы торопиться вперед, сломя голову!

Сталин (с грохотом кладя револьвер на стол): Довольно болтовни!.. Или ты сейчас же выдашь соучастников нового заговора, или я не дам тебѣ и до суда дожить, подлый предатель!

Радек (дрожит, с виноватой улыбкой): Но кого вы хотите, чтоб я выдал? Назовите, и я подтвердлю, чи это так, чи не!

Ежов: Бухарин!

Сталин: Рыков!

Радек (смотрит на них, как затравленный звѣрь): Бухарин и Рыков?.. Хорошенькое дѣло! — вы же знаете из газет, что для них обвиненія у прокурора нѣт юридических данных.

Ежов (рѣжущим тоном): Это напечатано по моей просьбѣ, чтобы усыпить их бдительность и провѣрить, с кѣм они связаны... (Пауза «гробового» молчанія).

Сталин (Радеку, глухим голосом, тяжело дыша): Отвѣчай немедленно насчет Рыкова и Бухарина!

Радек («извиваясь», как червяк на огнѣ): Что же мнѣ отвѣчать, раз вы лучше моего информированы. (Усмѣхаясь): Это я должен у вас спросить, а не вы у меня!

Сталин (шипит): Пачему на них не донес?

Радек (сдавленным голосом): Потому что не знал!.. Да. Не знал!

Сталин (свирѣпо): Не знал, с кѣм ты замышлял против партіи и покушался на мою жизнь?

Радек (полу-мертвый от страха): Клянусь, я не знал, что это так все серьезно!.. я думал, что это, как водится, одни «разговорчики».

Сталин (взявшись за револьвер): Не ври, сукин сын, или я за себя не ручаюсь!

Радек (истерически): Но я же клянусь! клянусь самым священным, что для меня существует: — коммунистической партіей, ради которой я рисковал жизнью!.. Что вы от меня хотите еще? за что вы меня мучаете? Хотите, чтоб я на колѣнках вам поклялся? — иначе не вѣрите? (Опускаясь на колѣни): Так я могу и на колѣнках поклясться, что это, ей Богу, у в правду, что я говорю! (Начинает жалобно хныкать, достает платок и слезливо сморкается. — Stalin переглядывается с Ежовым и кивает ему головой в сторону двери).

Ежов (взглянув на часы): У меня еще дѣло, нетерпящее отлагательства, так что, если позволите...

Сталин (ему): Ступай, дорогой мой! — я и один с этой сволочью справлюсь.

Ежов (с кривой усмѣшкой): Счастливо оставаться! (Уходит).

Сталин (ему вслѣд, не без ироніи): Благодарю покорно!

Радек (ползая на колѣнях перед Stalinом, почти вопит): Ой, что вы со мной дѣлаете?! и за что, хотѣл бы я знать? Если я виноват перед вами, то все же я был вашим другом и добрым совѣтчи-

ком! Или все уж забыто?.. Забыто, что это таки я донес на Гамарника и на Корка? что это я выслѣдил Уборевича в связи с Тухачевским? Забыто, что я писал в «Ізвѣстіях» против Зиновьевской шайки? что я требовал публичной казни против «бѣшеных псов»?!! Все забыто? Даже и то, что я **первый** подсказал Людендорфу разрѣшить нам ъхать сюда в пломбированном вагонѣ?! — так читайте тогда Фрица Пляттен, что он пишет в «Die Reise Lenins durch Deutschland im plombirten Wagen»! Нельзя же отрицать всю заслугу у человѣка и судить его словно жулика! Я же был секретарем Циммервальдской Конференціи и руководитель политики у в Третьем Интернаціоналѣ!

Сталин (сурово): Кѣм бы ты ни был по должностіи, ты всегда был сколочью по своей сущности и мерзавцем, котораго давно уже слѣдовало разстрѣлять!

Радек ((убѣдительно-вкрадчиво)): Ну, допустим, что я мерзавец! но зачѣм же меня слѣдует разстрѣлять, если я могу еще пригодиться партії?.. Развѣ Ленин не учил, что «иной мерзавец потому-то и цѣнен, что он мерзавец», ибо то, что может сделать мерзавец, то никак не под силу честному дураку! И развѣ не тот же Ленин, уча, как проникнуть нам в профсоюзы, разрѣшал идти «на всяческія уловки, хитрости, нелегальные пріемы, умолчанія и сокрытіе правды». Это же напечатано в полном собраніи его сочиненій.

Сталин (положив револьвер на стол): Ну, вот что! — Я тебѣ сохранию твою паршивую жизнь, но при одном лишь условіи: выдай **всѣх**, кто был в окруженіи Бухарина, Рыкова и тебя. Слышишь — **всѣх**, даже тѣх, кого пуще огня опасаешься выдать!

Радек (поднимаясь с колѣн): Но позвольте, Іосиф Вискаріонович!..

Сталин (перебивая): Ничего не позволю! — выдай сейчас же, или будет плохо. (Снова берется за револьвер).

Радек (откашливается и говорит, смотря в сторону): Крестинскій!..

Сталин: Полпред в Берлинѣ?

Радек: Он самый!

Сталин: Еще?

Радек: Раковскій!

Сталин: Полпред в Парижѣ?

Радек: Он самый!

Сталин: Еще?

Радек (колеблясь конфузливо в затрудненіи): Гм... так их очень много.

Сталин: Ничего не значит!

Радек (почти на-распѣв, с улыбкой смущенія): Чернов, Розенгольц, Безсонов, Гринько, Шарангович, Ходжаев, Икрамов, Максимов-Диковскій, Крючков, доктор Левин, Плетнєв, Казаков... вот и все!

Сталин (топнув ногою): Нѣт, не все!.. Я знаю, с кѣм вы еще замышляли против партіи и меня. И если ты сейчас же не назовешь его имени, — не жди себѣ, Радек, пощады! Говорю тебѣ совершенно серьезно!

Радек (мнется): Ой, Боже мой, неужели я кого-нибудь забыл?..
тм... Кого же я мог позабыть, дай Бог памяти?.. (пауза). Ах, да,
вспомнил!..

Сталин: Ну?

Радек (опуская голову, говорит еле слышно): Генрих Ягода!

Сталин (с удовлетворением): То-то!.. (Открывает ящик стола и с грохотом кладет в него револьвер). Твое счастье!.. — можешь идти!.. (Радек еще ниже опускает голову, как бы кланяясь, и уходит мелкими шажками из комнаты).

Занавѣс.

КАРТИНА 6-ая

Кабинет народного комиссара внутренних дел Н. И. Ежова, — заново отдельанный и меблированный. Это тот самый кабинет, в здании НКВД, об отравлении воздуха которого, — с целью покушения на жизнь Ежова, — подробно говорится в Судебном Отчетѣ, по делу антисовѣтского «право-троцкистского блока». (См. выпуск «Юридического Изд-ва» 1938 г., Москва, стр. 492-494 и слѣд.).

Три двери в глубинѣ сцены ведут: направо — во внутреннее помещение ГПУ; налево — в прихожую и «залу ожидания»; и посередине — в корridor, сообщающейся с секретными помещениями ГПУ. — Всѣ три двери завешены тяжелыми портьерами; когда их раздвигают и распахивают двери, — за ними неизменно виднѣется страж ГПУ, несущая охрану кабинета и прилегающих помещений.

Очень мало мебели заполняет эту комнату, декорированную в холодном, неуютном «казенном» стилѣ. — Направо, близко к рамѣ, массивный стол народного комиссара; за ним — большое кресло, а с боков стола — два других поменьше.

За столом, на стѣнѣ — фотографические портреты внушительных размеров Сталина, Ленина и Феликса Дзержинского.

При поднятіи занавѣса за столом сидят: на предсѣдательском мѣстѣ — Ежов; направо от него, за узким концом стола (лицом к публикѣ) — прокурор Вышинский, совмѣщающій в процессѣ антисовѣтского блока и должность **слѣдователя**; напротив него, спиной к публикѣ — секретарь; напротив Ежова, т. е. слѣва за столом, сидит, скрестив руки на груди, Бухарин.

В то время, как судебный персонал отличается сравнительно здоровой, выхоленной внешностью, — Бухарин поражает измученным видом своего походѣвшаго лица, болѣзnenным румянцем, лихорадочным блеском глаз и нервными движеніями непослушных ему рук и ног.

Прокурор Вышинскій: ... и я еще раз спрашиваю: подтверждаете вы **этот** разговор с маршалом Тухачевским, или не подтверждаете?

Бухарин: В «Логикѣ» Гегеля слово «этот» считается самым трудным.

Прок. Вышинскій (Ежову): Я прошу вас, товарищ предсѣдатель, разъяснить обвиняемому Бухарину, что он допрашивается мной не в

качествѣ философа, а в качествѣ преступника, и о гегелевской философії ему лучше помолчать, хотя бы из уваженія к гегелевской философії!..

Бухарин: Развѣ преступник не может быть философом?

Прок. Вышинскій: Может!.. но не тогда, когда он прибѣгает к выкрутасам, желая запутать слѣдствіе в цѣлях самозащиты.

Бухарин (загорѣвшись): Мнѣ защищаться нечего! — мнѣ в этом дѣлѣ принадлежит скорѣй роль обвинителя! А если и — защитника, то не своих интересов, а всей коммунистической партіи, которую Стalin обратил в «голосующее стадо»!

Прок. Вышинскій (с издѣвательской улыбкой, — как бы «между прочим»): ... за что вы и рѣшили расправиться с ним без зазрѣнія совѣсти?

Бухар.: О совѣсти говорить не приходится, когда рѣчь заходит о Stalinѣ, — особенно послѣ того, как он дискредитировал совѣтскую демократію, уничтожил партійные кадры, организовал избиеніе комсомола и инсценировал судебные процессы, которые, вѣдорностью обвинений, превзошли средневѣковые «процессы вѣдмъ».

Прок. Вышин. (усмѣхаясь): Благодарю покорно!.. Но вѣдь план ареста созрѣл у вас еще в 1918 году.

Бухар.: Не Stalina только, а и Ленина. Но то были одни «разговоры».

Прок. Вышин. (Ежову): Я буду ходатайствовать о вызовѣ, в качествѣ свидѣтелей, тѣх «лѣвых коммунистов», которых Бухарин возглавлял в первые годы революції.

Бухар.: Очень жаль, что мы тогда отказались от плана, о котором вы говорите! — тогда нам не пришлось бы сейчас пререкаться о режимѣ, который допускает осужденіе своих героических основателей! О правительствѣ, которое истребляет тѣх, кто были его вождями и безсмѣнными тружениками! О пролетарской республикѣ, в которой отмѣняется свобода труда и рабочіе прикрѣпляются к фабрикам, на подобіе рабов!

Прок. Вышин. (с ироніей): Это, конечно, похвально, что вы признаетесь в своем преступном намѣреніи, но далеко не похвально, что вы его начали приводить в исполненіе. Потому что это — вы сами знаете — пахнет статью 58-й Уголовнаго Кодекса, грозящей **смертью** казнью. И вам, говоря откровенно, тут нечего негодовать, так как вы **сами**, в своей «программѣ коммунистов» убѣдительно доказали, что пролетарское государство, как и всякое другое, **является организаціей насилия**. Вѣро я вас цитирую?

Ежов: Тот вовсе не революціонер, — говорится у Бухарина, — кто боится насилия со стороны пролетарскаго государства.

Прок. Вышин. (Бухарину): Нѣт и 10-ти дней, как вы сами, в Политбюро, грозили **высшей мѣрой наказанія** за уклон от той линіи, которая вам представлялась главенствующей.

Ежов: Да уж протестовать теперь не приходится! — Сами стояли горой за смертную казнь.

Прок. Вышин.: Дѣло сводится, значит, к тому, желаете ли вы умереть, не покаявшись в своих заблужденіях перед пролетаріатом, — умереть, так сказать, «собачьей смертью», — или же предвари-

тельно покаяться и тѣм оказать существенную услугу коммунистической партии.

Ежов (Бухарину): Вѣдь вы всегда учили с кафедры и в своих книгах, что наша партия является носительницей истинной доктрины, — непреложной для настоящего марксиста, что вожди ея могут ошибаться, но сама партия остается незыблема в своих главных устоях?

Бухар. (стиснув зубы): Я окажу гораздо большую услугу партии, если изобличу такого «узурпатора», как Сталин, нежели распишусь в винѣ, которую вы мнѣ приписываете, только чтоб скомпрометировать наше правое дѣло!

Прок. Вышин. (холодно): Ваша воля!

Бухар.: Я не страшусь разстрѣла и смертью вы меня не запугаете. Но прежде, чѣм пасть под «чекистскими» пулями, повѣрьте, — я хорошо использую скамью подсудимых, в качествѣ почетной трибуны!

Прок. Вышин. (кривя губы): Не думаю, чтоб это вам далось безнаказанно! (Переглядывается с Ежовым).

Бухар. (вызывающе): Чего мнѣ бояться, раз я иду на вѣрную смерть?

Ежов (откашлявшись): Развѣ Ягода не говорил вам, что смерть уличенных в контрреволюції бывает... разная?

Ежов.: Гм... для того, чтобы преступник был приговорен к нормальной смерти... надо заслужить ее! (Пишет что-то на блокнотѣ и передает записку секретарю).

Бухар.: Каким образом?

Прок. Вышин. (подсовывая Бухарину мелко исписанный лист): Вот тут я сформулировал, какого рода покаянія мы ждем от вас на судѣ. Прочтите внимательнѣе и верните мнѣ бумагу с вашей подписью... (Секретарь уходит с запиской Ежова направо).

Бухар. (взглянув на прокурорскую бумагу, с возмущением хлопает по ней рукой): Что это за бред?.. Что за инсинаціи вы мнѣ подсовываете для подписи?.. Я... я не знаю, из каких соображеній вам понадобилось обратить меня в «шпиона». — Я знаю только, что ни за какія блага в мірѣ не распишусь в тѣх подлостях, в каких я неповинен ни словом, ни помышленіем!.. (Секретарь возвращается на свое мѣсто).

Прок. Вышин.: Вы, значит, наотрѣз отказываете нам в признаніи, что состояли эти годы на службѣ у фашистов?.. И это вопреки тѣм фактам, какіе засвидѣтельствованы вашими друзьями?.. (Пишет что-то на клочкѣ бумаги и передает Ежову).

Бухар. (разсердившись): Какими такими «друзьями»?.. Этому так же трудно повѣрить, как тому, что вы, будучи прокурором, выступаете в том же процессѣ в качествѣ слѣдователя. — Нѣчто неслыханное в судебных анналах?

Ежов (Бухарину, строго): Ну, ну! — не забывайте, гдѣ вы находитесь!

Прок. Вышин. (Ежову, с «іезуитской» улыбкой): Я попрошу тогда немедленно об очной ставкѣ обвиняемаго с... очередным свидѣтелем.

Ежов (передавая записку Вышинскому секретарю): Прошу исполнить требование прокурора! (Секретарь уходит направо).

Прок. Вышин. (Бухарину): Напрасно упрямитесь послѣ того, как ваш пріятель Рыков дал уже нам свою подпись под такого же рода бумагой.

Бухар. (ощеломленный): Рыков?.. Алексѣй Иванович. бывшій предсѣдатель Совнаркома?..

Прок. Вышин.: Ну, разумѣется! — чѣму вы удивляетеся? (Показывает Бухарину одну из бумаг, находящихся в его папкѣ). Можете убѣдиться, если угодно! (Бухарин, вѣнѣ себя от волненія, про-сматривает предъявленную ему бумагу, в то время, как Вышинскій потирает руки, переглядываясь с Ежевым).

Бухар. (с трясущейся бородкой): Хоть я и сквернаго мнѣнія о нашем совѣтском судѣ, но, каюсь, — никогда в жизни не повѣрил бы, что он дошел до обвиненія в **завѣдомо** ложных фактах. Меня просто охватывает чувство брезгливости и тошноты!

Прок. Вышин.: Напрасно изволите кутаться в бѣлоснѣжныя ризы самомнѧщей буржуазіи! — Партия большевиков, коль это нужно, имѣет право требовать от своих членов любого выступленія, само-дискредитированія и даже самообвиненія в том, что партия предпишет из политических соображеній!.. (Ежов кивками головы подтверждает многократно слова прокурора). Вам, как начетчику коммунистической партии, должно быть извѣстно, что большевику не пристали медоточивыя рѣчи о **своей** собственной чести, когда Центральный Комитет партии требует, чтобы данный член ея предстал перед общественным судом с «подмоченной» репутацией! (При послѣдних словах, справа показывается секретарь, в сопровожденіи Радека. Послѣдній вполнѣ «комильфотно» одѣт, выбрит, подстрижен и имѣет вид человѣка, довольною своею судьбой. Секретарь указывает ему на стул, недалеко от прокурора Вышинскаго, и возвращается на свое мѣсто).

Радек (раскланивается с Ежовым и Вышинским): Честь имѣю кланяться, глубокоуважаемые граждане!.. Буду искренно счастлив помочь правосудію разобраться в наших темных дѣлах! (Садится в отвѣт на пригласительный жест Ежова и с развязным видом поворачивается к Бухарину): Здравствуйте, товарищ!.. (Бухарин хмурится). Я имѣю в виду — «товарищ по несчастью».. В чём дѣло? — Я предчувствую, что вы запираетесь у в том, у в чём запираться теперь совершенно излишне! — Мы пойманы с поличным и нам остается только честно сознаться в организаціи шпіонажа по заданіям Троцкаго, — чтоб ему, «ни дна, ни покрышки»!

Прок. Вышин. (ему, — спокойным тоном): Здѣсь Рыков рассказал нам довольно послѣдовательно, как в вашем подпольи формировалась партия антагонистов Сталинской политики и как произошел переход у вас к террористическим актам. — Минѣ хотѣлось бы теперь выяснить, **поскольку** обвиняемый Бухарин участвовал не только в шпіонской дѣятельности «троцкистского блока», но и прямо замѣшан в **военном заговорѣ** маршала Тухачевскаго.

Радек (с торопливой угодливостью): Это очень просто выяс-

нить! — Спросите только у гражданина Бухарина, чи он налаживал связь с польской разведкой, чи не налаживал.

Бухарин (смотря в потолок): На такого рода вопросы я не уничтожусь, чтобы отвечать!

Прок. Вышин. (ему): Вам незачем дёлать постное лицо, подсудимый Бухарин! — хотите или не хотите, а нужно признаться в том, что есть. А есть вот что: у вас имелась группа сообщников в Белоруссии, возглавляемая Червяковым, Голодедом и Шаранговичем...

Радек: Совершенно верно!

Прок. Вышин.: ... по вашей директиве, эти лица связались с польской разведкой и польским генеральным штабом.

Радек: Совершенно верно!

Прок. Вышин.: Следовательно, кто был организатором шпионажа, коим упомянутые лица занимались?

Радек: Рыков и Бухарин!

Прок. Вышин.: Значит, можно вас считать шпионом, или нет?

Бухарин (Вышинскому): Считайте меня за кого угодно! — я вам в этом лживом наиве поддакивать не намерен!

Радек: Почему «лживом»? Откуда такое недоверие к моим словам? — Вы всегда так чутко относились к моим замечаниям!..

Бухарин: А с вами, подлый предатель, я вообще разговаривать не намерен!

Радек (с улыбкой превосходства): «Подлый предатель»?.. Хорошенько дёло! Почему я «подлый предатель», — объясните, пожалуйста! Потому что я стою за раскрытие правды перед судебной властью? Или потому, что у меня память лучше, чём у вас, когда речь заходит о шпионаже?.. (К Ежову и Вышинскому): Почему я «подлый предатель», хотела бы я знать?

Бухарин: Потому что вы знаете не хуже меня, что я никогда не был шпионом и не мог им быть по самому складу своего характера, хотя, правда, и полагал, что в Белоруссии и на Украине привольный жилось бы под властью интеллигентных фашистов, чём под властью таких изувёров, как Сталин.

Радек (Ежову и Вышинскому, — страстным тоном доносчика): Вы слышите, как мыслит этот безумец? Отсюда только один шаг, чтоб открыть фронт непрятелю и погубить всю советскую власть.

Прок. Вышин. (Бухарину): К чему же, собственно, сводилась роль, которую вы взяли на себя среди всех этих шпионов, диверсантов и просто убийц, терроризировавших наше правительство?

Бухарин («профессорским» тоном): Я был занят проблематикой общего руководства и идеологической стороной, что, конечно, не исключало моей осведомленности относительно практической стороны дела.

Прок. Вышин. (с нескрываемым издевательством над Бухарином, обращаясь к Ежову, ища его поддержки): Вот и извольте оценить роль этого господинчика, занимающегося якобы не руководством всевозможных преступлений, а «проблематикой» этих преступлений, не организацией этих чудовищных преступлений, а «идеологической стороной» этого черного дела!.. Как вы слышали, — пойманный с

личным Бухарин призывает в свидѣтели самого Гегеля, бросается в дебри лингвистики, филологии и риторики, бормочет какія-то ученыя слова, лишь бы как-нибудь замести слѣды. Я не знаю другого примѣра, гдѣ бы шпіон и убийца орудовал философией, как толченым стеклом, чтобы запорошить глаза своей жертвѣ перед тѣм, как размозжить ей голову!

Радек (Бухарину, не без пафоса и с развязностью, доходящей до неприличія): Стыдно, гражданин Бухарин!.. Стыдно двоерушничать перед товарищем слѣдователем, который, не покладая рук, развязывает узел ваших государственных преступлений. Надо быть честным в своем покаяніи, когда вас поймали с личным. Надо честно признать свою вину и указать, в данном случаѣ, без изъятія, на ближайших сообщников. Честность перед партией и ея судебными органами — вот священная обязанность всякаго большевика!.. Берите примѣр у в с меня, гражданин Бухарин! — имѣйте, наконец, мужество сознаться в своих контрреволюціонных дѣяніях и расписаться в своих государственных преступлениях.

Ежов (взглянув на часы): Спасибо, свидѣтель Радек! (Вышинскому): Товарищ прокурор не имѣет больше вопросов к свидѣтелю?

Прок. Вышин.: Благодарю. Я вполнѣ удовлетворен очной ставкой.

Ежов (Радеку): В таком случаѣ мы вас больше не задерживаем. (К секретарю): Проводите свидѣтеля! (Секретарь встает, чтобы исполнить приказание).

Радек (с чувством гадливости): Стыдно, гражданин Бухарин! (Низко кланяется Ежову и, гордо подняв голову, как человѣк, исполнившій свой долг, — уходит направо, в сопровожденіи секретаря).

Прок. Вышин. (Бухарину, вертая бумагу, данную им обвиняемому на подпись): Итак, вы наотрѣз отказываетесь расписаться в том, что работали, как шпіон, по заданіям фашистов и, в связи с этим, ъездили так часто заграницу?

Бухарин: Я не мѣняю своих слов каждыя 10 минут!

Прок. Вышин.: Жаль! потому что чистосердечное раскаяніе могло бы, в данном случаѣ, смягчить вам наказаніе.

Бухар. (смѣясь): Так я вам и повѣрил! — Зиновьеву и Каменеву тоже, небось, было объѣщано сохранить жизнь, а между тѣм, их разстрѣляли самым вѣроломным образом.

Прок. Вышин.: Напрасно так думаете! — совѣтская власть дорожит своим словом, а кстати и такими свидѣтелями, которые ей могут еще не раз пригодиться.

Ежов (Бухарину): Развѣ ваш пріятель Ягода не говорил вам о своем изобрѣтеніи «загробной казни»?

Бухарин: «Загробной казни»?

Ежов: Ну, да! — о так называемой «второй смерти»? (Секретарю, вернувшемуся в кабинет): Вы подготовили смертников, о которых я говорил?

Секретарь: Так точно! — Они к вашим услугам.

Ежов: Приведите-ка их сюда! (Секретарь уходит в среднія двери).

Прок. Вышин. (Бухарину): Вы сейчас убъдитесь в своем заблуждении...

Ежов (встает и, перебивая Вышинского, обращается к нему): Хотите сдѣлать перерыв покамѣст?

Прок. Вышин. (встает): Ничего не имѣю против.

Ежов: Пойдемте тогда в буфет на минуту — промочить глотку.

Прок Вышин.: Спасибо! (Оба направляются к правой двери, в момент, когда из средних дверей появляются Зиновьев и Каменев, в сопровождениі секретаря. За дверями видна четко тюремная стража, стоящая на дежурствѣ).

Ежов (обернувшись на ходу к секретарю): Перерыв! — Можете отдохнуть. Стража дежурит?

Секретарь: Так точно!

Ежов: Идемте с нами! (Всѣ трое уходят направо. — Бухарин, не вѣря глазам своим, подходит к Зиновьеву и Каменеву и смотрит на них, как на выходцев с того свѣта. Они и в самом дѣлѣ похожи, своим угрюмым видом, исхудальными, сѣрыми лицами и обтрепанными, выцвѣвшими одеждами, на привидѣнія).

Бухарин (послѣ паузы): Вот уж не думал застать вас в живых!.. Что это значит?

Зиновьев (сдавленным голосом, озираясь по сторонам): Это значит, что ад существует!..

Бухарин: «Ад»? В каком смыслѣ?

Каменев: В самом настоящем!

Зиновьев: Говорили, что это «поповскія выдумки», а между тѣм, ад дѣйствительно существует и притом — невообразимый!

Бухарин: Что за ерунда!.. Объясните, в чём дѣло?

Каменев: Гм... очень просто: в газетах и родственникам объявляют, что такие-то преступники разстрѣляны, а между тѣм их лишь зачисляют в покойники, чтобы можно было с ними поступать, как злагоразсудится: лупить почем зря, кормить всяким гнильем и изводить до чертиков здорово-живешь.

Зиновьев (торопясь высказаться): Меня третьего дня так отодрали нагайкой, что я до сих пор сидѣть не могу... Вѣдь это же нечто неслыханное!

Каменев (Зиновьеву): А все потому, что ты пререкаешься с надсмотрщиками... Бери примѣр с меня: я, как ягненок, держусь: что прикажут, то и дѣлаю! — велят мемуары писать, пишу мемуары; велят отхожія мѣста чистить, чищу отхожія мѣста; велят спяна кусок мыла сожрать, жру его безпрекословно... Оттого и любимцем стал среди смертников.

Зиновьев (ему): У тебя нѣт самолюбія! — тебѣ легко. Но не всѣ же, как ты!

Каменев: Самолюбіе?.. А на кой чорт мертвому самолюбіе?.. И вообще какое может быть у покойников самолюбіе?.. Вѣдь нас не существует по официальным данным, значит и самолюбія нашего не существует больше.

Зиновьев: Парадокс и больше ничего! Смѣшно подумать, что, когда ты правил Москвой, тебя считали первым сибаритом в Россіи.

Каменев: Об этом надо забыть, потому что, чѣм больше ты тю-

ремщикам напоминаешь о своем прежнем величии, — тѣм сильнѣе у них охота набить тебѣ морду. — «Бывшій предсѣдатель Коминтерна»?! — Ну, так валяй его, чтобы не зазнавался!

Зиновьев (Бухарину): Мой добрый совѣт: соглашайтесь на любое самообвиненіе! распишитесь в любом преступлени! согласитесь играть самую унизительную роль на судѣ! — лишь бы они вас **в самом дѣлѣ** разстрѣляли, а не только на бумагѣ. Ибо это — хуже смерти! в тысячу раз хуже!

Бухар. (недоумѣнно): Развѣ вы не вдосталь бичевали себя на судѣ, чтобы заслужить нормальную смерть?!

Зинов. (с горькой ироніей): Мы каялись на 60%, а Сталин хотѣл, чтобы на всѣ 100.

Камен.: Вышло просто недоразуменіе и мы не теряем надежды...

Бухар. (живо): Покончить с собой?

Камен.: Испросить на то разрѣшеніе.

Зинов.: Иначе немыслимо! (показывая на двери) — вездѣ «кархаровцы» надзирают.

Камен.: Коль замѣтят поползновеніе, — садись на голодный паек или ъшь отбросы. У каждого ада есть своя преисподняя.

Зинов.: С них самих строго взыскивают.

Камен.: Помните слова Троцкаго: «самоубийство в подвалах Лубянки является недостижимой роскошью».

Бухар. (пройдясь по диагонали кабинета): Что ж это получается в концѣ концовъ?.. процесс между властью и подсудимыми проходит на самом дѣлѣ не на судѣ, а за его кулисами; в партійных комитетах, а не в органах судебнаго слѣдствія; в наркоматѣ внутренних дѣл, а не юстиціи!

Камен.: Развѣ для вас это новость?

Зинов.: Что вы с луны упали, товарищ?

Бухар. (внезапно останавливается, что-то вспомнив): Я вам не товарищ, послѣ того, как вы меня предали! Я до сих пор не понимаю, на кой чорт вы так сподличали!

Зинов.: Да развѣ мы виноваты, что нас опоили в ГПУ такой гадостью, от которой воля человѣческая разслабляется и начинается припадок откровенности.

Бухар. (скептически): Какой такой «гадостью»? Еще чего выдумаете!

Камен. (с юмором висѣльника): А такой, которой Ягода больше всего в жизни гордится.

Бухар.: Уж не он ли выдумал «загробную казнь»?

Зинов.: Ну, а кому же другому могла такая штука прийти в голову?

Камен. (лихорадочно): Правда, что и он попался на удочку Сталина?

Бухар.: Ежова, вы хотите сказать?

Зинов.: Ну — Ежова! Здѣсь такой слух прошел.

Бухар.: Это правда! Ягода под арестом и судится заодно с нами.

Камен. [(чуть не подпрыгнув от злорадства): Вот когда он сам испытает, что такое «загробная казнь»!]

Зинов.: Уж я ему все припомню, проклятому шарлатану!

Камен. (продолжая торжествовать): Исчадьям ада — м'сто в аду! Он сам его себѣ приготовил. Я начинаю вѣрить в роковой ход событий. (Справа, в сопровождениі Вышинского и секретаря, возвращается Ежов; всѣ трое, видимо, глотнули «живительной влаги»).

Ежов (Бухарину, посмѣвавшись): Ну, что? как поживают «разстрѣянные»? Убѣдились в их добром здоровье?

Прок. Вышин. (Бухарину): Вразумила вас бесѣда с ними?

Ежов: От вас, как теперь видите, зависит выбор смерти. Подумайте об этом и дайте нам завтра ответ... (Секретарю, усаживаясь за стол): Отпустите обвиняемого и отошлите смертников!.. (Секретарь уводит Бухарина направо, а Зиновьева и Каменева — в среднюю дверь).

Прок. Вышин. (садясь на свое м'сто, заглядывает в папку): Сегодня предстоит закончить допрос Ягоды и его помощника Буланова.

Ежов (игриво, щелкая пальцами): И еще одну особу.

Прок. Вышин. (снова заглянув в папку): Совершенно вѣрно! — Двѣ очных ставки сразу.

Ежов (завидѣв возвращающагося секретаря): Приведите-ка сюда Ягоду и Буланова.

Секретарь: Слушаюсь! (уходит направо).

Ежов (Вышинскому): Вы должны, в своей обвинительной гѣчи, подчеркнуть, как можно рѣзче, что всѣ эти троцкисты, зиновьевцы и бухаринцы — просто капитулянты, которые, под маской революционных фраз, добивались становленія у нас капитализма. И когда же? Тогда, когда наша страна стала наслаждаться уже счастьем коммунистического строя, — того строя, который превратил бѣдную, отсталую Россію в богатѣйшую и могущественнѣйшую пролетарскую державу.

Прок. Вышин. (записывая, словно «под диктовку», слова Ежова): Святая истина! и вы геніально ее выразили, Николай Иваныч... (Секретарь к этому моменту вводит Ягоду и Буланова. — Оба обвиняемых имѣют нѣсколько «пришибленный» вид, хотя и стараются держаться «молодцами»).

Ежов (Ягодѣ и Буланову): Садитесь! (Указывает им м'ста перед собою и обращается к Вышинскому, кончающему запись): Вы хотѣли продолжить допрос обвиняемых...

Прок. Вышин.: Сию минуту! (Приводит в порядок лежащія перед ним бумаги).

Секретарь (Ежову): Разрѣшите вопрос Ягодѣ?

Ежов: Сдѣлайте одолженіе!

Секрет. (Ягодѣ, разбираясь в своих бумагах): Когда вы крестились?

Ягода (соображая): «Крестился»?

Секрет.: Да; — в год поступленія на царскую службу?

Ягода: В началѣ войны.

Секрет.: А не раньшѣ? (Записывает).

Ягода: Нѣт. До войны не было резону спасаться в «охранкѣ». А когда стали призывать на передовыя позиціи... ну, тогда другое дѣло! (Усмѣхается).

Секрет. (Записывает, улыбаясь): Понимаю!

Прок. Вышин. (Ягодъ): Возвращаясь к покушению на товарища Ежова, — нашего наркома внутренних дѣл (слегка кланяется в сторону Ежова), я хотѣл бы выяснить подробности отравленія этого кабинета. (Показывает на окружающія стѣны). Что вы можете прибавить к своим показаніям?

Ягода: Я это дѣлал не из личной мести, а чтоб спасти себя, с заговорщиками, которых Ежов уже начал громить. Отравленіе же этой комнаты (оглядывает ея стѣны) производил фактически не я, а Буланов. (Показывает на недалеко усѣвшагося от него Буланова).

Прок. Вышин. (Буланову): Что вы можете сказать по этому поводу?

Буланов: Я ни черта не смыслю ни в химії, ни в медицинѣ. И все же, по приказанію Ягоды, смѣщал ртуть с кислотой и велъ опрыскать этой смѣсью ковры, портьеры и сукно вот на этом столѣ. (Показывает на стол). Брали мы пульверизатор из «уборной» Ягоды... И старательно, должен сказать, опрыскивали, — так, чтобы от вдыханія яда Николай Иваныч безпремѣнно скончался бы в этой комнатѣ (кланяется в сторону Ежова); да видно я чего-то не сообразил, по химической части, — вот наше старанье и пропало даром!

Ежов (смѣясь): Ай-ай-ай! Как же это так подвели вашего Генриха Григорьевича? — Он, поди, был здорово опечален такой неудачей? а.. (Вышинский и секретарь тоже начинают смѣяться).

Буланов (Ежову, потупив взор): Коли не подвел бы, так не вы сидѣли бы на предсѣдательском мѣстѣ, а Генрих Григорьевич.

Ежов: А я на его мѣстѣ, хотите вы сказать?

Буланов: Ежели б выжили. (Общий хохот).

Ежов (Ягодѣ): Нѣт, серьезно, Ягода, почему вы меня не прикончили из-за угла? — Это было бы куда проще!

Ягода (усмѣхаясь): Покорно благодарю! — Чтоб нарваться на свидѣтелей и потом оправдываться перед Сталиным?

Буланов (поддакивая): А так — «шило-крыто»..

Ежов (договаривая): ... пока все не обнаружилось. (Общий смѣх).

Ягода: Ну, да вѣдь, кто мог ждать предательства из-за спины?.. Ваше счастье, что такая **стерва** нашлась среди моих близких!

Ежов (перебивая): Чишиш!.. Что толку браниться теперь попустому?.. (К Вышинскому): Имѣются еще вопросы к Буланову?

Прок. Вышин.: Да! Я хотѣл бы выяснить, посыпал ли подсудимый деньги Троцкому или нѣт?

Ягода (бурно реагируя на слова Вышинского): Никаких денег я Троцкому не посыпал

Прок. Вышин.: Так ли?

Буланов (Ягодѣ): Изволили запамятовать, Генрих Григорьевич! (Вышинскому): Еще в позапрошлом году Ягода предупредил меня, что придет один человѣк, которому я должен выдать 20 тыся **долларов**. А когда я доложил потом, что приказанье исполнено, — Ягода мнѣ велѣл и впредь выдавать этому человѣку субсидіи для Троцкаго, потому что тот сильно нуждался.

Прок. Вышин.: А как звали этого посредника между Ягодой и Троцким?

Булан. (трет себѣ лоб): Гм... Миров-Абрамов.

Ягода: Я категорически отрицаю, что посыпал деньги Троцкому и понятія не имѣю о Мировѣ-Абрамовѣ.

Прок. Вышин.: Прекрасно! Мы это сейчас же провѣрим самым доскональным образом. (Пишет записку и передает ее Ежову, а тот, улыбнувшись, — секретарю, который уходит с нею нальво).

Ягода (в нѣкотором смущеніи): Не может быть, чтоб я запамятовал!. Впрочем, на моем посту мнѣ приходилось встрѣтиться с такой массой народа, что... все, конечно, возможно!.. (Секретарь вводит слѣва, из «зала ожиданія», Зинаиду Попову. Она уже не в траурѣ, — наряженная по послѣдней парижской модѣ 1936-1937 гг. — Ежов здоровается с ней за-руку и ласково усаживает между собой и Вышинским, — лицом к Ягодѣ).

Прок. Вышин. (ей, слегка кланясь): Мы вас вновь побезпокоили, чтобы выяснить очень важный вопрос: посыпал ли Ягода, находясь на посту комиссара внутренних дѣл, т. е. будучи призван охранять нас от таких врагов, как Троцкій, — посыпал ли он этому самому Троцкому денежки заграницу?..

Зинаида (соображая): Не могу сказать определенно, но... вообще Ягода часто поручал мнѣ передачу денег нѣкоторым лицам..

Прок. Вышин.: Напримѣр?.. Кому?..

Зинаида: Доктору Левину, Плетневу, Казакову...

Прок. Вышин.: Ну, а в долларах случалось?

Зинаида: Случалось и в долларах.

Прок. Вышин.: Кому, напримѣр?

Зинаида (припоминая): Ну, напримѣр... Мирову-Абрамову.

Прок. Вышин. (поспѣшно записывает, с улыбкой удовлетворенія): Мирову-Абрамову. (Послѣ паузы, Ежову): У меня нѣт больше вопросов к свидѣтельницѣ. (Ей): Премного благодарен.

Ежов (привставая и протягивая Зинаидѣ руку): Вы свободны, товарищ Попова! (Секретарю): Отпустите и Булanova!.. (Секретарь проводит Буланова до дверей направо и возвращается на свое мѣсто).

Зинаида (пожимая руку Ежова): Сестра просила поблагодарить вас за содѣйствіе ея отъѣзду. Она крайне тронута вашей любезностью.

Ежов: Когда она уѣзжает?

Зин.: Она уже уѣхала вчера с курьерским.

Ежов: Вы тоже, я слыхал, собираетесь к ней в Париж?

Зин.: Да, но это уже по окончанію процесса.

Ежов: Само собой разумѣется!

Ягода (привстав, — Ежову): Разрѣшите мнѣ задать вопрос гражданскої Поповой.

Ежов: Пожалуйста!

Ягода (слегка нервничая): Вы уѣдете с моим ребенком? да?.. Я хотѣл бы его повидать перед этим.

Зин. (с подчеркнутой безжалостностью): Ваш ребенок умер... умер... Вы этого не знали?—так знайте, что его нѣт больше в живых! И слава Богу, что с его смертью порвалась послѣдняя связь между нами!.. Лелѣять ваше потомство, — потомство величайшаго преступ-

ника в мірѣ, лгать кругом, унижаться до общенія с вами и притворяться, что люблю вас, становилось мнѣ уже не под силу! (Вдруг вспомнив что-то, вынимает из сумочки драгоценный браслет, подаренный ей Ягодой, и кладет его на стол). Само воспоминаніе об «Октябринах» нашего младенца мнѣ стало в тягость и я вам возвращаю этот «сувенир»!.. (Ягода потянулся было к браслету, но Ежов его предупредил).

Ежов (разглядывая браслет): Ого!.. откуда этот браслет... из «Исторического музея»?.. (Смотря в глаза Ягодѣ): Еще одно доказательство расхищеннія вами государственных имуществ!.. Ну и низко же вы пали, мой милый!.. (Зинаидѣ, прощаясь с нею): Благодарю за лишний штрих к характеристику моего... предшественника!

Зинаида (подавая ему руку): Досвиданья!

Ежов: Всего хорошаго! (Она кивает головой Вышинскому и уходит налево).

Вышин. (Ягодѣ): Я одного не понимаю: как вы могли так долго «служить двум господам»: — партии, возглавляемой Сталиным, и его врагам, возглавляемым Троцким?

Ягода: Что ж тут непонятного?.. Жизнь это игра, где надо ставить иногда на двух лошадей сразу! — Какая выигрывает, от той и поживиться... Я иставил на Сталина и на Троцкого сразу.

Прок. Вышин.: Да, но ваши политическія симпатіи?..

Ягода: Какие к черту «симпатіи»!.. (Встает и разминает члены, слегка потягиваясь). — Ни программа троцкистов, ни сам Троцкій не вызывали во мнѣ ни малѣйшей симпатіи. Но, как глава ГПУ, я отлично знал о той ненависти, какая растет у народа в отношеніи Сталина. Вот я и ждал, какая «лошадь» выиграет в состязаніи, заранѣе готовясь примкнуть к той сторонѣ, на чьей будет побѣда.

Прок. Вышин.: Цинично! но... по крайней мѣрѣ откровенно!

Ягода: А чего мнѣ стѣсняться, когда пѣсенка моя уже спѣта и маска болѣе не нужна!

Прок. Вышин.: «Маска»? Какая «маска»?

Ягода (вздыхает): Я всю жизнь ходил в **маскѣ**, выдавая себя за большевика, которым никогда не был!

Прок. Вышин.: Зачѣм же вы притворялись?

Ягода: Затѣм, что носом чуял: — придет время большевиков и начнется дѣлежка наслѣдства буржуев! (Потирает руки) — будет, чѣм поживиться!.. Да и не я один **актерствовал** в этом родѣ, а почти всѣ, начиная со Сталина... Вглядитесь только, что сейчас происходит на **подмостках** России! — всѣ власть-имущіе дѣйствуют под псевдонимами, словно в **театрѣ**, ходят в **масках**, потайными ходами, притворяются вѣрноподданными ея величества Партии и пресмыкаются перед ея вождями, которых наровят стащить за ногу и сбросить в подвалы Лубянки. Всюду одна лишь **комедія**: — комедія служенія народу. Комедія обожанья вождей! Комедія суда и принесенья покинной! Комедія, наконец, смертной казни! Какая-то безpardонная **игра в театр** или кровавая **мелодрама**, какія сочинялись в прежнія времена, на потѣху черни! — Вот, что такое наше теперешнее житье-бытье. Одни играют роли «благородных отцов народа», другие доносчиков-предателей, третьи «роковых женщин», четвертые «пала-

чей»! (показывая на себя). И все это несуразное представление дается с серьезным видом, словно ни въсть какое остроумное «ревю»!

Прок. Вышин. (с кривой улыбкой): И за чей счет?

Ежов: За счет несчастного народа, который тратит на такое «зрѣлище» послѣдніе гроши.

Ягода (усмѣхаясь): Ну, что ж! — Не даром же ломаться пред народом, который терпит подобныя зрѣлища!

З а н а в ъ с.

Н. Евреинов.

ТАЙНА ДѢТСТВА

(Из воспоминаний Б. П. Вышеславцева)

Трудно изобразить, передать маленький узкий мірок детства. Для взрослого духа, безконечно развинувшаго свои границы до предѣлов біографического, исторического, национального, общечеловѣческого и даже космического сознания, он кажется тѣсным «туничком», в котором нѣт, собственно, ничего объективно-значительного и о котором мало можно рассказать интереснаго; и, однако, субъективное значеніе этого «микрокосмоса» огромно — обратно пропорционально его объективной незначительности и миниатюрности. Не только потому оно огромно, что переживанія детства опредѣляют всю нашу судьбу и характер, как маленькая причины опредѣляют большія слѣдствія, не только по своим біографическим послѣдствіям оно заслуживает глубокаго вниманія, как учит «психоанализ» — нѣт, и сам по себѣ микрокосмос детства есть «цѣлый мір, полный безконечности», только безконечность эта совсѣм другая и особенная: безконечность **бесознательного**, а не безконечность сознанія; безконечность **субъективная**, а не объективная; безконечность **интенсивная**, а не экстенсивная.

В этом — особое эстетическое очарование детства, в этом его притягательность для памяти, в этом насыщенность и полнота его «миниатюра». И оно принципиально связано с **эстетическим** восприятіем міра. Детство «поэтично» потому, что в поэзіи есть непремѣнно нѣчто детское: «поэзіи ребяческие сны»... Даже инфантильное: «поэзія, прости Господи, должна быть глуповатой». Дѣти суть величайшіе поэты и **«фантазисты в своих играх»**, они постоянно видят **сны наяву**; и эту детскую способность необходимо охранить, чтобы потом фантазировать и «играть» в качествѣ взрослого артиста, музыканта и поэта. Часто говорят, что «в артистах есть нѣчто детское»; важно сохранить это детское, важно, чтобы не

«исчезли при свѣтѣ просвѣщенья
«Поэзіи ребяческие сны»...

И, однако, «просвѣщенье», **ум** — тоже не должны исчезнуть. Свѣт Логоса необходим для великой поэзіи и великаго творчества — «ребяческие сны» недостаточны. Об этом говорит и Евангеліе: «не будьте дѣти по уму» и, однако, «будьте, как дѣти». Это значит нужно сохранить в себѣ **нѣчто детское** и преодолѣть **инфантильное**. Современная психологія хорошо показала негативный смысл

«инфантельности», дурного мальчишества с его кулачным правом, комбативностью, революционным протестом. Есть люди навсегда остающиеся «мальчишками». Но необходимо показать позитивный смысл дѣтской, поэзіи дѣтства. Она состоит в близости к безсознательному, в архаичности и символичности, в игрѣ фантазіи, в снах наяву, в прелести пробужденія души;

«Есть бытіе — но именем каким
Его назвать? — ни сон оно, ни бдѣнье;
Меж них оно, и в человѣкѣ им
С безумiem граничит разумънье».

Приосновеніе к этому бытію доступно только поэзіи и дѣтству. В этом и состоит поэзія дѣтства и вѣчное дѣтство поэзіи. И другое приосновеніе к нему еще возможно: через **безуміе**; оно одинаково родственно и дѣтским фантазіям и поэтическим снам наяву, и оно в качествѣ «священнаго безумія» необходимо для творчества и вдохновенія.(Платон).

Это — таинственный мір фантазіи и невыразимых чувств, мір чародѣйства, опасный для душ; в нем живут страшныя рожи и прекрасныя видѣнія, в нем живет «царь-дѣвица», сказочныя мечты дѣтства и вмѣстѣ с тѣм вѣчная греза поэтов.

«Но я вижу, я знаю, живет гдѣ-нибудь,
Гдѣ-нибудь да живет Царь-Дѣвица»...
Как достичь до нея — не ищи, не гадай;
Не раздумье, не ум, но **безуміе** в тот край,
Но удача принесть тебя может...»

Мы видим, как двусмысленно это **полусознательное** — полу-сознательное бытіе, и как опасно пребываніе в нем: «священное безуміе» здѣсь граничит с самым бесплодным сумасшествіем; поэзія дѣтства — с самой вульгарной инфантельностью.

Бывают сны, которые трудно, иногда невозможно разсказать — и даже самому себѣ. Они ярки, реальны, насыщены чувством, полны значенія, пока их видишь и переживаешь, но когда хочешь разсказать и выразить в понятіях, то все ускользает, или становится банальным, незначительным... Таков и сон дѣтства. То, что было нам безконечно цѣнно и дорого, что заставляло плакать, как-будто не заслуживает вниманія читателя, даже знакомаго собесѣдника; то, что кажется глубоко индивидуальным, интимным, моим — превращается в общія мѣста, для всѣх одинаковые образы и события. Вот почему рассказы о дѣтских воспоминаніях часто невыносимо скучны. Рассказывается о строгости отца, о красотѣ матери, о елках, подарках, о ссорах с братьями и наказаніях. Все это никому не интересно, потому что не интересно самому себѣ. Вспоминается, как милый вздор, как забавныя мелочи со снисходительной улыбкой, с сознаніем превосходства своей взрослой персоны с ея важными дѣлами. Такая **персона** обычно не знает цѣнности дѣтства, его архаической поэзіи и глубины, — и вмѣстѣ с тѣм, в своей дѣловитости сохраняет всѣ дефекты инфантлиза. Об этой суетной «дѣловитости» Августин сказал: «дѣла суть игры для взрослых».

Сны рѣдко представляют собою связно развивающуюся исторію, обычно это ряд импрессиональных образов, большой насыщенности и силы. Точно также и наше дѣтство. Его можно вспомнить и вообразить, но трудно разсказать: оно «безсловесно» (алогично). Только искусство знает тайну подобного импрессионального изображения. Как передать тот особый мір, какой свойствен дѣтству? Я вспоминаю лучшія достиженія импрессионизма, напр., хоть Коровина: какой-нибудь стакан чаю на лѣтней террасѣ, теплую бронзу в вечерней гостиной, утренній сумрак, в котором свѣтится фарфор... есть что-то непостижимо-значительное в этом уголкѣ с фарфоровой чернильницей, какой-то утренній трепет перед невѣдомой далью жизни. Именно так я видѣл мір в дѣтствѣ. А когда я любил прятаться один вечером в темной высокой гостиной моей бабушки, с ея французскими диванчиками и бронзовыми амурами, я слышал ту самую музыку далеких времен, которая звучит у Чайковского в спальнѣ графини, в этой пустынной спальнѣ, где вѣют духи рококо и жуткаго Калиостро. И когда я впервые услыхал эту интродукцію оркестра при пустой сценѣ, я тотчас понял, что она говорит о том, что было в гостиной моей бабушки. И еще один примѣр: это «Щелкунчик» Чайковского — в нем все наше дѣтство, всѣ переживанія московской елки съ ея дѣтской фантастикой, с невыразимой грустью убѣгающих времен, вложенной в этот вальс.

Вот это все я и хотѣл-бы передать, сохранить, спасти «времен от вечной темноты».

Б. П. Вышеславцев.

Мой первый мір был «отчій дом», «материнское лоно», из которого я вышел на свѣт. Только этот выход совершается совсѣм не мгновенно, в день рожденія; человѣк долго и постепенно «выходит на свѣт», выходит в этот широкій, интересный и опасный мір из маленькаго «тупичка» дѣтства. И этот выход, это первое окно в безконечность — особенно интересно.

Оно было в Москвѣ, в старой дореволюціонной Москвѣ восьмидесятых годов, в «домѣ церкви Св. Евла». А эта церковь — розовая церковь в два этажа — стояла на углу Мясницкой и Милютинского переулка. Она была потом снесена, как и многія церкви, большевиками. В этом церковном домѣ, во втором этажѣ, протекло мое дѣтство, отрочество и юность. Отсюда я увидѣл мір, патріархальный мір старой Москвы, гимназію эпохи Александра III и Делянова, коронацію двух монархов, наконец даже университет...

Извѣстно, что годы в дѣтствѣ текут очень медленно, а в старости очень быстро. Это оттого так, что человѣк усваивает в первые годы жизни безконечно много. Я хорошо помню себя 4-х и 5-ти лѣт, до рожденія моего брата. Наш дом — это был, конечно, пѣлый міо, насыщенный невыразимыми чувствами уютности, жуткости и непонятной тоски.

Вот, я вижу себя в своей дѣтской вечером. Топится печка, бѣлая изразцовая печка, которую так пріятно трогать руками, когда она горячая. Я сижу с няней перед открытой заслонкой и смотрю, как очарованный, на красные угли, играющіе синими огоньками. Няня кочергой разбивает «головешки» и загребает угли. Она разсказывает мнѣ про Апостола Петра (а на дворѣ, должно быть, была холодная весна и ранняя Страстная): «и вот и предсказал Господь Иисус Христос Петру, что будет он трижды отрекаться, когда пѣтух пропоет, а тот зачал креститься да божиться, что никогда, мол, не отрекусь. А как начались страсти Господни, стал Петр скрываться да пробираться и приходит на двор к Понтійскому Пилату, а на дворѣ стужа стоит — и вот видит, развели жиры огонь и сидят пѣтуха жарят. А одна жировка его и узнала, и говорит, что ты, дескать, Петр — Апостол Христов. Тут и начал Петр креститься и божиться, что никакой он не Апостол, и не знает, мол, какие такие Апостолы бывают, — а пѣтух-то со сковороды, как вскочет, да как пропоет трижды — тут Петр все и вспомнил и заплакал горько»... А я сижу с няней на скамеечкѣ перед открытой заслонкой и, как очарованный, смотрю на красные угольки, на вспыхивающіе послѣдніе «головешки» и жалѣю, что няня их разбивает, чтобы скорѣй «загребать» уголья; и мнѣ хорошо понятно, почему так сидѣли «жиды» и смотрѣли на огонь, и почему Апостол Петр тоже подошел посмотреть и погрѣться... Так и остались навѣки в душѣ эти милые теплые огоньки дѣтства: как сейчас, вижу эти изнутри свѣтящіеся рубины, по которым блуждают, играют и манят вверх предательскія синія вспышки...

И потом, гораздо позже, вставая в зимнія сумерки в гимназію, я всегда чувствовал уют родного дома всего сильнѣе, слушая, как тянет и пылает и гудит утренняя печка в нашем большом корридорѣ с гардеробами, шкафами и буфетами. И вот нужно покинуть этот «очаг» и идти через неуютные переулки и тоскливыя дворы в гимназію, в большой, суровый, неумолимый и чужой мір...

Странно, что я вспомнил прежде всего «очаг»; вѣдь это домашніе боги: лары и пенаты! Вѣдь это Веста, священная душа отцов и предков! И вот желая их вернуть, спасти из вод забвенья — я безсознательно начал с того, что раздул покрытый золою «домашній очаг». Есть великое очарованіе в древнѣйшей греко-римской религіи, которая велит хранить алтарь домашних богов, алтарь предков, и никогда не угашать его пламень, ибо в нем живет душа наших отцов, которая нас любит и охраняет, если мы ее не забываем и питаем своею любовью и не жалѣем «жертвовать» ей силы нашей души, что-то отдавать от себя, подобно красному яичку на могилу (обычай, далеко уходящій в до-христіанскій архаизм древнѣйших религій). Как же мнѣ, русскому гимназисту 80-х годов, с первого

класса окруженному бюстами героев и богов: Аполлонами, Ахиллами и Цезарями — как-же мнѣ не узнать своего родства с древними ларами и пенатами, когда и отец мой говорил, возвращаясь из суда домой: «ну, теперь к родным пенатам!»

Для меня существовали три міра: наша квартира в домѣ церкви св. Евпла, квартира бабушки в домѣ Черткова на Мясницкой и — Москва, старая патріархальная Москва с Чистыми Прудами, Мясницкой, Кремлем, куда няня водила меня гулять.

Квартира бабушки — это тоже «цѣлый мір, полный безконечности». В него я погружался в воскресенье на цѣлый день. От нас она была совсѣм близко. Но меня одѣвали, как в далекій путь: шерстяные «гамаши», безконечные шарфы на шею и платки на голову. Стоит московская зима... Пролетки не гремят, поскрипывает снѣжок... Няня в своем стеганном салопѣ и в шерстянном платьѣ, ведет меня «за ручку»... Косое морозное солнце. Пересякаем Милютинскій переулок За церковной оградой лежит тихій снѣг, испещренный вороньими узорами. На углу Мясницкой стоят знакомые извозчики, это Гараська и Никита. «Мясницкая, дом Черткова» — вот, гдѣ живет моя бабушка. Каждый старый москвич помнит этот дом, старый дворянскій дом с двумя крылами и большим полуокруглым вѣзdom с Мясницкой. Одно крыло было на углу Фуркасовскаго переулка, и в нем помѣщался книжный магазин Карцева, а потом Думнова, и притом помѣщался во 2-м этажѣ. Туда вела снизу широкая большая лѣстница. Окна второго этажа были большія, зеркальныя. Другое крыло того же дома, с такими же окнами, выходило на Мясницкую со стороны Милютинскаго переулка. В нем помѣщалась роскошная квартира моей бабушки. Но эта роскошь было ничто в сравненіи с бывшей, княжеской роскошью всего этого «Чертковскаго дома». Это был цѣлый дворец, цѣлое государство, выходившее на три улицы... Я осмотрѣл его впослѣдствіи, уже взрослым, и понял, что это один из блестящих особняков старой знати, повидимому объединившейся, или жившей заграницей. Боковые два крыла сдавались под магазины и квартиры. Но когда-то это палаццо составляло единое цѣлое с огромным количеством зал и комнат.

Прямо с улицы, полуокругом, парные сани лихо взвивались к крытому, каменному подъѣзду и вы входили в мраморный вестибюль с колоннами. Здѣсь во время балов и приемов лакеи берегли господскія шубы. А наверх шла торжественная лѣстница, дальше огромный зал с тѣм замѣчательным паркетом, который встрѣчался только в Россіи и еще в Венеции... Осматривая этот огромный дом, с его холодными гостиными, с его странными переходами и закоулками, я старался угадать эту пышную минувшую жизнь, которая здѣсь протекала. Мнѣ показали и то крыло дома, гдѣ помѣщалась родная мнѣ квартира. Вполнѣ взрослым я вошел в давно покинутый мір первого дѣтства... Это потрясающее впечатлѣніе! Да, все так! Все здѣсь! И вмѣстѣ с тѣм ничего нѣт, все прошло!

В этой странной пустотѣ я спрашивал себя: гдѣ же та жизнь, которая все это наполняла? Гдѣ эти родныя лица, голоса, обѣятія, присутствіе которых так неотъемлемо, так очевидно? Когда они бы-

ли со мной, я утверждал их вѣчное присутствіе и совершенно не допускал их гибели и исчезновенія.

Но, спрашивая так, я стоял в Москвѣ, на Мясницкой, в родном городѣ — а теперь он безконечно далеко, нельзя пойти и посмотретьъ, да и нѣт, пожалуй, дома Черткова, как нѣт церкви св. Евпія на углу, как нѣт Храма Спасителя, как нѣт Сухаревой башни, как нѣт многих домов, улиц и церквей. Впрочем, нѣт и гораздо большего: нѣт цѣлаго космоса русской жизни, нѣт ея Атлантиды!

И, вот, на склонѣ жизни, на далекой чужбинѣ, «пришедшѣ на запад солнца, видѣвшѣ свѣт вечерній», хочу вспомнить свѣт утренній, хочу согрѣть золу на алтарѣ отцов.

Пятилѣтним мальчиком поднимался я в квартиру моей бабушки. В дѣтствѣ поражают и запоминаются запахи: совсѣм особо пахла бабушкина квартира, совсѣм не так, как папин кабинет с его «гильзами» и табаком, или мамин туалет с ея пудрами и духами. Послѣ долгаго разматыванія платков и раздѣванія в передней, я проникал в большую «залу». Московскія «залы» представляли собою большія, а иногда и огромныя комнаты с блестящим паркетом, с роялем, со стульями по стѣнам, с неизмѣнными зеркалами в простѣнках, в них было чувство простора, пустоты и ненужности. Они годились лишь для «балов» и музыки. Но бабушкина зала была своя и родная, в ней стоял концертный рояль краснаго дерева, серебряные подсвѣчники на «ломберных» столиках под зеркалами. Налѣво к залѣ примыкал небольшой кабинет дѣдушки — там играли в шахматы и пахло сигарами. Странно, что я всегда думал, что иду к бабушкѣ, хотя там же существовал и дѣлушка, хозяин дома, котораго я любил и не боялся. Но бабушка занимала огромное мѣсто в моем дѣтствѣ.

Направо из залы шла гостиная. Меня поражала, почти пугала убѣгающая высота ея потолка, и я чувствовал что-то особое в этой комнатѣ, гдѣ появлялись чужія надушенныя дамы, гдѣ лежал французскій ковер с огромными розами, гдѣ стояли изогнутые диванчики и кресла и лампа, поддерживаемая амурами. Вечером, в темнотѣ, были жутки тѣни, бродившія далеко наверху. Я чувствовал красоту, смотрѣвшую на меня из каких-то иных времен, гдѣ протекала иная жизнь. Но особья чувства ранняго дѣтства столь же ярки, как и невыразимы. Скажу только, что я всегда узнавал впослѣдствіи в этом стилѣ моцартовскаго вѣка чувство бабушкиной гостиной и отзвук играемыхъ мною сонат. Чайковскій лучше всего передал впослѣдствіи то весело-фриольный, то жуткій дух того вѣка. Послѣ гостиной шел бабушкин «будуар», угловая комната с большими зеркальными окнами на Мясницкую: одно окно открывало другую сторону улицы; помню вывѣску «Урлауб», магазин машин, и дом, в котором жили мои родители, когда поженились — так мнѣ разсказывали... Другое окно открывало вид на Мясницкую, убѣгавшую в сторону Лубянской площади. Направо был книжный магазин Бр. Салаевых (впослѣдствіи Думнова); налѣво, по ту сторону Мясницкой, начинался Златоустинскій переулок, гдѣ была маленькая часовня и вход в Златоустинскій

монастырь, куда меня водила богомольная няня. Вместе с тетей Агнушей, которая была другом моего детства и только на 6-7 лет старше меня, мы любили зимой смотреть в окна на издали мчащиеся по Мясницкой шикарные выезды «своих лошадей», и когда вороной рысак одиночкой, или съюз пары под синею щёткой неслись нам на встречу, взрывая облака снега, мы наперевес кричали: «моя, моя!». Лошади обыкновенно восхищают мальчиков, но они восхищали и мою тетю, которая по характеру была настоящим мальчишкой и стала позже в деревне страстной наездницей.

В этом «будуаре» бабушка старалась меня занимать: она показывала мне старую флейту моего прадеда. Этот инструмент, со своими сложными клапанами, почему-то возбуждал во мне страх, он казался непонятным орудием; тогда как кремневый пистолет, который прадед брал с собой во время далеких путешествий «на лошадях», мне сразу понравился и заинтересовал, а вследствии, уже восемилетним мальчиком, я его выпросил у бабушки, чтобы «охотиться» в парке за иволгами в ее тульском имении, — «охотиться», конечно, в воображении, ибо кремневый пистолет давно превратился в игрушку.

Другая дверь из «будуара» вела в спальню девушки и бабушки, где стояли рядом две белоснежных постели с лакированными спинками орехового дерева, и где не было ничего интересного для меня; но дальше был темный, жуткий и безконечно интересный выход в сложные переходы, закоулки, коридоры с большими тяжелыми, красного дерева хозяйственными шкафами. Девочки обожают такие таинственные пространства; отсюда несвойственным образом можно было проникнуть в кухню, к толстой и властной кухарке Маврье, с веселыми карими глазами. Можно было еще проникнуть в столовую, но еще интереснее — по лестнице на антресоли, где жили «барышни». Барышни — это были мои молодые тетки, и их комната называлась по старой памяти «детской». Мне казался уютным низкий потолок этих «антресолей», здесь не было никакого холодного и мрачного величия, окна были полуциркульные, на уровне пола. «Туалет» барышень был карельской березы с большим зеркалом — русский ампир. Вследствии я всегда так себе представлял спальню Татьяны. Весь в этом старом барском «чертковском» доме еще целиком присутствовал дух Пушкина, от которого меня отделяли тогда всего какая-нибудь 50 лет.

К бабушке меня приводили по воскресеньям на целый день, и «барышни» вели меня гулять, на Кузнецкий Мост, к Бартельсу покупать пирожные. Этот Бартельс сохранился очень поздно, чуть ли не до революции и его должны помнить все старые москвичи. Но многое не сохранилось, конечно, со времен моего детства, а теперь и вообще нет старой Москвы. Думаю, однако, что «дом Черткова» еще стоит, хотя едва ли кто помнит его старую дворянскую фамилию.

Тетя Саша и тетя Агнуша ведут меня «через улицу». Идем мимо «Братьев Салаевых», загибаем по Фуркасовскому переулку, пересекаем Малую Lubянку... Налево стоит на Малой Lubянке церковь (в Москве всюду были разбросаны приходские церкви). Проходим мимо стены Третьей гимназии, где вследствии мне пришлось прой-

ти восьмилѣтнюю страду. Тогда я и не подозрѣвал еще, что такое «гимназія». Это было счастливое первое дѣтство, с его беззаботным воспріятіем міра и людей, вѣриѣ — дѣтство, незнающее, что такое «счастье» и «несчастье». Только **отрочество** узнает, что такое «забота». Гимназія была полна забот и тревог. Только **юность** узнает, что такое счастье и несчастье. Дѣтство просто вдыхает и впивает с удивленіем всѣ запахи и ароматы міра: ладан, табак, духи, запах мороза и московского снѣга... И еще непрестанно смотрит и видит, впрочем, что-то свое.

Мы шли на угол Большой Лубянки и Кузнецкаго; прямо перед нами — церковь Успенія; налѣво, на углу Фуркасовскаго и Лубянки — Бауэр, винный магазин; дальше, налѣво — Генералов, гастрономический магазин, с его розовой лососиной, балыками, окороками и виноградом в окнѣ; еще дальше — сад за оградой и в глубинѣ фотографія Мебіус, где снимались мои тетки и мама, всегда в задумчивых позах, опершись на какую-то античную балюстраду, увитую виноградом. Позже, уже взрослым, я не мог без смѣха видѣть этих фотографій барышень с их дѣвственными косами, перекинутыми через плечо, с их скромными лицами, на которых еще «не отразилось ничего».

Ничего этого не было уже в мои студенческіе годы: ни Генералова, ни Мебіуса, ни садика за рѣшеткой, ни таких барышень с косами, ни таких ложно-классических фотографій. Но Кузнецкій, с его банками, ювелирами, пассажами, кондитерскими, с его Теодором и Бастонжгло, с его солидно-заграничным Нанксом, с его шикарными домами и экипажами, рос и богатѣл. Москва моего дѣтства была скромнѣе, уютнѣе, провинциальнѣе, патріархальнѣе. Старая Москва имѣла свой московскій мірок, мало знавший о существованіи большого міра. Но у меня тогда был еще только дѣтскій мірок, в котором происходили открытия: горизонт расширялся от Милотинскаго и Мясницкой до Кузнецкаго и Чистых Прудов, даже до Никольской и Кремля, куда няня водила меня гулять. Но сначала впечатлѣнія Кузнецкаго. Помню, направо: Яков и Іосиф Кон — вѣнская мебель, Фраже — мельхиор и серебро. Налѣво: оптический магазин, привлекавшій мое вниманіе своими трубами, колбами и микроскопами, и, наконец, — Бартельс... Поднимаемся по небольшой лѣстницѣ, открываем двойную стеклянную дверь с мѣдными поперечными держалками, пахнуло сразу привѣтливым теплым запахом горячаго хлѣба. Пирожныя — в самой глубинѣ магазина, на мраморном прилавкѣ... Мѣсто предоставляетъся выбирать. Барышня все укладывает в корзиночку из древесных дранок и завязывает ленточкой. Слѣдует обратный путь, раскунтуваніе и раздѣланіе в передней. Пахнет воздухом и холодными шубами. Бѣгу к бабушкѣ..., но в гостиной у нея **дамы**, с визитом. Онѣ разодѣтыя, как говорит моя няня. От них пахнет духами и пудрой, но очень «чужія» и мнѣ с ними неуютно. Они говорят с бабушкой о «неинтересном», о чём обыкновенно говорят «большіе», а мнѣ улыбаются и спрашивают, но все как будто «нарочно», не понастоящему, не так, как няня и мама. Я вижу, что это какія-то странныя созданія, но еще далекіе годы должны пройти, пока я, наконец, пойму, что «дамы» — это женщины. Чувствую только, что

онѣ говорят не так, как говорят свои у нас дома. Дѣти прекрасно чувствуют, что чужія дамы, обращаясь к ним, вѣчно что-то изображают, и от этого становится скучно и неловко. Но дамы скоро уходят.

Мы обѣдаем в столовой. Суп с клецками, который почему-то дѣти не єдят без принужденія: «за папу, за маму, за бабушку»... все с трудом и по ложечкѣ. Затѣм большой ростбиф на кости, как подавался только в Россіи и назывался филей, с жаренным картофелем шариками и с салатом из красной капусты. Затѣм пирожная от Бартельса. Выбирать — это цѣлая проблема... Со мною рядом сидит бабушка Анна, — это сестра моей бабушки, — которая приходит по воскресеньям обѣдать на положеніи бѣдной родственницы (как я понял впослѣдствіи). Послѣ обѣда, когда все уберут и зажгут лампы (электричества еще долго-долго не существовало), и когда я побѣгаю по лабиринту коридоров и шкафов и загляну в кухню к Маврѣ, что особенно интересно, начинается столовая моя бесѣда с «бабушкой Анной». Я ее люблю, конечно, меньше, чѣм мою настоящую бабушку. В дѣйствительности это было созданіе странное: эгоистическое, ограниченное, очень богомольное, и цѣликом поглощившее жизнь своей дочери. Но бабушка Анна мнѣ разсказывает сказки про бабу-Ягу, при этом мнѣ рисует ея избушку с большой русской печью, с кочергой, ухватом, и котом на печи, и с самой бабой-Ягой со страшным носом крючком. Этот рисунок дѣтски-примитивный вижу, как сейчас. Я видѣл и тогда его «нереальность», но сквозь него я видѣл и угадывал настоящую бабу-Ягу, юна вставала из древней первобытной души моего народа, из его жутких и темных зимних ночей...

Но вот вечер кончается. Прощаніе с бабушкой. Няня ведет домой. Мы выходим во двор Чертковскаго дома. Темнота. Сугробы на дворѣ. Пахнет морозом и сѣменами из складов Иммера. И вот помню, однажды выйдя с няней в этот родной, знакомый двор, я увидѣл нечто новое; ночное небо — черное, морозное глубокое небо с луцистыми, совсѣм маленькими, но страшно живыми точками звѣзд. Дѣти обыкновенно гуляют днем, а не ночью, и дневное небо я знал и, конечно, не замѣтал. Но это черное небо над трубами домов меня удивило и воспоминаніе о нем я сохранил навсегда. Оно вошло тогда впервые в ряд дѣтских удивленій и образов вмѣстѣ с темным двором, бабой-Ягой, запахом московской зимы. Безконечно далеким и безконечно родным кажется мнѣ это видѣніе. И я спрашиваю себя, неужели и теперь я могу увидать ту самую звѣзду, которая посыпала свой луч в темный двор чертковскаго дома маленькому мальчику с няней. Нѣт, никогда больше не могу увидать! Ум как будто говорит, что можно, но сердце чувствует, что нельзя. То, что я теперь вижу, — это «звѣздное небо надо мною», которому удивлялся Кант, небо философов и ученых... страшные шары, несущіеся неизвѣстно куда во мракѣ и безмолвіи безконечных пространств. Но первая звѣзда ранняго дѣтства — ее можно увидѣть только из отчага дома, из темноты родного двора...

И вот, сквозь темные ворота чертковскаго двора выходим мы с няней опять в Милотинскій переулок. Чистый свѣжій снѣжок чуть

тронут полозьями саней, мерцают газовые рожки фонарей... (кто помнит их, эти старые московские фонари?). Тишина зимой... Вот за решетками темные таинственные окна нашей церкви. Вот железнные, запертые засовом, ворота нашего дома. У ворот «дежурит» дворник Максим в огромной овчине, как медведь..., но он свой и его рыжая заиндивидуализированная борода торчит привлекательно. Он гремит тяжелыми засовами и мы входим в родной, знакомый двор. От кого, от каких врагов, охранялись московские дворы тех времен, точно флорентийская палаццо ренессанса, превращенная в крепости. Зачем «дежурили» эти европейские дворники? Или вылезали из своих «сторожек» в накинутом тулупе на жгучий мороз, чтобы ночью отворять ворота «господам»? Но вот, мы с няней дома. «Пора спать!..» и я вижу себя в «детьской»—няня меня укладывает, я лежу в постельке с плетеными шнурочками держалок... Няня в углу на своем сундуке (всех нянь всегда спали на сундуках). Это большой черный сундук, где лежит ей «доброе». Он редко отирается и она не любила показывать, что там. Но я видел, что он внутри был оклеен бумагой с картинками. В детской горит зеленая лампадка перед образом Екатерины-Мученицы, и я повторяю за няней: «Богородица Дева — радуйся, благодатная Мария, Господь с Тебою»... От образов идут тени по потолку. Около шкафа висит что-то страшное, противная рожа на тощем, длинном теле... Вспоминается Баба-Яга-костяная нога. Почему-то особенно страшна эта «костяная нога». Свет лампадки рождает видения во всех углах. И вот я зову: — «Няня, а няня!»... Она отвечает не сразу: — «Спи, спи, греховодник!» Но я долго не сплю: я вижу образы богатырей, волшебников, колдунов, домового, и, наконец, черного кота на печке у Бабы-Яги... Неправда, что все это няньки наговорили детям. Они лишь разбудили образы, дремавшие в душах, в народной душе с незапамятных времен. И эти образы космического-бесознательного связаны с родной землей, с родными лесами, болотами, оврагами, омутами... Только в русском доме может появиться «домовой». В парижской квартире это непонятно. Русским детям заграницей все эти образы ничего не говорят и, странно, старая русская няни, которых еще вывезли в Париж, этих сказок больше не рассказывают... Но когда я впервые — семилетним мальчиком — увидел в Малом Театре «Сон на Волге» Островского и когда там в темных покоях спящего «Воеводы» появляется маленький шустрый «домовой» с фонариком в руках (его играла маленькая Щепкина, в русской рубашке и штанишках), я сразу узнал его, как нечто родное, домашнее, хотя и жуткое. Так же узнавали мы и всех страшных видений Гоголя. Они потому и страшны, что свои — и этот «Вий», и этот Колдун из «Страшной мести», и вся эта нечисть, врывающаяся сквозь решетку в окна церкви. Никогда я не забуду, с каким трепетом я начинал вмешаться с Хомой Брутом каждую новую ночь читать в церкви над покойницей-паночкой. А носящийся гроб и страшное появление «Вия» было настоящим потрясением! Все, о чем говорит Гоголь, есть русский космос, который живет в душах, поскольку душа живет в нем. Мне было 13 лет, когда я все это впервые читал в «страхе и трепете». Потом, уже на склоне дней, заграницей, я перечел все и удивился, что «страха и

трепета» больше не было: яркость образов исчезла, демоны, русалки, домовые покинули мир.

На Святках в Москву по вечерам в окнах сияли елки. Задолго до Сочельника можно было видеть на Театральной площади, около Китайской стены, целий лес елок. На салазках, на извозчиках, тащили их по всему городу в веселой предпраздничной суете... Я впервые увидел-запомнил елку, когда мне не было еще пяти лет, мой младший брат еще не родился. На целий день меня отправили к бабушке. Это было обычное дело, и я не подозревал ничего исключительного. Вечером с няней я возвращался обычным путем, по снегу, тихо падали снежинки маленькими звездами. Мы позвонили у нашей двери, обитой сукном, празднично сияла медная вычищенная дощечка на двери и медная ручка звонка. Из передней (она была большая, с окном во двор) белая двухстворчатая дверь вела прямо в залу. Эта дверь торжественно распахивается и я вижу море огня, чудесное теплое золотое сияние сквозь темную зелень родной ели. Она подымается до потолка со своим розовым ангелом со звездой на верху. Она украшена всеми воплощениями детской фантазии: херувимами, человечками, обезьянками, лошадками, сияющими шарами, морозными нитями, пряниками, крымскими яблочками, золочеными орехами, непонятными фигурками причудливых форм... Разсмотреть все это и сознать сразу невозможно. Я останавливаюсь в изумлении. Бабушка играет марш из «Тангейзера» со всем блеском и бравурностью своего темперамента. Я его запомнил навсегда, как символ торжественной радости, и лишь много лет спустя узнал, что это «Тангейзер». Но вот, под елкой, я вижу новое чудо: настоящие санки и лошадь в запряжке — сани, в которых я могу сесть и возжиги, которыми могу править — мечта каждого мальчика тех времен, когда еще не было автомобилей, аэропланов и даже велосипедов, а всего только лошади, как в древнем Риме или у Скифов, или в этой милой древней Москве моего детства.

Но свечи догорают, взрослые переходят в столовую. Если вы хотите увидеть и пережить русскую елку, воскресить мое «Рождество» далекого детства — то знайте, что его музыка еще жива. Чайковский сохранил ее в своем «Щелкунчике» навсегда. Лишь взмахнет его волшебная палочка, как возстанут в душах «Святки», зажгутся свечи, запахнет хвоей елки, засияют, засверкают, запляшут и зазвенят картонажи детской фантазии. Китайские богданы с колокольчиками, восточные чалмы из 1001 ночи, лихие русские плясуньи и сам Щелкунчик... А вот и сам Чайковский садится за рояль и играет, как он любил это делать, последний вальс для танцующей молодежи — для этих русских «барышень» и юношей, душа которых, влюбленная, тоскующая и очарованная, ему понятна иозвучна. Простой как-будто вальс, но что в нем скрыто, это никогда не поймет Вена или Париж. В нем для меня ожидают русские «Святки», поэзия русских балов и романтизм «Благородного Собрания». Таких собраний больше не существует, как не существует и «барышень». Но искусство сохраняет все, что прекрасно и чисто, в своей вечной ламяти и имеющие уши могут это слышать...

Б. Вышеславцев.

КАК РОССІЯ ПОМОГЛА СОЮЗНИКАМ ВИИГРАТЬ В 4 ГОДА ПЕРВУЮ МІРОВУЮ ВОЙНУ

(Из личных воспоминаний)

В настоящее время в международном общении больше не слышат голоса России, за нее говорят коммунистические дипломаты, не склонные вспоминать о том, что было нами достигнуто до их прихода к власти. Но те русские, которые пережили тяжелый период борьбы довоенной России с Германией и ее союзниками, не нарушая этических норм, с чувством справедливого удовлетворения, могут открыто сказать, что в войну 1914 года Россия помогла своим союзникам не только (как любят утверждать иностранцы), жертвой миллионов русских жизней, но и разрешением одного из главных вопросов в деле истощения Германии, которое сыграло такую значительную роль в окончательной победе держав тройственного согласия.

Россия в лице ее блокадных организаций внесла в дипломатическую работу союзников новый элемент — воображение — и это позволило преодолеть препятствия, стоявшая на пути полной изоляции Германии от внешнего мира, препятствия, против которых обычные приемы классической дипломатии оказались беспомощными.

Позвольте, скажет читатель, причем тут дипломатическая работа. Блокада это дело военного флота. Это когда военные суда захватывают и арестуют торговые корабли, везущие военное снабжение неприятелю. Дипломаты тут не при чем.

Это до известной степени правильно, но не совсем.

Блокада конечно орудие войны. Современная стратегия учит, что победа есть факт не материального, а психологического порядка. Иначе нельзя было бы объяснить, каким образом рота солдат берет иногда в плен батальон численно гораздо ей сильнейший.

Суровое обычно одерживал свои победы, имея меньше войск, чем его противник.

Победа есть психологический эффект — внушение врагу сознания, что он побежден.

Армия и флот стремятся достичь этого эффекта путем истребления и разрушения, блокада же пытается сломить волю противника более медленным путем. Закрывая доступ к неприятелю необходимого военного снабжения (а в последние годы также и продуктов питания населения), блокада должна подорвать волю народа к сопротивлению путем истощения.

Это очень старое испытанное и могущественное орудие войны,

очень популярное в Англии, где оно получило в прошлом широкое применение.

Блокада с помощью искусственной пропаганды, руководимой лордом Нортклиффом*) добилась того, что война закончилась до решительного поражения немецких армий. В результате трехмесячной блокады население Германии оказалось в таких тяжелых условиях жизни, что оно взбунтовалось, свергло власть Императора Вильгельма II и заменило его правительством, подписавшим перемирие на условиях, предложенных президентом СПА Вильсоном (без анексий и контрибуций). Немцы и до сих пор утверждают, что первая мировая война была ими проиграна вследствие "удара в спину" армии социал-демократии.

Главными противниками идеи блокады всегда были и остаются нейтральные страны.

Те, кто сумели остаться в стороне от военных действий (т. е. объявили себя нейтральными) естественно очень недовольны, когда воюющие начинают мешать их торговле.

Нейтральные выдвинули принцип "свободы морей", получивший свое реальное выражение в целом ряде международных соглашений, ограничивающих права блокады.

Так, прежде всего, было запрещено вмешиваться во время войны в торговлю нейтральных стран между собою. Корабль под нейтральным флагом, идущий из одного нейтрального порта в другой, тоже нейтральный, также не подлежит захвату независимо от того, что он везет.

Блокада, чтобы быть законной, должна была быть не только наперед объявлена, но и действительна, т. е. объявивший блокаду должен был иметь достаточное число кораблей, чтобы остановить все подлежащие по правилам блокады захвату суда и т. д.

Эти постановления международного права, ограничивающие права блокирующего, оказались роковыми для союзников в войне 1914 года.

Очень скоро после начала войны обнаружилось, что морская блокада Германии помогает очень мало. Тройственный Союз (Германия, Австро-Венгрия и Италия) был окружен нейтральными странами: Скандинавскими и Голландия на севере, Швейцарией на юго-западе и Румынией на юго-востоке. Флоты Тройственного Согласия (Англия, Франция и Россия) не имели права останавливать нейтральные корабли, шедшие в порты Голландии, Норвегии и Швеции, и оттуда германский блок получал все ему необходимое из заокеанских стран: сырье для промышленности и продукты питания для населения.

Нужно было что либо предпринять и выход был найден в форме блокадных договоров с нейтральными странами, дававших союзникам право контроля над торговлей этих нейтральных стран с непрятелем. Союзные Министерства Иностранных Дел не были приспособлены к этой новой работе и в Англии и Франции были созданы новые специальные блокадные организации; в Англии, которая несла на себе главную тяжесть блокадной работы, в форме Министерства Блокады.

Во главе нового Министерства был поставлен один из выдающихся политических деятелей лорд Роберт Сесиль.

Во второй половине 1914 года в Париже состоялась междуна-

*) Известный владелец группы английских газет: — «Times», «Daily Mail» и других.

родная блокадная конференція. Россія на ней была представлена морским агентом Кап. I ранга Дмитріевым и Советником русского посольства в Парижѣ — Севастопуло.

На этой Конференціи было решено, что Россія должна также устроить у себя подобную же блокадную организацію. Протоколы и другие материалы по этой Конференціи были посланы Севастопуло в Министерство иностранных дѣл, а Дмитріевым в Морской Генеральный Штаб.

В Штабѣ они попали ко мнѣ, как консультанту по экономическим вопросам.

Убѣдившись, что в Министерствѣ Иностранных Дѣл ничего по этому поводу не дѣлается, я разработал и составил положение о междусоюзном блокадном Комитетѣ в С. Петербургѣ. Проект через Начальника Штаба адмирала Русина и морского министра адм. Григоровича был внесен в Совет Министров и утвержден без особых возражений.

Эта блокадная организація состояла из междусоюзного Комитета, многочисленного учрежденія из представителей Англіи и Франціи и от всѣх заинтересованных русских министерств. Собирался он не слишком часто и решал главным образом вопросы общаго направленія нашей блокадной политики.

Предсѣдателем Комитета был назначен Петр Бернгардович Струве с правами товарища министра.

Текущая блокадная работа была возложена на Управление дѣлами Комитета, завѣдывать которым (с правами директора департамента) было поручено мнѣ. Комитет не принадлежал ни к какому Министерству, но для того, чтобы он мог вносить необходимые новые проекты в Совет Министров, он считался в вѣдѣніи (личном) Министра Торговли и Промышленности, бывшаго морскаго офицера князя Шаховского.

Комитет был учрежденіем секретным и для внѣшняго міра носил название Экономической Канцеляріи при Министерствѣ Торговли.

В іюнѣ 1917 года с отказом П. Б. Струве от участія в правительственный дѣятельности, по его совѣту и рекомендаціи, мѣсто как Предсѣдателя Комитета, так и Директора Экономического (бывшаго 2-го) Департамента Мин. Ин. Дѣл было предложено мнѣ. По примѣру Англіи, где лорд Роберт Сесиль был одновременно министром блокады и товарищем М-ра Ин. Дѣл, и у нас было решено соединить эти двѣ должности в одном лицѣ, тѣм болѣе, что в теченіе войны дипломатическая работа блокады не только не сократилась, но наоборот постоянно пріобрѣтала все большее значеніе.

Одним из чрезвычайно важных вопросов, подлежащих разрешенію блокадными организаціями, был вопрос о прекращеніи снабженія Германіи высокопроцентной желѣзной рудой.

Как известно, для веденія важных операций стала абсолютно необходима, и в современной войнѣ ее нужно имѣть в громадном количествѣ.

Пушки, которыми стрѣляют, и снаряды, которыми убивают людей и разрушают укрѣпленія, производятся из стали; танки, моторизованный транспорт и многое другое, необходимое арміи для ея военных операций, дѣлается из стали или желѣза, и до сих пор не удалось

найти ничего, что могло бы быть употреблено вместо этого металла для снабжения солдат необходимым им новейшим оружием.

Не имев своих нефтяных источников, Германия во время войны наладила у себя добывчу промышенным путем нефти из угля; естественная резина (каучук) была заменена синтетической; вместо хлопка и шерсти стали употреблять целлюлозу и т. д., но пушки, стрелявшие в союзных солдат, и снаряды, их убивавшие или калечившие, попрежнему были стальными.

Естественно и понятно поэтому, что вопрос снабжения Германии железнной рудой очень беспокоил союзное командование и правительства держав Тройственного согласия настоятельно требовали от своих блокадных организаций принять решительные меры к тому, чтобы закрыть в Германию доступ руды из заграницы.

В Европе высокопрочная железная руда находится главным образом в двух местах: в Испании, которая является главным источником снабжения английских заводов, и в Швеции, отправлявшей ее в огромных количествах в Германию.

Из окрестностей Киуны (на югере Швеции) руда шла по железной дороге к Ботническому заливу и оттуда на пароходах по Балтийскому морю подавалась прямо к немецким чугуноплавильным или сталелитейным заводам.

Конечно пароходы эти были под ударами наших подводных лодок, но практика показала, что число перехваченных или потопленных на этом пути судов было слишком мало, чтобы серьезно влиять на снабжение Германии шведской рудой. Кроме того, в случае крайности руду можно было доставить в Германию и по железной дороге.

Прекратить этот подвоз, имевший такое важное значение для действий немецких войск, можно было только путем заключения со Швецией блокадного договора, чего союзная блокадная организация и добивались в течение первых $2\frac{1}{2}$ лет войны.

Но тщетно. Шведское правительство решительно противилось установлению какого бы то ни было союзного контроля над ее торговлей, ссылаясь главным образом на то, что такой контроль будет нарушением ее суверенитета.

Действительность С.-Петербургского блокадного Комитета подробно описана в книгах сэра Самюэля Хора (Sir Samuel Hoar), бывшего одним из двух английских членов Комитета, но сэр Самюэль покинул Россию вместо с миссией лорда Мильнера перед началом февральской революции (в шутку говорили, что революцию задержали, чтобы не тревожить знатного и высокопоставленного гостя) и нижеописанные события прошли уже без его участия.

О договоре со Швецией сэр Самюэль рассказывает, но уже не по личному опыту, следующее:

“После многих безуспешных попыток с консервативным правительством союзникам удалось заключить удовлетворительный блокадный договор с новым либеральным правительством Швеции.

Струве и Нордман, действуя от имени Комитета, приняли живое (*prominent*) участие в этих переговорах. Главным образом благодаря их усилиям было, наконец, достигнуто взаимное понимание по многим вопросам, которые так долго раздражали шведов и вредили союзникам.

Было действительно трагично, что Россия вышла из войны за несколько месяцев до ратификации соглашения, которое окончательно закрыло восточную дверь в Германию и впервые гарантировало русской промышленности «свободное получение машин, резины и другого сырья, в которых она так нуждалась»^{**})

Это описание не совсем точно в одном отношении.

Как было указано выше, П. Б. Струве ушел в отставку сейчас же послѣ известных юньских событий в СПб, английская жеnota относительно договора со Швецией была получена нами лишь в июль.

В этой нотѣ, ссылаясь на совершенно непримиримую позицію, занятую на конференціи в Вашингтонѣ шведскими представителями по отношенію к предложеніям союзников о заключеніи блокаднаго договора, Великобританское Министерство Иностранных Дѣл въсма категорической и настойчивой формѣ сообщало, что, ввиду предстоящаго провала конференціи в Вашингтонѣ, союзники рѣшили блокировать Швецию.

Для нас это решеніе представляло большія опасности.

Во-первых, через Швецию, особенно в зимнее время, когда Архангельск не работал, шло наше снабженіе из заграницы, о размѣрах котораго можно судить по тому, что от одной Англіи мы пользовались на эту надобность кредитом в 300 мил. фунтов стерлингов (300 миллиардов франков) в год.

С другой стороны блокада Швеціи означала переход ея окончательно на сторону Гермапіи, т. е. мы, в результатѣ ея, могли получить новый фронт на сѣверѣ.

Создалось очень трудное положеніе.

Отказаться от предложенія англичан о совместной с ними блокадѣ Швеціи было невозможно, а согласиться — тяжело и опасно.

Нота попала “по принадлежности” в Экономический Департамент и я предложил отвѣтить англичанам, что мы согласны, но просим, прежде чѣм начинать блокаду, сдѣлать еще раз попытку договориться со шведами дипломатическим путем. А сам, для вѣрности, заѣхал к советнику англійского посольства Линдлею и просил его, чтобы посольство поддержало наше предложеніе. Линдлей был вторым членом от Англіи в блокадном Комитетѣ, и у нас с ним были хорошія отношенія: он обѣщал сдѣлать, что возможно.

Через нѣсколько дней пришел отвѣт, что англичане согласны.

“Ну”, — сказал мнѣ министр, как мнѣ казалось с нѣсколькою иронической улыбкой. — “Вы заварили эту кашу, вы ее и расхлебывайте. Собирайте чемодан, поѣзжайте в Стокгольм, Лондон или вообще куда понадобится и заключайте договор со Швецией”.

В Стокгольмѣ в это время нашим посланником был Гулькевич^{**}), очень способный дипломат, котораго я встрѣчал у П. Б. Струве. В этом отношении все было благополучно, полное содѣйствіе нашего посольства было обеспечено. Но нужна была еще помошь англійского посланника.

*) The fourth Seal, by Rt. Hon. Sir Samuel Hoar M. P. London, p. 195.

**) В послѣдствіи Завѣдующій отдѣлом бѣженцев в Лигѣ Наций.

Для этого я взял с собою одного из служащих в Управлении дѣлами Комитета В. Питерса.

Уильям Яковлевич Питерс был очень молодой шотландец, окончивший Абердинский Университет по экономическому отделению и находившийся в Россіи в началѣ войны для изученія положенія русской хлопчатобумажной промышленности.

Русским языком он владѣл превосходно и был одним из тѣх англичан, которые ухитрялись говорить по-русски без малѣйшаго акцента.

Мы с ним были большие друзья, хотя я немного подозрѣвал, что в число его неофиціальных обязанностей входило сообщать в Лондон о нашей работе в С. Петербургѣ.

Это меня мало смущало и было даже в извѣстном смыслѣ полезно.

Наш Комитет работал не за страх, а за совѣсть и дѣлал все возможное для сокращенія войны путем истощенія Германіи. Вильям Яковлевич был во всѣх отношеніях высоко порядочный человѣк, ни на какія интриги нѣспособный.

Как всѣм знакомым с англичанами хорошо извѣстно, они дѣйствительно довѣряют только своим, и доклады Питерса, если они были, могли быть наилучшим средством пріобрѣсти довѣріе английских министерств.

Все это, конечно, лишь предположеніе, но что несомнѣнно, это то, что по мѣрѣ того, как время шло, наши отношенія с англичанами все улучшались и мы получали от Министерства Блокады иногда съѣзь секретныя свѣдѣнія.

По моем приѣздѣ в Стокгольм, мы с Гулькевичем отправились в шведское министерство Иностранных дѣл и тут с первых же слов сразу стало ясным, что наш собесѣдник вообще не желает никакого соглашенія.

Мы оказались в тупикѣ. Совершенно бесполезно дѣлать предложенія, даже самая заманчивыя, человѣку, который просто не желает, того, за чѣм мы приѣхали и вообще не скрывает, что единственное его желаніе это поскорѣе прекратить ненужный и бесполезный разговор.

По возвращеніи в Посольство Гулькевич собрал совѣщеніе союзных посланников.

Англійскій и французскій — профессіональные дипломаты, смотрѣли на положеніе крайне пессимистично. Они были убѣждены, что консервативное шведское правительство опредѣленно симпатизирует нѣмцам и что поэтому ничего сдѣлать нельзя.

Американскій посланник, из крупных дѣльцов, сдѣлал для дипломата, довольно нѣобычайное заявленіе.

“Вы дипломаты”, — сказал он, — “умѣете только хорошо разговаривать, а нужно дѣйствовать. У нас, в Америкѣ, достаточно денег, мы просто купим шведскіе рудники и повезем руду в Англію или Америку”.

Американское предложеніе не встрѣтило большого сочувствія. Всѣм было ясно, что никакая шведская компанія не согласится во время войны продать рудники воюющим без санкціи своего правительства, что и подтвердилось во время послѣдней войны, когда аналогичная американская попытка окончилаась полной неудачей.

На следующий день я просил Питерса зайти в англійское посольство и уговориться о моем визите посланнику. Англійским посланником в Швеції в это время был сэр Эсме Ховард(Sir Esme Howard) — старый дипломат классического английского типа, корректный, любезный и привѣтливый. Перед Швеціей он был в Италии и женился там на очаровательной итальянкѣ, что, вѣроятно, и было причиной его назначенія в другую страну. Впрочем, англичане обычно не оставляют своих дипломатических представителей слишком долго на одном и том же посту.

Насколько любезность сэра Эсме была результатом визита Питерса, конечно, сказать трудно, но как бы то ни было, посланик встрѣтил меня, как старого знакомаго, и у нас сразу установились самыя простыя отношенія.

На мой вопрос, не может ли нам помочь шведское общественное мнѣніе и нѣт ли у него кого-нибудь, кто бы мог устроить нам контакт со шведскими политическими дѣятелями, стоящими в оппозиціи к правительству, сэр Эсме отвѣтил, что он думает, что это возможно. В цѣлях обезпеченія правильнаго движенія англійских товаров, идущих в Россію, особенно предупрежденія отправки их вмѣсто востока (в Россію) на юг (в Германію) весь англійскій транспорт был передан одной шведской компаніи (*Transito*), во главѣ которой стоял шведскій дѣлец, вполнѣ преданный англичанам. У него в оппозиціонных кругах были хорошия связи и он навѣрно не откажет нам в своем со-дѣйствіи.

В результатѣ этого разговора был устроен обѣд совершенно частнаго характера, на котором, кроме хозяина, присутствовали сэр Эсме, один из главных вождей шведской либеральной партіи Лефгрен, нѣсколько других видных членов той-же партіи и я.

На этом совѣщаніи мы встрѣтили со стороны шведов совершенно иное отношение, нежели в министерствѣ иностранных дѣл.

Прежде всего они не занимали официального положенія и могли обсуждать вопрос по существу, не считаясь с соображеніями национального престижа. Кромѣ того, наши предложения вполнѣ отвѣчали их партійным интересам и очень быстро мы пришли к полному согласію.

Проект договора (в общих чертах) был очень прост:

Швеція обязывалась прекратить вывоз желѣзной руды в Германію и давала согласіе на союзный контроль за исполненіем этого условія. Кромѣ того, она предоставляла союзникам свой торговый флот, что было очень важно, так как в этот період германскія подводные лодки топили до 1 мил. тонн наших кораблей в мѣсяц.

Взаимн этого союзники принимали обязательство снабжать Швецію до конца войны всѣм необходимым для шведского населенія.

Договор этот давал либеральной партіи очень большія преимущества в предстоящей предвыборной кампании. Они могли сказать избирателям, что сохраненіе у власти консерваторов поведет к блокадѣ Швеціи со всѣми ея тяжелыми послѣдствіями для населенія и может даже вовлечь Швецію в войну. Либералы же обезпечат им нормальная условия жизни и мир.

Оставалось одно послѣднее препятствіе — убѣдить американцев закрыть конференцію в Вашингтонѣ и перенести ее в Лондон.

Опасенія, что Америка может на это не согласиться, были и у лорда Роберта Сеспеля. Рѣшено было просить американского согласія условно, т. е. на случай, если либералы в Швеціи действителью побѣдят на выборах и окажутся у власти. Тогда конференцію в Вашингтонѣ можно будет закрыть, сославшись на то, что шведскіе представители назначены министерством, потерявшим руководство дѣлами.

Все дальнѣйшее прошло гладко.

Американцы согласились, консерваторы в Швеціи потерпели большинство в парламентѣ, либеральная партія образовала новое правительство. Вашингтонскую конференцію перенесли в Лондон и без больших затруднений, в февраль 1918 года, договор со Швеціей был заключен.

Конечно, в этом послѣднем актѣ я принять участія уже не мог.

Я успѣл, правда, присутствовать на завтракѣ в отель Ritz, устроеннем лордом Робертом Сеспель от имени правительства Его Величества русскому дипломату, оказавшему услугу союзному дѣлу: был вечером в оперѣ в ложѣ с женами чиновников англійского министерства иностранных дѣл, смотрѣвшими на меня с большим любопытством, как на необычное из далекой и неизвѣстной страны; успѣл осмотрѣть шесть департаментов министерства блокады, помѣщавшагося во временных бараках, построенных в St. James Park, но попасть на Лондонскую конференцію не успѣл.

В Россіи в ноябрѣ (по новому стилю) произошел коммунистический переворот. Пришлося прежде всего заняться разъясненіем англійскому общественному мнѣнію, почему февральская событие всѣ дипломатическая миссія припяли, как простую смѣну формы управления государством, а ноябрьскую революцію считают насильственным захватом власти разбойничьей группой.

Вмѣстѣ с доктором Гавронским мы послали по этому поводу открытое письмо в редакціи, напечатанное в 8-ми самых крупных лондонских газетах. Корреспондент Сытинского "Русского Слова", Поляков, начал изданіе еженедѣльника на англійском языке «Russian Commonwealth», а с проф. исторіи Оксфордскаго университета Павлом Гавриловичем Виноградовым мы выпустили под его редакціей небольшую книжку «The Reconstruction of Russia», в которой выступили против довольно распространенной тогда в Англіи тенденціи расчлененія Россіи на нѣсколько отдельных государств.

Англійское правительство, нас, представителей прежняго правительства, нѣкоторое время еще признавало, но только наполовину. С нами еще совѣтовались (иногда даже исполняли наши совѣты), но неофициально. Константип Дмитріевич Набоков занимал еще Chesham House, с его царскими портретами, но в другом помѣщеніи уже появился совѣтский представитель и постепенно с ним тоже начали считаться.

Впрочем, на этом темном фонѣ были и свѣтлая пятна.

Пріятно вспомнить, что моя просьба урегулировать реквизиціи русских торговых судов англійским министерством судоходства встрѣтила самый живой отклик у лорда Роберта Сеспеля, и по его распоряженію была образована русско-англійская комиссія по этому вопросу. В результате ея почти полуторалѣтней работы, нѣсколько тысяч

русских моряков вместо насильственной отправки в Советскую Россию (как было сделано при первых реквизициях) были оставлены в Англии на полном содержании, выплачиваемом им английским правительством (правда за счет их общества), а владельцы пароходов, по окончании войны, получали свои пароходы обратно, также и плату за их пользование и возмещение стоимости тѣх, которые были потоплены.

В послѣднюю войну, несмотря на помощь хваленых советских дипломатов, блокадного договора с Швецией заключить так и не удалось и германская армия в теченіе всей войны пользовалась шведской сталью.

Нѣкоторые из участников описанных событий оставили значительный слѣд в английской политической жизни.

Сэр Роберт Сесиль (нынѣ лорд Сесиль) послѣ заключенія Версальского мира был первым постоянным членом от Англии в Лигѣ Наций — пост, который он занимал втеченіе многих лѣт. Горячий сторонник высокой идеи этого учрежденія, которое по мысли ея основателя идеалистического американского профессора и президента США Будро Вильсона должно было установить на землѣ вѣчный мир, лорд Сесиль в то же время возглавлял в Англии движение (общество Лиги Наций), поддерживавшее Лигу и получившее, особенно в первые годы ея существованія, очень широкое распространение. Несмотря на его преклонный возраст, этот обаятельный государственный дѣятель продолжает выступать в Палатѣ Лордов при обсужденіи вопросов крупнаго значенія.

Сэр Самюэль Хор — нынѣ лорд Темпельвуд (Lord Templewood) послѣ окончанія войны был втеченіе многих лѣт членом английского правительства вплоть до сильно напутственного, так наз., Хор—Лавальского инцидента. Он занимал посты военного министра, министра по дѣлам Индіи (привел через Палату Депутатов столь сильно оспариваемый закон о новом положеніи Индіи), затѣм министра внутренних дѣл, хранителя печати и министра иностранных дѣл в кабинетѣ Балдвина.

Во время послѣдней войны, уже в званіи лорда, он был послом в Испаніи.

Сэр Самюэль хорошо владѣлъ русским языком и очень увлекался древне-русской иконописью.

Мистер Линдлей впослѣдствіи был дипломатическим уполномоченным англійского правительства при правительстве Чайковскаго в Архангельскѣ и затѣм, если не ошибаюсь, послом в СПА.

Уильям Яковлевич Питерс (Peters) продолжал службу по департаменту заграничной торговли (Department of Foreign Trade). Во время убийства в С. Петербургѣ англійского военного моряка, командовавшаго во время войны англійскими подводными лодками в Балтийском морѣ, капитана Кроми (Captain Cromie), Питерс оказался старшим в англійском посольствѣ и передал Советам поту о разрывѣ дипломатических сношеній.

Сейчас он занимает в департаментѣ довольно видное положеніе.

Н. Нордман

НЕКУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЪК

1.

Я нѣкоторое время колебался: как назвать этот разсказ? Но в концѣ концов остановился на выставленном мною заглавіи, так как рѣчь в разсказѣ будет идти об истинно некультурном человѣкѣ.

Этим некультурным человѣком был дѣд Матвеич.

Затрудняюсь сказать точно, сколько лѣт ему было. На вид — немного за 60. Однако, моя бабушка увѣряла, что “дѣдом” его зовут не меньше, чѣм лѣт 20. Так неужто ж 20 лѣт тому назад ему было только 40? Не станут же люди звать “дѣдом” сорокалѣтнаго мужика! Очевидно, что лѣт 20 тому назад он был уже в лѣтах дѣдовских и, слѣдовательно, в то время, к которому относится мой разсказ, ему было по меньшей мѣрѣ за 70. Но был он топорно крѣпок, по медвѣжьему здоров и косолапо силен. Возможно, что состарѣвшись в свое время лѣт 60-ти, он перестал старѣть, а застыл в своей несуразной формѣ, мало мѣняя ее с годами, а только укрѣпляясь и матерѣя в ней.

А форма его, т. е. весь его вид, была, дѣйствительно, несуразная. Он отчасти напоминал паука, а отчасти и угрюмаго медвѣдя: был коренастый, плечистый, неуклюжий, весь заросший спутанными волосами, которых словно не смѣла тронуть просѣдь. Голову он раза 2-3 в год подстригал, но к бородѣ и усам весьма убѣжденno и, может быть, принципіально, не прикасался ножницами. В результатѣ такого міропониманія куаферской области борода и усы дѣда Матвеича срослись в общій комок, из которого торчал его ровный нос и над которым поблескивали его добродушно-сuroвые глаза. А над ними был лоб: ясный, чистый, спокойный и к тому же мудрый той первобытной мудростью, которая не вѣдает ни дешевой суеты, ни безплодных сомнѣній.

Когда дѣд Матвеич стоял на мѣстѣ, он непремѣнно топтался, мягко пошлепывая подошвой липового лаптя: быть неподвижным он не умѣл. Когда ходил, то ходил медленно, и не только передвигал ногами при ходьбѣ, но и помогал себѣ при этой операціи всѣм туловищем, перенося его вслѣд за ногой при каждом шагѣ: сначала с тяжелым полуоборотом вправо, а потом с таким же полуоборотом влево. От этого его походка была развалистая, медленная и какая-то необыкновенно на-

пористая: про него нельзя было сказать безлично — “идет”, а надо было говорить образно — “прет”.

Сидѣть же, а тѣм болѣе без дѣла, дѣд Матвеич и не любил, и не умѣл: цѣлыми днями он все “топтался” то туда, то сюда, что-то урча себѣ в бороду. Присаживался же он только во время ъды и уж тогда сидѣл чинно: “Ѣсть надо во славу Божію! --- наставительно поучал он. — И неча за ъдой туда-сюда шовгаться!” Натомившись же за день, он ложился спать, долго подмащивая свои немудреныя спальныя принадлежности, громко крякая и охая при этом: вѣроятно, для собствен-наго удовольствія.

Зимой и лѣтом он одѣвался одинаково: пестрядиновые штаны, грубаго деревенскаго полотна рубаха, армяк и громадная шапка изъ вылезшей овчины, которую он называл загадочно и не совсѣм вразумительно: “мамаха”. Возможно, что он считал ее разновидностью папахи, так сказать — деревенско-лѣсным варіантом ея. Обувку же он мѣнял по сезону: лѣтом — босиком или в лаптях, зимой — в валенках. Однажды я заговорил с ним о сапогах, и он (даже с видом какого-то пре-восходства) заявил, что он их “сроду не нашивал” и даже ни разу не надѣвал их.

Чистоплотен дѣд Матвеич был необыкновенно. Дѣло не в том, что он еженедѣльно по субботам топил свою баньку и парился по два-три часа; дѣло и не в том, что свои штаны и рубаху он смѣнял своевременно и часто, самолично вываривая их в крутом березовом щелокѣ. Дѣло, надо вам сказать, было в том, что дѣд Матвеич всегда вел себя как-то так привычно-настороженно, что нигдѣ и ни обо чѣто не пачкался. Я бы сказал, что грязь и пыль даже не осмѣливались приставать к нему, но боюсь упреков в излишней идеализациѣ фигуры моего героя. Но должен замѣтить: я хорошо помню, что от дѣда Матвеича никогда не несло ни потом, ни прѣлью, но всегда бодро и вкусно пахло сырой землей, воском, ржаным хлѣбом и сухим сѣном.

Выше я сказал, что глаза у дѣда Матвеича были “добродушно-суроые”. Это не описка с моей стороны. Его глаза, дѣйствительно, были на рѣдкость добродушными, и это добродушіе сіяло из них ласковыми, чарующими лучами. Но в то же время дѣд Матвеич считал суровость необходимым свойством и даже, может быть, добродѣтелью старческих лѣт. А потому он так давно привык притворяться суровым, что надѣтая маска как бы приросла к нему. И тон его был суровый, и слова, и рѣчь... Внучку свою, Дащенку, которая, осиротѣв, жила с ним, он любил чуть ли не до самозабвенія, но и с нею был неизмѣнно суров и никогда не называл ее, как всѣ звали, Дащенкой, но всегда — Дащуткой: вѣроятно, имя “Дашенька” казалось ему недостойной слабостью старика.

Но вмѣстѣ с тѣм дѣд Матвеич любил улыбаться. И тогда вся суровость сразу же исчезала, а каждая морщинка лица начинала сіять мягкими и добрыми лучами.

— Неча, неча тут! — пытался он сурово бурчать на Да-

шеньку. — Хи-хи да смѣхи до добра не доведут, а ты поди-ко лучше да у крыльца подмети!.. Ишь, разсѣлась тут... Курица меделянская!

Но Дашенъка, хорошо знавшая истинную природу дѣдовской суповости, отвѣчала на нее взрывом такого яснаго смѣха, что дѣд Матвеич тут же расплывался в улыбкѣ:

— Ишь залилась! — умиленно любовался он смѣхом внучки. — Ишь, вѣдь, как залилась, горличка сизокрылая!.. Ну, и Господь с тобой! Господь с тобой! Только вѣд и твово, милюшка, что молодые годы твои... Только и твово!

Говорил дѣд Матвеич глухим голосом, словно в себя, а не из себя. Слова произносил невнятно и неразборчиво: не зубы мѣшали, вѣрнѣе — не отсутствіе зубов (их у него был полон рот!), но губы и язык его были, как и весь он, непослушно кололапы, а усы и борода так опутывали рот, что тот положительно не мог правильно артикулировать.

Слѣдует упомянуть еще об одной чертѣ нашего дѣда: он никогда не ругался, не чертыпался и не сквернословил, а всегда выражался простой и упоительной крестьянской рѣчью, немного примитивной и бѣдной, но способной в мѣтком образѣ выразить глубокую и тонкую мысль. Ко всѣм же сквернословящим дѣд Матвеич относился с недовѣрчивой брезгливостью и, заслышиав гдѣ-нибудь грубую ругань, уходил прочь, бурча себѣ в бороду, что-то неодобрительное.

Жил он в лѣсной сторожкѣ, вдали от людей: чуть ли не с незапамятных времен он служил у моей бабушки лѣсником. Но кромѣ служебных обязанностей он по доброй волѣ нес и другіе труды: он “пчелу любил”.

2.

Каждое лѣто у моей бабушки собиралось в имѣнье много народа: и родные, и чужіе. Каждый, кто щахал туда, спокойно приглашал с собой друзей и пріятелей, даже не спрашивая согласія бабушки, так как знал: привѣтливая старушка всѣм будет рада.

Появился даже, помню, какой-то Павел Михайлович. Прожил он двѣ недѣли, ходил с нами на рыбную ловлю, лихо катался верхом и мастерски играл в крокет. А когда он уѣхал, бабушка долго допытывалась у всѣх: кто он, собственно говоря, был, откуда взялся и кто его пригласил? Но она так и не допыталаась.

Мы, молодежь, любили ходить в гости к дѣду Матвеичу.

Как мнѣ ни прискорбно, но я вынужден признать, что ходили мы к нему, лишь желая повеселиться на его счет и набрать новый матеріал для домашних анекдотов. По молодости лѣт своих мы не умѣли цѣнить по достоинству нашего самобытнаго старика и видѣли в нем лишь источник курьезов. А поводов для курьезов дѣд Матвеич давал нам предостаточно, так как он был необычайно и, так сказать, непосредственно невѣжественен. Да и то сказать! — он вѣдь был неграмотен и почти весь свой вѣк прожил в лѣсу.

И мы весело издѣвались над его невѣжественностью, создавая “из лѣдовых перлов” немудрящіе, но гиперболические гротески.

Придем мы, бывало, к нему в сторожку и начнем провоцировать его неожиданными вопросами.

— Дѣд Матвеич! — невинно и кротко спрашивали мы. — А почему это цвѣты душистые, а листья не пахнут?

— А потому, — с полной охотой и ничуть не задумавшись, пояснял он, — что листья по утру серебряной росой умываются, а цвѣты, тѣ — золотой! Вот поди-кось утречком по лѣсу, сам увидишь.

— Какая золотая роса? — еще невиннѣе спрашивали мы. — Из золота?

— Не то, чтобы совсѣм уж из золота, — с нѣкоторым сожалѣniем отвѣчал дѣд Матвеич, — а так тебѣ сказать, милай, что из золотой воды она. Вродѣ, как купавель!

— Какой такой купавель? — чуть не прыскали мы со смѣха.

Дѣд Матвеич начинал улыбаться снисходительно: такой-де простой вещи не знают городскіе!..

— Купавель? А это тоже знать надо!.. Нешто вас там, в городѣ-то, про него не учат? Он послѣ дождика с чистаго неба каплет, купавель этот самыи! Видал, чать? Как тучи-то уйдут, как дождю, значит, конец, вот тут купавель и начнет капать. Капает он с чистаго неба, а солнышко его и золотит... И гдѣ купавель упадет, там — и-и-и, Боже Ты мой! — там все так буйным цвѣтом и зацвѣтет к произростанію! И хлѣбушко, и трава, и деревья, и продухта всякая...

— Всякая? — не выдерживали мы и прыскали совсѣм уж откровенно. — Да неужели же всякая? И финацетин? И готовальни? И л-ориган Коти?

Дѣд Матвеич, чуя неладную насыпь, подозрительно косился на нас, но никогда не обижался, а только бурчал через заросли бороды:

— Может, и они... Не видал!

В лѣшаго дѣд Матвеич не то, чтобы вѣрил, а просто признавал его существованіе, безо всякой тѣни сомнѣнія, как мы признаем существованіе барсуков, бѣлок, ежей и прочей лѣсной твари. Надо полагать, что с лѣшим он был, так сказать, близко знаком, потому что “сколько разов его в лѣсу видал: вродѣ, как еловый весь, а замѣсто спины — ноздри!” Хотя дѣд Матвеич и не оправдывал лѣшаго за то, что тот “больно шалит, да и шалит-то не совсѣм уж ладно!”, но тѣм не менѣе, питал к своему лѣсному хозяину нескрываемую симпатію. Я полагаю, что это была та невольная симпатія, которую мы обычно питаем к землякам: своеобразный патротизм лѣсных аборигенов.

— Какой же он из себя, лѣшій этот самыи? — спрашивали мы.

— Лѣшій-то? — ласково и снисходительно улыбался дѣд Матвеич. — А он, милая вы мои, весь как есть растрепанный!

— Растрепанный?

— А конечно же! — Ты-то посуди, что он въедь в лёсу живет, гребня у него нѣтути! Там за вѣтку зацѣпится, в другом мѣстѣ его хвоей противу шерсти мазнет, вот он и взложматится, словно копна под вѣтром... А гребня и нѣтути! Ну, замѣсто гребня он еловой шишкой причесывается, а рази же ею можно, как слѣд, пригладиться? Вот он и ходит: растрепанный! Он, может, и сам не рад тому, да что ж он подѣлать-то может? И осудить его за это нельзя! Никак нельзя!

Дѣд Матвеич ни разу в жизни не был в губернском городѣ и никогда не видѣл желѣзной дороги, а рассказам о ней он хоть и вѣрил, но вѣрил с нѣкоторым осторожным и даже углубленным сомнѣniем. В телефоны же, в кинематографы и в автомобили он не вѣрил самым откровенным образом и отрицал их существованіе с той лукавой усмѣшкой, которая без слов говорила: “Не проведешь! Я и сам с усам!”

— Да врут, милаи вы мои, — убѣждал он нас, покровительно улыбаясь. — Это все в на смѣшку над вами говорят, будто оно есть такое. Чтобы, значит, посмѣяться над вами! Потому, как вы еще махонькіе, ну — и легко вѣрите!

“Махонькіе” весело переглядывались: младшему махонькому было лѣт 16, а страшему и всѣ 20.

— Дѣд Матвеич! — спрашивали мы. — А почему это при солнцѣ бывает тѣнь, а при облаках нѣт ея?

— А потому, — нравоучительно и наставительно отвѣчал он, — что тѣнь, она вѣдь родная дочка солнцу-то! Оно — на небесах, а она тут, на землѣ гуляет. Вот, как тучи солнышко закроют, она сейчас и забезпокоится: “Ах, ах! Что такое с папашей приключилось? Не бѣда ли какая!” Ну, и бѣжит с земли на небо... Вот ее в тѣ поры здѣсь и не бывает.

— Так она солнцева дочка? А почему ж она и ночью бывает, при мѣсяцѣ?

— Так то — солнцева дочка, а то — мѣсяцна! — с нѣсомнѣнной убѣжденностю вразумлял нас дѣд Матвеич. — У мѣсяца своя дочка есть! Хоть и похожа она на солнечну, а все ж различить можно, ежели который человѣк понимающій. Солнцева малость посвѣтлѣе будет, а мѣсяцна — та, как есть черная!

Дѣд Матвеич знал объясненія всѣх явленій природы, но объясненія эти были черезчур оригиналны и страдали излишней независимостью, откровенно расходясь с физикой, астрономіей и естествознаніем. Лѣс рос, по его мнѣнию, оттого, “что на этом мѣстѣ земля чесалась”; дождь падал оттого, что “небеса малость попачкались и умываться стали”; а зима приходила оттого, что “солнышко за лѣто устает и уж только полсили работать начинает”.

— Оно бы, может, и совсѣм на покой легло опочить, — подробнѣе объяснял он свою теорію, — потому, что дюже за лѣто устает, сердечное, да от Бога ему на то позволенія нѣту: “Ежели ты совсѣм на покой опочивать ляжешь, сказал ему Господь, так вѣрь это же всему православному люду хвормен-

ный заръз будет и неминучая смерть придет! Нѣт тебѣ на то Моего разрѣшенія. А коли ты больно уж устаешь за лѣто, так ты зимой только в полсили работай, это тебѣ замѣсто отдыха, значит, будет. А потом и опять на полную силу переходи! По череду! Вот оно у нас с тобой и будет ладно: коли по порядку, так оно порядочно и выйдет!"

Конечно, убѣдить дѣда Матвеича в ошибочности его пониманія было невозможно, да вряд ли и нужно. Ко всяkim толкованіям он относился опасливо и недовѣрчиво, хорошо зная людскую сущность и остерегаясь вредных ересей. Надо полагать, что он был природным консерватором, который не мог разстаться с привычным для него міровоззрѣніем, тѣм болѣе, что в этом міровоззрѣніи были всѣ признаки атавизма. Собственная его система с началом XX вѣка была никак не совмѣстима! Сами посудите: с одной стороны люди в небѣ летать начали, а с другой они в какой-то купавель вѣрят и в договорѣ Бога с солнцем не сомнѣваются.

В области же практической жизни дѣд Матвей был наивен до крайности, так как воспринимал практику жизни через призму все того же своего міровоззрѣнія. Так, напримѣр, он запрещал Дашенкѣ носить красные платки и сарафаны, уверяя, что они на фабрикѣ "собачьей кровью красятся", а требовал от нея пристрастія к синим и зеленым матеріям, так как тѣ красятся "небесной краской" и какой-то "веселой травкой". Он пробовал соль на зуб и досадливо крякал оттого, что "ее теперь совсѣм мало солить стали", а в прежнія времена она "много солонѣе была", потому что ее "вполнѣ по-совѣсти солили". К желѣзу он относился с большим уваженіем, так как, по его мнѣнію, "сам Христос Батюшка желѣзо благословил", а гвозди, которыми Он был пригвожден ко кресту, "еще царь Соломон по божьему повелѣнію выковал".

Мастеровых людей и их инструменты дѣд Матвеич почитал, но неизмѣнно спрашивался всегда: "А ты свой рубанок под бибелью благословлял?" Впрочем, к себѣ в сторожку он никаких мастеровых не допускал, а всѣ нужныя работыправлял сам, удивительно ловко владѣя топором и считая, что топором все можно сдѣлать.

О наукѣ дѣд Матвеич, конечно, слыхивал. То есть, он знал, что на свѣтѣ существует нѣчто такое, что люди называют наукой. Но представлял он себѣ эту науку очень своеобразно, путая ученых с цыганами. Во всяком случаѣ, человѣческим знаніям, как точным, так и отвлеченным, он не очень-то довѣрял, утверждая, что они "хоть глаза людям и открывают, да все же зрячими их не дѣлают". Но к мѣдицинѣ он относился с большим уваженіем:

— Дохтура, тѣ пользуют! Тѣ, дѣствительно, милай, пользуют! Они пользовать могут, про то неча и говорить!

Могущество врачей и их умѣніе "пользовать" он объяснял по-своему:

— Они, когда, значит, учатся, так каждый мѣсяц молебны цѣлителю Пантелею служат, да! Потому, как царскій при-

каз им на то дадён: еще царь Петр приказал! Ну, и служат, конечно, не смъют ослушаться. А Пантелей им и способствует!..

Въра в медицину у дѣда Матвеича доходила до того, что он даже посѣщал земскую больницу и лѣчился “от грызи”, почти с суевѣрным педантизмом выполняя всѣ назначенія нашего милаго врача, доктора Говоркова. Впрочем, доктор Говорков, смъясь, увѣрял нас, что никакой “грызи” у дѣда Матвеича нѣт, и что он здоров на рѣдкость. Прописывает же он ему только соду в порошкѣ и слабенькой раствор поваренной соли, “чтобы дѣд не обижался”.

Так и жил в лѣсу из года в год дѣд Матвеич со своей внучкой Дашенькой. А Дашенькѣ шел уже 18-й год.

3.

Трагедія разыгралась поздней осенью, скоро послѣ Покрова.

Конечно, она подготавлялась давно, но для дѣда Матвеича была тѣм неожиданным обухом по головѣ, который может свалить и очень сильного человѣка. Он не видѣл ничего, не подозрѣвал ничего: преступники от него, конечно, прятались, но главное было не в том, что они прятались, а в том, что дѣд Матвеич был необыкновенно довѣрчив той довѣрчивостью, которая основана на вѣрѣ в человѣка:

— Зла от человѣка не жди, потому, как Бог-то Свой дух в человѣка при сотвореніи вдунул!

К тому времени мы всѣ уже разѣхались из деревни: папы и дяди на свои службы, а мы в свои гимназіи и университеты. В деревнѣ на зиму оставалась только бабушка, тетя Женя и старик управляющій, Петр Петрович. Поэтому я лично не был свидѣтелем разыгравшейся трагедіи и могу рассказать о ней только со слов очевидцев.

Лѣтом в числѣ работников у бабушки работал молодой парень, Антошка.

— Мнѣ бы слѣдовало давно прогнать его, — говорила по-тому бабушка, — потому что сразу было видно, что это за птица такая!.. Да все как-то жалко его было: ну, гдѣ он найдет такую дуру, как я, которая бы стала держать его!

И дѣйствительно: Антон был птицей, которую сразу по полету было видать. Он был рѣдкостный лодырь и не только ничего не умѣл дѣлать, но даже и не хотѣл умѣть, хотя всегда хвастливо увѣрял, что у него золотыя руки, и что он на всякую работу мастер. Но на дѣлѣ он не умѣл даже как слѣдует запречь лошадь, а когда навивал сѣно на воз, то половина сѣна потом беспомощно сползала и разсыпалась по дорогѣ. Пробовали его сдѣлать ночных сторожем, потому что в этом дѣлѣ совсѣм уж ничего не надо умѣть, но послѣ двух-трех провѣрок убѣдились, что Антон ничуть не сторожит, а “цѣльную ночь дрыхнет, словно помѣщик какой!”

Ходил Антон в невыразимых отрепьях, но по воскресеньям

и праздникам извлекал из своего сундука плисовые штаны, ярко пунцовую рубаху и сапоги гармошкой. На свои грязные пальцы он надевал не то 5, не то 6 медных колец со стекляшками (одна из стекляшек, увешая он, была "чистым бральянтином"), а голову, усы и даже брови помадил какой-то помадой, на банкет которой была изображена курносая барыня в сильном декольте, а под барыней извивалась надпись: "Оппонент". Совершенно понятно, что в таком виде он был неотразим.

Впрочем, долго писать о нем не стоит: тип не сложный и в недавнем прошлом, к сожалению, довольно распространенный. Единственное, что следовало бы добавить, это то, что Антон был до конца безпринципен и аморален. Он ни с чем не считался, ничего не уважал и ни во что не верил. Идеал же его был примитивен и циничен:

— В свое удовольствие!

А когда его спрашивали, в чем же его "удовольствие", он очень гнусно подмигивал и с ухмылкой пояснял:

— Выпить, как следует, закусить! Ну, и чтобы баба тоже...

— А больше ничего?

Он нагло осклаблялся всей рожей:

— А что ж еще-то? Помилуйте-с! Больше ничего и на свете-то нету!

Как произошла роковая встреча Дашенки с Антоном, я не знаю. О дальнейшем же говорить, право, не стоит: эти безхитростные романы ясны и понятны, как была ясна и понята любовь, схватившая невинное и наивное сердечко Дашенки. Ведь она прожила весь свои 17 лет с дядей в лесу, а тут вдруг — кольцо с брильянтином, пахучая помада и такая балагурная прелесть, что дух захватывает!..

Но скоро обнаружились и последствия: Дашенка забеременела.

Нет ничего удивительного в том, что Дашенка оставила деда Матвея и ушла с Антоном. Но удивительно то, как позволил Антон Дашеньке следовать за собой. Ведь он не мог не понимать, что она будет ему ненужной обузой, но он, вероятно, по своему легкомысленно считал, что бросить ее он всегда может: не здесь, так там, не сегодня, так завтра. Да к тому же, надо полагать, Дашенка проявляла большую настойчивость, а Антон был слишком ленив и цинично беспечен.

Так или иначе, но они скрылись, чуть только осенью Антон получил расчет. И перед дядей Матвеем раскрылась страшная пропасть: Дашенкин позор и ея измена ему, деду Матвеичу.

А ведь он любил ее. Любил коряво, заскорузло, топорно и неуклюже, но ведь не элегантностью и не изыском измываеться глубина и сила любви.

Бабушка писала моему отцу: "Когда я его (т. е. деда Матвея) увидела после того, как, право, даже и не узнала. Глаза налились, сам собой наступился, мамаха его знаменитая на лоб следила, а сам все бурчит что-то. А что такое он бурчит,

и понять невозможно. Я его послала исповѣдаться к отцу Григорію, а он, вѣрно, такого на исповѣди наговорил, что отец Григорій его к причастію не допустил, а вмѣсто того эпитимью на него наложил”.

Впрочем, скоро выяснилось, что именно “наговорил на исповѣди” дѣд Матвеич. Через недѣлю, исполнив наложенную эпитимью, он неожиданно появился в людской кухнѣ и начал разспрашивать: не знает ли кто-нибудь, куда скрылись бѣглецы? Но никто этого не знал.

— Улетѣли и слѣду не оставили! — сокрущенно вздохнула стряпуха Мироновна. — Уж такое дѣло ихнее... Вродѣ, как воровское!

Она покрутила головой, но тут же по-бабьему своему любопытству не стерпѣла:

— А на что тебѣ ихній слѣд-то, Матвеич? Воротить ты ее, что ли, хочешь?

Дѣд Матвеич тяжело поднял глаза.

— Убить я его хочу! — безо всякаго эффекта, но очень твердо сказал он глухим голосом.

Всѣ словно пошатнулись.

— Батюшки! — взвизгнула и переполошилась Мироновна. — Да как же это так... убить!

— Такія слова... — с неодобренiem покрутил головой дядя Ксенофонт, умный мужик и первый бабушкин совсѣтник. — Такія с твоей стороны слова... Ты, Матвеич, поостерегись, потому что, неровен час... А за такія слова очень даже отвѣтить можно!

Дѣд Матвеич глухо и тяжело вздохнул: словно что-то охнуло в избѣ.

— Я и попу на духу... тоже самое сказал! — с разстановкой вымолвил он. — Убью, говорю!

— На духу! — всплеснула руками Мироновна. — То-то он на тебя питимью-то...

— Питимья само собою, а начальство само собою! — наставительно и солидно сказал дядя Ксенофонт и стал скручивать цыгарку, как бы в знак того, что он не придает серьезнаго значенія словам дѣда Матвеича. Но на всякий случай он очень дипломатически покосился на него.

Но тот сидѣл пень пнем, колода колодой. Сидѣл и неподвижно смотрѣл в пол тяжелым взглядом.

— Лучше бы он что-нибудь надо мнай... чѣм такое над Дашуткой! — с большим трудом выдавил он из себя. — Ко-ли б он на меня, так я, может, и не перечил... А тут... убью!

И словно весь налился от внутренней натуги.

Впрочем, кровавый замысел дѣда Матвеича оставался только замыслом. Бѣглецы слѣду за собой не оставили, а пускаться за ними в погоню наудачу было и немыслимо, и безсмысленно: Антошка вѣдь такой дошлый, что он Дашенъку, чѣго доброго, в город увез, а дѣд Матвеич понимал, что в городѣ он будет безсилен и безпомощен больше, чѣм городской житель в лѣсу.

Пришла зима, и дѣда Матвеича замело снѣгом в его опустѣлой сторожкѣ посреди стараго бора. За всю зиму он только два раза показался в деревнѣ: один раз на Рождество, а другой раз — на Срѣтенье. Заходил к бабушкѣ, поздравлял с праздником и брал у нея немнога денег “в зачет”, а на эти деньги покупал лампаднаго масла и церковных свѣчей. Ни с кѣм не говорил и от всяких разспросов угрюмо уклонялся.

— Как живешь, дѣд Матвеич? — спрашивали его.

— Живу! — коротко и сурово отвѣчал он. — В лѣсу живу...

Бабушкин работник Серега каждыя двѣ недѣли отвозил ему “что полагается”: соли, постнаго масла, печенаго хлѣба, керосина, спичек... Он принимал все без счета, складывал на полки и говорил коротко:

— Поблагодари барыню.

А потом начинал смотрѣть на Серегу так вопросительно-выжидалътельно, что тот понимал: надо убираться во-свояси, не пускаясь ни в разговоры, ни в разспросы.

Конечно, трудно представить себѣ душевное состояніе дѣда Матвеича в ту зиму. Был ли это мрак, в котором жутким призраком висѣло кровавое слово “убью”, или же это было отупѣніе примитивной натуры, усиленное внезапным одиночеством? Или в самом дѣлѣ не зря накупал старик церковных свѣчей и лампаднаго масла?.. Может быть, теплый свѣт лампадки и трепещущій огонек свѣчи перед почернѣвшим образом Спаса освѣщал тьму в его душѣ?..

Серега разсказывал, что Дашенъкина постель стоит в избѣ нетронутой, и всѣ ея вещи лежат так, “словно бы она тут, да только вот вышла куда-то на минуточку”. Даже тряпочка с заколотой иголкой нерушимо лежала на узком подоконникѣ срубяной избы рядом с желѣзным наперстком.

Быть может... Быть может, дѣд Матвеич продолжал жить с Дашенъкой? Может быть, он видѣл и осязал ее, ушедшую?

4.

Прошла весна, пришло лѣто.

Мы всѣ опять собирались под гостепріимный бабушкин кров. Но среди гостей оказался новый гость: англичанин, мистер Кларк.

Его привез с собой один из моих дядей, чтобы “показать русскую деревню”. Мистер Кларк, по свойственной англичанам любознательности, второй год жил в Россіи, знакомясь с этой страной и с ея народом, котораго он, по его словам, никак не мог понять. По-русски он говорил со значительным акцентом и черезчур грамматически правильно, но в общем очень порядочно: и сам все понимал, и мог объяснить свою любую мысль. Было ему лѣт 35.

Бабушка отдала приказ по дому: не давать мистеру Кларку скучать.

— Он иностранец, чужой человѣк! — поясняла она, оче-

видно не очень-то довѣряя нашей безшабашности. И наш долг — поухаживать за ним, не дать ему почувствовать, что он на чужбинѣ.

Мы охотно дѣлили с мистером Кларком наши немногочисленные деревенские ресурсы: катанье на лодках и верхом, охоту, рыбную ловлю, крокет, прогулки... Что еще? Ах, да! Дѣд Матвеич! Это вѣдь тоже... развлечениѣ!

Мы пытались обрисовать мистеру Кларку нашего неповторяемаго дѣда, но мистер Кларк не понимал нас и недовѣривал:

— Это дикарь? — спрашивал он нас.

— М-м-м... — немного обиженно заминались мы. — Русские крестьяне не дикари, мистер Кларк!

— Да, но... То, что вы мнѣ о нем рассказываете, дает мнѣ основание сдѣлать этот мой вывод, за который я прошу вас извинить меня. Но я на основании ваших всѣх предыдущих рассказов дѣлаю обоснованное заключеніе, что этот крестьянин есть некультурный человѣк.

— Да, он, конечно, очень некультурен, но согласитесь, что он самобытен!

— Гм... Самобытен! Людоѣды тоже самобытны. И неужели он ни разу в жизни не видѣл желѣзной дороги и неѣздил на паровом поѣздѣ? Очень некультурный человѣк! Чрезвычайно некультурный человѣк!

Мы угрюмо замолкали: нам становилось немного обидно за дѣда Матвеича и... еще за что-то, большое и свѣтлое.

— Зато у него собственное міровоззрѣніе и одухотворенный взгляд на природу! — с азартом пытались мы реабилитировать нашего старика.

Но мистера Кларка нельзя было поколебать.

— Собственное міровоззрѣніе? — поджимал он губы, обдумывая и оцѣнивая наш отвѣт. — Собственное міровоззрѣніе, дорогие русскіе друзья, есть даже у вполнѣ сумасшедших людей, и способность міровоззрительности сама по себѣ еще ничего не доказывает. Дѣло не состоит в том, есть міровоззрѣніе, или нет его, а в том, каково оно. У вашего же старика оно первобытное и дикарское. Он пантеист, я согласен, но вѣдь пантеизм есть одна наиболѣе низкая из вполнѣ низших систем в ряду болѣе высших и одухотворенных религіозных систем. Если этот бѣдный человѣк пантеист и обладает одухотворенным взглядом на неживую природу, то... тѣм хуже! Значит, он не есть христіанин. Значит, он не в состояніи возвыситься до великой идеи, вложенной в христіанское ученіе. Впрочем, я хочу надѣяться, что вы найдете незатруднительный для вас способ показать мнѣ этого любопытнаго старика.

Мы сводили мистера Кларка к дѣду Матвеичу. Но к нашему неудовольствію, мистер Кларк так бесцеременно разматривал этого "любопытнаго старика", словно перед ним находился не живой человѣк, а экспонат на выставкѣ. Мы дипломатично постарались сократить визит, притворившись, будто боимся невинной тучки: ой, промокнем на обратном пути!

Перед уходом мистер Кларк очень откровенно вынул из портмона рублевую бумажку, прибавил к ней вторую и немного задумался. Потом, пришел к какому-то решению, засунул обе обратно в портмона и вынул зеленую трехрублевку.

— Это я предлагаю вам! — старательно и отчетливо сказал он дядю, протягивая ему бумажку. — Возьмите себе эти деньги и сдайте из них то употребление, которое вы считаете нужным для себя и для своих потребностей.

Дядя Матвеич покосился на протянутую руку с трехрублевкой.

— Оно... ни к чему! — угрюмо пробурчал он, не боясь денег.

— Может быть, вы не понимаете меня? — усумнился в своих лингвистических способностях (но только в них!) мистер Кларк и, обратясь к нам, попросил: — Объясните ему, пожалуйста это мое предложение денег на понятном для него языке.

Но и наши объяснения “на понятном для него языке” дядя Матвеич выслушал хмуро. Он ничего не отвётил, а только потоптался на месте и с глухим урчанием перевалился в темный угол.

— Ни к чему! — услышали мы оттуда.

На обратном пути мистер Кларк дёлался своими впечатлениями. Он шел, прямой и уверенный в себе, и говорил своей правильной речью:

— Ваш старик по своей наружной внешности напоминает тип австралийского дикаря, но должен признать, что его лоб... Гм! Да, его лоб... Он очень светлый, этот лоб, и он мог бы принудительно заставить меня предполагать многое, если бы не крайняя некультурность этого старика. Интересно было бы, чтобы узнать: сколько слов имел он в его убогом лексиконе? Я в себе предполагаю, что не больше, как несколько сотен, но даже не тысяча. Удивительно некультурный человек!

Мы шли понуро. Мы чувствовали себя словно были в чем-то виновными: не то мы чему-то изменили, не то мы кого-то предали.

5.

А вскоре послѣ того вся деревня была потрясена сенсацией: Антон появился на горизонте. Он нанялся в работники к соседу, помѣщику Норцову, и теперь, оказывается, проживает всего лишь в 7-8 верстах от нас, за лесом.

А Дашенька? А ребенок?

Антон, ничуть не стыдясь, а даже с каким-то циничным и наглым бахвальством рассказывал, что “Дашка померла от родов”, хотя он и призывал к ней “самых что ни на есть прекрасных профессорей”, а ребенка он-де сдал в приют. Впрочем, потом он говорил, что ребенка забрала к себе какая-то бабка Митревна, которой он теперь посыпает деньги на воспитание. Всё было очевидно, что он врет.

Все произшедшее ничуть его не смущало и не трогало: тѣ

же сапоги гармошкой, тѣ же кольца "с брильянтіном", и только банки с сомнительным опопонаком у него уже не было. Вѣроятно, он успѣл вымазать всю помаду и поэтому смащивал волосы просто коровьим маслом. Но это не мѣшало ему быть попрежнему неотразимым.

Бабушка, узнав о появлѣніи Антона, ахнула:

— Быть бѣдѣ теперь! — сказала она, многозначительно и раздумчиво, сжимая губы. — Чует мое сердце, что быть бѣдѣ! Дѣдъ-то Матвеич... Он... Вѣдь он...

— В таких случаях, — поддержал ее мистер Кларк, — необходимо есть обращаться за нужным содѣйствіем к полицейским властям. Ваш старик с его темноватой некультурностью, конечно, не остановит себя перед самыми крайними, а потому и недопустимыми, дѣйствіями. Он вѣдь совершенный дикарь и, слѣдовательно, с одной стороны он не имѣет в себѣ должного уваженія к нравственным и государственным законам, с другой стороны ему совершенно чужды и неприступны чувства и принципы гуманности, а с третьей стороны он, конечно, не умѣет владѣть своими несдержантельными страстями. Я смотрѣл в его глаза и видѣл в них один только мрак. Слѣдовательно, необходимо предупредить полицейскія власти.

Возможно, что он был прав в своей обоснованной логикѣ, но все же вторженіе полицейских властей в глаза, польные мрака, чѣм-то и как-то покробило бабушку. Она ничего не предпринимала, хотя старик управляющій тоже побуждал ее обратиться к исправнику.

— Как бы потом каяться не пришлось, что заблаговременно мѣр не приняли! — слегка пугал он.

— Отправить бы дѣда куда-нибудь на время, что ли? — соображала бабушка.

— Куда же вы его отправите, Елизавета Васильевна? Да и вытащить его из лѣса никаким манером невозможно: лѣсок-с! Нѣт, уж вы лучше господина Норцова предупредите: пусть он Антошку-то от себя прогонит. А может быть, исправник может ему запретить проживаніе в нашем уѣздѣ? Это было бы самое лучшее!

Один только дядя Ксенофонт не раздѣлял общих опасеній. Когда бабушка посовѣтовалась с ним об этом дѣлѣ, он без колебаній отвѣтил:

— Ничего не слѣдует опасаться, сударыня! Конечно, дѣд Матвеич этим стервецом вот как разобижен, но только вѣдь крест-то он на шеѣ носит-с. Душу живу в себѣ имѣет, как же-с!..

Но к его оптимистической увѣренности всѣ относились с сомнѣніем.

А через 2-3 дня стряпуха Мироновна в паникѣ прибѣжала из людской кухни к бабушкѣ.

— Ой, узнал! Ой, узнал! — вопила она, захлебываясь в искреннем ужасѣ. — Ой, узнал!

— Кто узнал? Что узнал?

Оказалось, что дѣд Матвеич узнал о пребываніи Антона

в соседнем селѣ. Унал и сразу же пришел к нам на кухню: вѣроятно, хотѣл провѣрить и удостовѣриться.

— Глаза-то все кровицей налились, а кулачищи-то словно пни дубовые! — в ужасѣ докладывала Мироновна. — И рычит он, барыня, прямо таки рычит! Слов не говорит, а рыком рычит! А глядит-то так, что я прямо к вам наотмашь и бросилась.. Ой, спасите! Ой, не дайте лютому дѣлу совершился!

Бабушка тотчас же пошла в людскую кухню, но дѣда Матвеича там уже не зстала: он, получив нужное подтверждение, поспѣшил уйти.

И всѣ, кто только видѣл его в кухнѣ, говорили, что был он совсѣм не в себѣ: и глаза кровью налиты, и кулаки сжимает, и только рычит, а сказать ничего не может. А когда ему сообщили, что Дашенка умерла, а ребенок пивѣсть гдѣ пропал, дѣд Матвеич сдѣлался положительно страшен. Грузным, но сильным рывком он поднялся со скамейки, посмотрѣл на всѣх невидящими глазами и, очевидно, хотѣл что-то сказать, но из его горла вырывалось только нечеловѣчески жуткое —

— Гу! Гу! Гу-у!

А потом рванулся и выбѣжал вон.

— Ой, не в Норцовку ли побѣжал? Ой, как есть в Норцовку! — в страхѣ металась Мироновна. — Верхового бы туда спосыпать! Упредить бы!..

Но нашлись такіе, которые прослѣдили за дѣдом Матвеичем и засвидѣтельствовали, что он пошел не в Норцовку, а к себѣ в лѣс.

Даже дядя Ксенофонт дрогнул:

— Неровен час, сударыня... — со степенным сомнѣніем резонировал он перед бабушкой. — Уж такой наш дѣд Матвеич сдѣлался, такой он сдѣлался, что я таких и не видывал. Совсѣм не в себѣ, стало быть! Не иначе, как нечистый на него накатил, потому что, сами посудите, уж очень его за сердце взяло! Не совладает он теперь с собой, осилит его нечистый, того и гляди, что осилит! Предупредите господина Норцова, долго ли до грѣха... Совсѣм вѣдь душа у дѣда Матвеича потемнѣла, как есть потемнѣла!

И бабушка порѣшила: завтра жеѣхать к Норцову и предупредить его, чтобы он отоспал Антона куда-нибудь, а потом побѣхать к исправнику и переговорить.

Но на другое утро разыгрались неожиданныя событія.

6.

Успѣхи Антона в сердечных дѣлах, конечно, возмущали деревенских парней, которые были движимы и завистью неудачных соперников, и специфическим патріотизмом: чужак у них дѣвок отбивает! “Ты чего по нашей улицѣ ходишь? Ты чего с нашими дѣвками гуляешь?” Этого парни не переносили, и драмы на этой почвѣ бывали в деревнѣ не раз.

Когда же Антон устремил свое донжуанское вниманіе на

Марфутку Домушкину, по которой сохли многія сердца, парни не выдержали. Как потом стало извѣстно, в вечер того самаго дня, когда дѣд Матвеич переполошил нас своим появлением на кухнѣ, парни выслѣдили влюбленную пару в лѣсу. Застигнув Антона на мѣстѣ любовнаго преступленія, соперники жестоко расправились с ним: не только кулаки, но и колья были пущены в ход. Испуганная Марфутка с визгом убѣжала, но, прибѣжав в деревню, караул не подняла, а забилась куда-то по-далъше и обо всем смолчала: уж больно зазорно было ей говорить о своем грѣхѣ. Разъяренные же парни жутко избили Антона и бросили его под кустом: полу живого, с проломанным черепом, с перебитой ключицей и с разорваным ртом. Бросили, а сами ушли и, конечно, обо всем молчали. Так в безпамятствѣ и пролежал Антон всю ночь под кустом.

Марфутка молчала. Молчали и парни. Но такого остраго шила, конечно, никак нельзя было спрятать в деревенском мѣшкѣ, и на слѣдующее же утро не только в Норцовкѣ, но даже и у нас узнали, что “норцовскіе убили Антошку”. Бросились искать в лѣс, но ничего не нашли, потому что еще раньше, совсѣм на разсвѣтѣ, дѣд Матвеич брел по лѣсу и набрѣл на Антона.

Если бы я описывал вымышенный случай, я должен был бы на этом мѣстѣ остановиться и углубиться к психологическій анализ. Но я описываю не вымысел, а подлинное событие, и поэтому обязан ограничиваться только перечисленiem фактов. Факты же были таковы.

Убѣдившись в том, что Антон не умер, а еще дышит, дѣд Матвеич взвалил его себѣ на спину и с этой тяжелой ношей потопал в усадьбу бабушки. Идти было не близко, верст с пять. Но дѣд Матвеич по дорогѣ нигдѣ не останавливался передохнуть, а все спѣшил, насколько он вообще умѣл спѣшить. Он упорно топал лаптами по дорогѣ, согнувшись под четырехпудовым тѣлом Антона и тяжело дыша при каждом шагѣ.

Прийдя в усадьбу, он потребовал, чтобы Антона немедленно отправили в больницу.

— Дохтур выходит! — убѣжденно твердил он. — Ему открыто, как надо пользоваться!

Бабушка тотчас же распорядилась примостить койку поверх рессорной брички и осторожненько отвезли Антона в больницу. Сопровождать его было поручено мнѣ. Дѣд Матвеич принял очень заботливое участіе в превращеніи брички в санитарную повозку и старательно уминал сѣно, сверх котораго мы положили тюфяк. Правда, на тюфяк он поксился не только недовѣрчиво, но даже и враждебно, и нѣсколько раз с явным неодобрением потыкал его своим корявым пальцем, он в концѣ концов смягчился:

— Ладно! Пушай лежит! — разрѣшил он.

Я и Серега поѣхали в больницу, до которой было верст 8. Ёхали мы шагом, со всей осторожностью, хоть я и пытался поспѣшать там, гдѣ дорога была гладкая.

— Гляди, как бы мозги у него не вывалились! — боязливо умбряя мою прыть Серега.

До больницы мы добрались часа через полтора. И первым, кого мы увидѣли на больничном дворѣ, был дѣд Матвеич. Из усадьбы он прямиком зашагал в больницу же и, сокращая путь вѣдомыми ему тропочками, хоть и пѣшком, а добрался раньше нас и поджидал нас тут, заблаговременно предупредив доктора о нашем скором прибытіи. Поэтому к нашему прѣѣзду в операцийной было уже все готово.

— Ну, что? — спросил я доктора Говоркова, когда он окончил операцию и перевязку.

— Жив будет! — весело отвѣтил тот, снимая халат. — Конечно, его счастье, что дѣд Матвеич приволок его из лѣсу! Если бы он днем полежал там в лѣсу на солнышкѣ с проломанным черепом, да если бы мухи нанесли ему прямо в мозги всякой дряни, так был бы другой разговор!.. Но дѣд-то Матвеич! А? Дѣд-то Матвеич каков! Что скажете?

Я возвратился домой и дал обо всем подробный отчет.

Мистера Кларка в этот день не было: он еще наканунѣ уѣхал в город и воротился поздно. Само собою, всѣ трагическихія происшествія вчерашняго и сегодняшняго дня были ему разсказаны со всѣми подробностями. Он выслушал их с видимым интересом и пожал плечами.

— А-о-о! — тоном глубочайшаго изумленія протянул он, как-то очень необыкновенно округля рот. — А-о-о!

А потом подошел к окну и, над чѣм-то задумавшись, стал смотрѣть в сад. Странно! Вѣдь вечер уже окончательно сгустился, стало совсѣм темно и поэтому в саду ничего не было видно.

Н. Нароков.

В ПОѢЗДЪ ИМПЕРАТРИЦЫ

(Из личных воспоминаний)

(Окончаніе. См. тетр. 45-ю)

V.

Жена Римана Александра Александровна была — фрейлиной двора Императрицы Александры Федоровны.

Молодящаяся чванливая старуха. Толстая, невысокая, широколицая брюнетка. В молодости красива или не красива, — нельзя сказать, но на ея лицѣ застыло на вѣки выраженіе важности и надменности. Говорила нараспѣв, выступала солидно.

Госпожа Риман любила, чтобы персонал оказывал ей знаки большого уваженія и вниманія. Кому она благоволила, тому симпатизировал муж.

Супруги друг к другу были очень внимательны и предупредительны и нам твердили, что любят друг друга. Генеральша — несомнѣнно вполнѣ искренно: для нея весь мір сосредоточивался в ея мужѣ.

Супруги, пріѣхав из Петербурга, вмѣстѣ появились в поѣздѣ.

И мы рѣшили, что они будут путешествовать вдвоем. Генерал же заявил:

— Я, конечно, имѣю полное право возить в поѣздѣ свою жену, но считаю неудобным. Персонал составляет одну общую семью и вліяніе моей жены так или иначе будет чувствоваться и отражаться на поѣздной жизни, что вредит службѣ... Я не хочу этого...

Когда мы уѣзжали в первый рейс, Александра Александровна провожала Николая Карловича, долго его крестила мелкими крестиками, а из глаз выкатилось нѣсколько слезинок.

И так повелось.

Каждый раз она являлась в поѣзд в Харьковѣ перед отправлением в новый рейс, и часто встречала поѣзд. В Харьковѣ произошла дезинфекція, мы стояли нѣсколько дней и всѣ жили по своим квартирам, кромѣ дежурных врача, сестры и завѣдующаго хозяйством. Генерал также ѿхал домой, — он тоже поселился в Харьковѣ.

В тон мужу Александра Александровна любила повѣствовать о придворной жизни, петербургских балах, великосвѣтских салонах, знакомствах и блескѣ высшаго свѣта.

Но однажды она рассказала жуткую исторію неудавшагося покушенія на Римана. И от ея разсказа повѣяло истинным Конан-Дойлем.

Риман с женой первое время, послѣ подавленія Московского воз-

станія, жил в Петербургѣ в особнякѣ — не помню — не то на Васильевском островѣ, не то на Петербургской сторонѣ.

На Римана было совершено три покушенія. Здѣсь рѣчь идет о послѣднем.

Особняк тщательно охранялся тайной полиціей, один чин постоянно дежурил внизу в передней, на ночь дѣлались тщательные обходы и внутри особняка и вокруг.

Генеральша рассказывала:

— Но все-таки я не довѣряла полиціи, по нѣсколько раз в день осматривала квартиру, не пропуская малѣйшаго уголка. Жила в непрерывной тревогѣ. Не знала ни минуты покоя! Ночи не спала, просыпаясь от каждого шороха. Дрожала, обливалась холодным потом. У нас вездѣ была проведена сигнализациѣ, и я не раз давала ложную тревогу. Николай Карлович был спокоен, иронизировал надо мной. Но развѣ легко было пережить два покушенія?.. И мы знали, что готовится третье. Революціонеры поклялись убить мужа за Москву...

В памятный день Николай Карлович заснул в спальнѣ послѣ обѣда. А уже так повелось: когда он спит, я бодрствую и сторожу. Все сторожу и провѣряю...

Обошла я опять весь дом, не знаю, в какой уже раз. В этот день у меня было особенно тревожное настроеніе. Вхожу в спальню и от ужаса приросла на мѣстѣ. Я услышала явственно тиканье часов.

Несомнѣнно, адская машина. Мы изѣяли из нашего обихода всѣ тикающіе часы, обзавелись безшумными... Вы представьте себѣ мой ужас...

Я приросла на мѣстѣ, но через нѣсколько секунд спохватилась:

— Адская машина заведена. А, если скоро взорвется? Сейчас или через 5-10 минут.

Первый мой порыв был — разбудить мужа. Но, сообразив, что он внесет сумятицу и, пожалуй, сдѣлает какую-нибудь глупость, — рѣшила дѣйствовать одна. Сняв туфли, чтобы не производить шума, я забѣгала по спальнѣ. Сначала полѣзла под кровать — ничего. Заглянула во всѣ шкапы, в комод, за занавѣски, в туалетный столик, за зеркало. Нигдѣ — ничего.

В отчаяніи хожу по спальнѣ, явственно слышу тиканье, гдѣ — не могу понять.

И вдруг пришло в голову:

— А, если машина в матрасѣ или под подушкой?

Я моментально бросилась к кровати — будить Николая Карловича и в этот момент затикало у самаго моего уха.

Меня осѣнила мысль.

И она оказалась правильной. Вы что предполагаете?.. — Никто не догадался бы. Эти революціонеры — люди дьяволы. Уму непостижимо, как они могли все пронюхать. Сквозь землю видят, — право! Очевидно, за нами была поразительная слѣжка.

Вѣдь для того, чтобы сумѣть устроить все, — надо знать каждую мелочь из нашей личной жизни...

Вот, что оказалось. В этот день мы получили букет от хороших знакомыхъ, — от сенатора генерала Здановича. Букет был принесен

из цветочного магазина и мы его поставили в спальню на столикъ у изголовья.

Я приложила ухо к букету — несомнѣнно, в нем тикало.

Боже, какой ужас, но и какое счастье, что я во время нашла эту проклятую машину.

Хотѣла сигнализировать, но вдруг рѣшила:

— А если произойдет взрыв раньше, чѣм прійдут.

Схватила вазу с букетом и, осторожно держа, понесла вниз.

Несла и думала.

— А вдруг сейчас взорвется?

Но себя утѣшала:

— Что ж — я погибну, но Николай Карлович будет спасен.

Лишь бы он был жив. О себѣ

николько не заботилась. Уме-

реть, такъ умереть...

— Именно обо мнѣ не

заботилась, — прервал Риман.

Ты же знаешь, как я тебя

люблю. Если тебя разорвало

бы, а я остался в живых, по-

кончил бы с собой.

Она махнула рукой:

— «Разскажите вы ей!..

Мигом утѣшился бы. Погорев-

вал бы и забыл.

— Как тебѣ не стыдно!

— Ну, не мѣшай мнѣ до-

сказать. Итак я несла букет...

Но, когда стала спускаться по

ступенькам, — поразила дру-

гая мысль:

— Быть может адскій сна-

ряд такой ужасной силы, что

весь особняк будет разрушен

и мы погибнем...

Не знаю, какъ хватило

сил спуститься по лѣстницѣ. В вестибюль сидѣл дежурный агент.

Я кричу — сама не своя:

— В этом букетѣ бомба, т. е. адская машина... Тикает... Ско-
рѣй бѣгите с букетом! Каждую секунду может взорваться.

Агент осталбенѣл. Он поблѣднѣл, весь сжался — кому же хо-
чется умирать. Вдруг, снаряд разорвется в его руках.

Я затопала ногами:

— Бѣгите же!.. Или я немедленно на вас буду жаловаться са-
мому Государю!..

Кричала, конечно, не понимая, что...

Он побѣжал... А Николай Карлович, знаете, не вѣрил.

Я его разбудила. Упала в кровать, в истерику, воплю:

— Адская машина была в букетѣ!..

Так он, знаете, сначала хохотал и иронизировал:

Наслѣдник - Цесаревич и Великий Князь
Алексей Николаевич.

— Это, говорит, все твоя мнительность и нелѣпая подозрительность!..

Потом стал меня упрекать:

— Жаль букета. Хорошій букет и зря отдала!..

Зря отдала!.. Как вам покажется? Вскорѣ уже нам сообщили, что в букетѣ обнаружили адскую машину, ужасающей силы, и через час она должна была взорваться. От особняка остались бы однѣ развалины. Если я в спалью пришла бы позднѣе, — мы погибли бы. А я имѣла обыкновеніе послѣ обѣда долго сидѣть в столовой.

И вот, значит, за нами была удивительная слѣжка...

Знали, что нам заказан букет, знали, что Николай Карлович имѣл обыкновеніе спать послѣ обѣда. Но как снаряд попал в букет?.. Загадка... Слѣдствіе ни к чemu не привело. Революціонеры ужасно хитры и ловки...

Так разсказывала генеральша.

Послѣ третьяго покушенія, генерал Риман с женой были отправлены заграницу, тѣмѣ проживали инкогнито до средины лѣта 1914 года.

Почувствовав запах войны, Риман, за нѣсколько дней до манифеста, прибыл в Петербург.

VI.

Когда Государь прибыл в Клевань, в нашем поѣздѣ всполошились необычайно...

Государь в этот день дѣлал смотр арміи верстах в 50-ти от Клевани, послѣ смотра проѣхал мимо. Но в пути узнав, что в Клевани много раненых, — вернулся обратно.

И когда прїѣхал в Клевань, его здѣсь уже не ждали.

Риман отсутствовал, замѣстителем был завѣдующій хозяйством — капитан. Он опрометью кинулся в купе, опоясался кушаком, надѣл фуражку и стал бѣгать вдоль поѣзда взад и вперед: испуганный, взволнованный, совсѣм не представляя, как будет встрѣтить царя.

До того растерялся, что бросил команду, на произвол судьбы, и ею занялся доктор — исполнявшій обязанности старшаго врача.

Санитары стали надѣвать свѣжія гимнастерки и разсыпались по вагонам наводить чистоту, пока что до сигнала...

Я с двумя сестрами нашего поѣзда отправился на станцію.

Она была полна военнаго народа. У вокзальных дверей, в качествѣ почетного караула, стояли два генерала, но, признав в нас членов персонала поѣзда Императрицы, безпрепятственно пропустили вперед.

Весь вокзал был превращен в лазарет. Лежали раненые в багажном отдѣлѣніи, комнатѣ для ожидающих, дамской уборной.

Государя в большом помѣщеніи не было, я спросил, гдѣ он, мнѣ указали глазами на одну из маленьких комнатушек; я подошел ближе и стал глядѣть в открытую дверь.

Там было три койки, лежало трое тяжело-раненых солдат, которых мы в тот же день вечером забрали к себѣ в поѣзд.

Раненые были в забытьи. Государь, стараясь ступить безшумно,

проходил между коек, наклонялся над солдатиками и прикалывал им Георгія.

Он приблизился к третьему солдату, у которого обѣ руки имѣли сложный перелом с раздробленіем кости и были забинтованы сплошь поверх деревянных шин. Наклонился над ним, чтобы прикрепить орден. В это время солдат внезапно пришел в себя, узнал Государя и вскрикнул:

— Отец наш!..

И, сдѣлав рѣзкое движеніе, обнял шею Государя обѣими искалечеными руками. Государь поцѣловал раненаго в губы, а солдат внезапно снова впал в забытье, и его руки шлепнулись на койку безжизненно.

Царь был растроган. Слезы показались на его глазах. И он отвернулся к окну, стал сбивать их ресницами, из **застѣнчивости** не рѣшаясь вынуть носового платка. Иначе всѣ догадаются, что он плачет.

Я стоял у самой двери и видѣл. И всѣ ближайшіе тоже видѣли, затаились в молчаніи.

Минуты через двѣ-три, он рѣзкой походкой вышел ко всѣм и сказал низким басом, обращаясь к начальнику пункта.

— Покажите мнѣ всѣх тяжелых!..

Когда Император посѣтил в госпиталь д-ра Яценко 5 раненых офицеров, я с тѣми же двумя сестрами присутствовал при этом.

Государь проѣхал на автомобилѣ кружным путем, а мы — по тропинкѣ через рощицу — быстро прошли и попали в госпиталь вскорѣ послѣ его прибытія.

Послѣднему раненому — молодому 20-лѣтнему подпоручику, он сказал:

— Передайте от меня поклон вашей матушкѣ, хотя я ее не знаю, но я тоже отец, а у нея вы единственный сын.

Мы стояли у косяка двери, и одна из сестер наивно меня стала просить:

— Владімір Николаевич, пожалуйста, пригласите к нам в поѣзд царя!

Я усмѣхнулся:

— Что вы?.. Я военный. Мнѣ дисциплина не позволяет. И прійдет же вам в голову, — эх, вы — женщины!..

В это время Государь пошел вперед и, когда поровнялся с нами, — эта сестра сдѣлала шаг навстрѣчу и воскликнула:

— Ваше Императорское Величество!

Он остановился:

— Что вам — сестрица?

— Ваше Императорское Величество, мы вас... мы, — смущилась и выпалила скороговоркой:

— Пожалуйста, посѣтите поѣзд Императрицы, — мы здѣсь недалеко!

Он улыбнулся:

— С удовольствіем, но не теперь.

— Ваше Императорское Величество, — воскликнула другая сестра, мы имѣем 186 нижних чинов и 5 офицеров — пожалуйте к нам.

— В другой раз обязательно побываю, сестрицы, буду помнить, но теперь не могу. Он болен, устал и не позволяет.

Государь указал на Наслѣдника и направился к выходу.

Мы втроем — я с двумя сестрами — оказались вплотную с автомобилем.

Пока Государь усаживался, генералитет, офицеры и военные чины, застыли недвижимо, приложив руку к козырьку.

А я, никогда не научившійся становиться во фронт по военно-му, в забывчивости козырнул Государю раза три или четыре, раскачиваясь всѣм корпусом.

Царь вдруг, замѣтил. И привстав на диванъ, с комическим жестом, копируя меня, мнѣ козырнул три раза.

Автомобиль укатил...

Два генерала взяли меня под руки:

— Ай, доктор, как можно!.. Ай-ай-ай!.. Ха-ха-ха!.. Вы Государю козыряли, будто своему большому пріятелю!..

VII.

Начальниками военно-санитарных поѣздов были старшіе врачи. Потому и у нас старшій врач пытался отвоевывать свое положеніе.

Риман — властолюбивый, привыкшій повелѣвать, командовать, — не мог допустить раздѣленія власти. Старшій врач Архипов в свою очередь имѣл свое большое профессіональное самолюбіе. И, естественно, — возник конфлікт и обострился до крайности.

Риман и Архипов друг друга не выносили.

Архипов был страшно упрям. Окончив военно-медицинскую академію и всю жизнь состоя военным врачом, он был чиновником до мозга костей, формалистом, службистом. И отстаивал свое право медицинского начальника, примиряясь с тѣм, что генерал будет представительствовать.

Генерал его свел на ничто.

Тогда Архипов забастовал. Рѣшил ничего не дѣлать, сидѣл у себя в купе и читал газеты.

Риман не реагировал.

Архипова это злило и преслѣдовала болѣзньенная навязчивая идея — как-нибудь, да проявить себя.

Создавалась тяжелая атмосфера.

Однажды в Полтавѣ Архипов выписал без вѣдома генерала какого-то больного и отправил в полтавскій госпиталь. Произошло крупное объясненіе. В результатѣ Риман вспылил и крикнул:

— Коллежскій совѣтник Архипов — марш, в купе!.. Я вас сажу под арест!

Позвал денъщика и крикнул громко, чтоб слышал Архипов:

— Носить старшему врачу в купе обѣд и ужин!..

— Я не желаю, чтобы он присутствовал за столом, — объяснил нам.

Архипов просидѣл под арестом до Харькова, находился под арестом в Харьковѣ во время нашей стоянки,ѣхал арестованым до Киева, а в Киевѣ был отправлен на гауптвахту.

Перед тѣм Риман собрал всѣх нас в столовой официаљно, явился, при револьверѣ, и заявил:

— Колежскій совѣтник Архипов, я вас отчисляю от поѣзда за неповиновеніе!.. Вы не хотѣли мнѣ подчиниться, вы цѣплялись за пародію власти, которой не имѣете... Вы смѣшны в своем желаніи бороться со мной! Жалѣю, что вы столь наивны. Я должен проститься с вами!..

В продолженіе нѣскольких мѣсяцев, у нас не было страшаго врача. Каждый из младших по дежурству считался исполняющим обязанности старшаго.

Но произошел такой случай.

Надо было представлять наградные листы.

Я подписал листы двух своих коллег, за старшаго врача, а мой лист был подписан другим врачом.

На кіевском эвакопунктѣ обратили внимание.

— В поѣздѣ два старших врача.

Риману предписали кого-нибудь из нас назначить «исполняющим обязанности старшаго врача».

Но скоро к нам прибыл новый: д-р Михаил Романов — из Киева.

Тот сначала старался подойти к генералу и первое время между ними установились приличныя отношенія.

А затѣм повторилась прежняя исторія.

Риман отчислил от поѣзда и Романова.

И опять мы остались без медицинского начальства.

**

Когда Риман прїѣхал в августѣ 1914 года в Харьков — вѣсть о том, что знаменитый командир московской карательной экспедиціи является начальником санитарнаго поѣзда Императрицы, молниеносно распространилась по городу. А послѣ, всюду, гдѣ мы курсировали.

На жизнь Римана, как я уже говорил, было три покушенія.

Санитарный поѣзд предохранял от покушеній: в этих соображеніях Риман и получил свое назначеніе.

Но, конечно, не имѣли полной увѣренности.

Революціонныя партіи не покушались бы на санитарный поѣзд, чтоб уничтожить Римана. Ни один революціонер, по своему почину, вѣроятно, не рѣшился бы взорвать в таких цѣлях санитарный поѣзд, когда война была такъ популярна сначала.

В. Унковскій среди сестер поѣзда Императрицы.

Когда поезд вез раненых, мы мало думали о покушении.

Вряд ли нашелся бы изверг, решившийся, из мести Риману, погубить 500 человек, проливших свою кровь за отчизну.

Разве — душевно больной...

Но во время порожняго рейса, желающие свести с Риманом счеты, его щадили — ради нас и санитаров.

Постепенно возможность покушения уменьшалась по мере того, как Риман завоевывал любовь команды, и санитары всюду, где мы проезжали, делили ему реноме хорошего «начальника».

Солдату много ли нужно?

Вкусная обильная пища и гуманное отношение.

Риман прекрасно кормил солдат. За воровство прогнал заведующего хозяйство, поручика. Не пременьшая порция, а преувеличивал, сам часто ходил на кухню. Требовал пробу обеда и ужина и, для примара, не редко съедал всю порцию.

Говаривал:

— Я, как Суворов, люблю солдатскую пищу. Часто ее предпочел бы нашему хорошему столу.

Он не давал солдата в обиду, был к нему справедлив, и следил, чтобы унтер-офицеры, фельдфебель и заведующий хозяйством не злоупотребляли своей властью.

Команда его боготворила...

Наши солдаты были все люди простые. Мужички от сохи или чернорабочие. Политикой не занимались и ничего в ней не понимали. О том, что Риман проделал карательную экспедицию под Москвой, их осведомили только в нашем поезде.

И мнение было таково.

— Что сказывают — не нашего солдатского ума дело.

— Его жизнь пущай при нем останется. Не мы ему судья... Нам он начальник хороший.

— Генерал, что и говорить, добрый...

К раненым солдатам Риман также относился хорошо. Распрашивал об их нуждах, устраивал многих в привилегированные госпиталя, некоторых по их просьбам высаживал на родину, если деревня находилась вблизи станции, через которую проезжали.

Хотя с формальной точки зрения этим превышал власть.

— Смотри, чтоб живым махом! — скажет... Одна нога здесь — другая там.

Солдат, не поняв шутки, испуганно задает стрекача.

Генерал хохочет. Или высунется в окно и крикнет:

— А ну-ка!.. Надбавь, а то велю догнать!..

В первые месяцы, когда шли порожняком, мы неоднократно думали о покушениях.

Проснешься среди ночи, и проносится мысль:

— А, вдруг, сейчас произойдет.

Зажмуришь глаза. Мурашки забегают по телу. Вот, грянет взрыв. Поезд сойдет с рельс. Станут кувыркаться вагоны. Или под высокий откос, или с моста в реку.

Брр...

Вспоминались описания различных крушений. Треснет вагон и

тебя раздавит в лепешку: или оторвет голову, или вышвырнет через разбитое окно в кромъшный мрак.

Не хотѣлось умирать — о, как не хотѣлось умирать!..

Но мѣсяц за мѣсяцем проходил благополучно.

О роли Римана под Москвой — стали понемногу забывать. А к нему, в его новой роли, присматривались.

И, быть может, не один мститель отказался от своего намѣре-
нія...

Наш вагон мужского персонала поѣзда находился рядом с генеральским.

И в случаѣ покушенія, мы рисковали в первую голову.

VIII.

Риман был монархистом до мозга костей.

Но не требовал от нас, чтобы мы исповѣдовали его убѣжденія. Он знал, что я пишу в либеральных газетах и журналах, напримѣр, в «Биржевых Вѣдомостях», «Петроградском курьерѣ», «Огонькѣ», «Аргусѣ» и др., в толстых журналах - ежемѣсячниках: «Современ-
номъ Мирѣ», «Новом журналь для всѣхъ». Но относился ко мнѣ хо-
рошо.

Сначала он мнѣ заявил:

— Всѣ ваши военные впечатлѣнія вы должны прежде, чѣм от-
давать в печать, — представлять мнѣ на цензуру. Иначе, запрещаю
печатать.

И я должен был идти в купе и прочитывать ему написанное мною.
Так продолжалось нѣсколько мѣсяцев.

Однажды он мнѣ сказал:

— Я вижу, что вы пишете в интересах Россіи и нашей побѣды.
Мнѣ очень нравятся ваши фельетоны, считаю их полезными. Вполнѣ
вам довѣряю, и потому отмѣняю цензуру в дальнѣйшем. Но требую
категорически не называть в статьях наш поѣзд, касаться интимной
жизни послѣдняго и, само собой, ни слова обо мнѣ.

А его жена Александра Александровна вырѣзывала мои статьи
из всѣх газет и журналов, наклеивала в объемистую тетрадь и го-
ворила:

— По окончаніи войны поднесу Императрицѣ Александровнѣ
Федоровнѣ.

Если случайно у нея какого-нибудь номера не оказывалось (я
имѣл обыкновеніе номеровать главы), генеральша тотчас посыпала
мнѣ письмо или записочку с просьбой отыскать недостающей. Особ-
енно она слѣдила за харьковской газетой «Южный Край», потому
что жила в Харьковѣ...

Одна из наших сестер, Эльфрида Федоровна, была эс-эркой. Сначала она скрывала свои убѣжденія и, во время политических разго-
воров в поѣздѣ, дипломатически молчала. Но, присмотрѣвшись к Ри-
ману и поняв, что он не проявляет нетерпимости, — сбросила личину.

Начинался спор, Риман горячился, отстаивал свои воззрѣнія,
Эльфрида Федоровна экспансивно возражала, Риман ни разу не
вышел из себя. Пожимая ей руку, иногда шутливо приговаривал.

— Моему политическому противнику — наше почтение.

Часто в концѣ спора, заключал:

— Вы человѣк не опасный, Эльфрида Федоровна. Думайте, что хотите... Вообще против таких мирных революціонеров, как вы, — я ничего не имѣю. Знаю — вы мухи не обидите... Но активные — мои враги... Если вы были бы активной революціонеркой, Эльфрида Федоровна, — я вас давно повѣсили бы.

— Фи, ваше превосходительство, какой вы не джельтмен!

— Я жесток, когда дѣло идет о врагах родины. И что не рисуюсь, не требует доказательства. Я себя проявил, что всѣм вам известно... Когда надо, я — жесток!..

IX.

Священником нашей поѣздной церкви, как я уже упомянул, состоял о. Владимир Иванович Попов — депутат 4-й Государственной Думы от Подольской губерніи. Высокий, широкоплечий, представительный, с округлой бородкой, обрамленными под сталь бородѣ усами и баками — он своей благообразной виѣшностью, являл вид столячного священника.

Отец Владимир Попов умѣл соблюсти лицо. От природы ему дана была благообразная виѣшность, соответствующая священническому сану, но он обдуманно подстригал и бороду и усы, чтобы сохранить свѣтскій вид.

И когда императрица Александра Федоровна, поѣтила наш поѣзд, и вскорѣ послѣ нея вдовствующая императрица Марія Федоровна — обѣ послѣ молебна, отслуженного о. Владимиrom, подходили к нему для благословенія и он их благословлял с той же осанкой, как дворцовый священник.

Два года я прослужил в поѣздѣ Императрицы с о. Владимиrom и скажу — всегда он был одинаков. Два года мы с ним не то, что встрѣчались, а проводили совмѣстно дни.

В поѣздной столовой обѣдали и ужинали неизмѣнно под предсѣдательством генерала Римана.

Отец Владимир имѣл врожденный такт и врожденную осанку,. Императрица Александра Федоровна впервые поѣтившая свой поѣзд, послѣ молебна **смиренно** поцѣловала ему руку.

О. Владимир свято выполнял свои духовныя обязанности. Минь ярко вспомнился один случай.

Безли мы в один рейс 500 раненых солдат. Медицинская работа у нас была поставлена идеально. Но, когда вы имѣете дѣло с нѣсколькими сотнями людей, естественно, могут быть невольныя упущенія.

И вот однажды ночью стук в дверь моего купе.

— Кто там? — крикнул я.

— Отец Владимир.

Я предупредительно открыл дверь. По выраженію лица о. Владимира уже понял, что стряслось нѣчто экстраординарное.

— В чём дѣло? — спрашивая.

— Истекает кровью в вашем вагонѣ один солдат. Может быть, уже умер.

Мы оба прибѣжали, солдат плавал в лужѣ крови! Я не был виновен, как врач — кровотеченіе открылось послѣ перевязки, но конечно, его жизнь спас о. Владимір. Не подоспѣй я — истек бы кровью...

Когда мы везли раненых, о. Владимір до обѣда ходил по вагонам и бесѣдовал с солдатами, проявляя исключительную сердечность. Мы врачи были заняты дѣлом с утра до ночи, изнемогали, от усталости и часто недооцѣнивали роли о. Владимира. Мы не понимали по молодости лѣт, что душевное утѣшеніе может превалировать над тѣлесным врачеваніем.

Теперь, в эмиграції, много пережив и передумав, бросив ретроспективный взгляд на прошлое, я осознал с полным безпристрастіем высокую роль о. Владимира и уразумѣл всю значительность его служенія страждущему брату во Христѣ. Он был именно пастырем добрым, согласно евангельской притчѣ.

И еще вспомнился случай. В первые мѣсяцы нашей дѣятельности умер от тяжелых ран один солдат. Это была первая смерть в нашем поѣзде. Очень убитый и потрясенный о. Владимір хотѣл отслужить панихиду — генерал воспротивился!

— Ни-ни-ни!.. Сдадим труп на станціи «Шепетовка» на эвако-пункт.

Отец Владимір был обезкуражен. Риман похлопал его по плечу:

— Батюшка, не печальтесь! Их тысячи гибнут в боях и если бы по каждому служить панихиду — вы представляете... Надо трезво смотрѣть на вещи. У вас хорошая душа, я вижу. Но в данной обстановкѣ вы наивный человѣк...

Отец Владимір тоскливо отправился в свое купе и не спал всю ночь.

На слѣдующее утро, когда всѣ собрались, генерал Риман, гремя шпорами, вошел в столовую. Долго жал священнику руку.

— Вы вчера на меня обидѣлись. И, пожалуй, осуждаете. Но поймите, что война — мясорубка и краснорѣчивое тому доказательство — братскія могилы... Не сердитесь?.. Нѣт... Ну, поцѣлуемся....

X.

Я прослужил в поѣздѣ два года, а затѣм его покинул, подав рапорт о разстроенному здоровью.

Когда началась революція, я служил в Румыніи и о событиях,

Врачи поѣзда Императрицы:
В. Унковскій (слѣва), В. Тарханов
(справа). Между ними священник
поѣзда о. Владимір Попов — член
Государственной Думы.

происходивших в поѣздѣ Императрицы в первые революціонные дни, знаю со слов нѣкоторых членов персонала.

А случились любопытныя вещи.

Переворот застал поѣзд в Кіевѣ, гдѣ Риман в то время квартировал, переселившись из Харькова.

Узнав о переворотѣ, генерал собрал команду и произнес рѣчь:

— Братцы, вы всѣ знаете, что произошло в Россіи. Государь Император отрекся от престола, и верховная власть перешла в руки временнаго правительства. Вы раньше вѣрой и правдой служили Государю Императору, нынче должны повиноваться временному правительству и исполнять его приказанія.

В связи с новым строем жизни, я получаю другое назначение. И скоро оставляю поѣзд. Быть может, еще сдѣлаю с вами один рейс, быть может, не удастся, если меня отзовут экстренно, и тогда через нѣсколько дней я прійду проститься с вами... Все выяснится в теченіе 2-3 дней.

А пока, братцы, скажу вам. Я вами доволен, вы мнѣ служили хорошо, повиновались, как добрые солдаты. Если я был для вас плохим начальником, прошу простить Но я вас полюбил, и мнѣ будет тяжело с вами разставаться, дорогие мои солдаты!.. Не поминайте лихом, братцы!..

Команда плакала...

Собрав персонал, Риман назначил временнаго замѣстителя, дал приказ нѣсколько дней оставаться в Кіевѣ, выжидая дальнѣйших событий.

— Я явлюсь и сообщу вам, куда и когда идет поѣзд. Со мной или без меня. Ожидайте моих распоряженій.

С любезной улыбкой подал каждому руку и удалился в купе. А через полчаса вышел с большим чемоданом в руках, сѣл на извозчика и уѣхал...

Так скрылся Риман.

С тѣх пор никто из команды и персонала поѣзда никогда не видѣл генерала.

Позднѣе, когда кіевскій совѣт солдатских и рабочих депутатов распорядился разыскать Римана, и явились за ним на его квартиру, — прислуга отвѣчала:

— Нѣсколько дней назад генерал с женой пошли погулять и больше не возвращались. Быть может, они арестованы.

Но супруги Риманы не были арестованы. Они безслѣдно исчезли из Кіева — неизвѣстно куда.

Персонал и команда поѣзда поняли все. Команда осталась на сторонѣ генерала.

— Что ж, кому хотится в тюрьму добровольно? Схоронил концы.

— Но, выходит, и вам он не вѣрил? — говорили им со стороны.

— Нонче такія времена, что и родному отцу не повѣришь. Да и разные люди могли промеж нас оказаться...

Только послѣ угроз, команда стала замазывать краской короны и вензеля на вагонах и сорвала доску, на которой было начертано наименование поѣзда.

Санитары отвѣчали:

— Генерал свой приказ даst. Он об этом нам никаких разговоров не дѣлал.

— Прошло время генералов! — внушали команdѣ.

— Нас не касаемо...

Эпилог разыгрался в пассажирском поѣздѣ, имѣвшем направление на Торнео.

За нѣсколько станцій до шведской границы — в поѣздѣ проходил контроль. Он с трудом подвигался, потому что в коридорах стояли пассажиры тѣсными толпами, сидѣли на чемоданах, сундуках, узлах. Разнужданные солдаты, дезертиры с фронта, которые нагло лѣзли в вагоны на всѣх станціях в Россіи, здѣсь, в финляндском поѣздѣ, попадались единицами, — вѣдь рѣдко кому из них могла бы понадобиться шведская граница... В одном из вагонов контроль обратил вниманіе на запертое купе.

— Здѣсь сестрица больного везет! — сказал кто-то... Уж мы их не беспокоим.

Но военный комендант постучал в дверь:

— Отоприте!.. Пройѣрка документов!..

Дверь стала отодвигаться, и в щель просунулась голова пожилой женщины в косынкѣ.

— Заходите сюда, я боюсь, что больного просквозит.

Длинный человѣк лежал, закутанный в плед, и на щекѣ была повязка.

Комендант внимательно всматривался и заподозрил мистификацію.

— Чѣм болен?

Сестра отвѣчала:

— Ревматизм, колѣно ломит, а затѣм мучительная зубная боль.

— Ну, это не так серьезно.

— Он сильно страдает.

— И вы, сестра, специально командированы сопровождать такого больного?

— Он мой муж.

— А-а-а, — протянул комендант, многозначительно переглянувшись с сопровождающими... Покажите ваши документы.

Больной оказался ветеринарным врачом Ивановым, женщина — сестрой кievского эвако-пункта, женой ветеринарного врача.

Комендант прочел документы и сказал:

— Прекрасно, но, зачѣм вы занимаете цѣлое купе, когда поѣзд переполнен?... Больной не настолько серьезен... Вам придется потѣсниться...

— Я вас просила бы к нам никого не сажать. Разрѣшите оставаться в купе вдвое.

— Не разрѣшаю! — отрѣзал комендант и протянул документы обратно.

Сестра милосердія схватила их поспѣшно, но слѣдовавшій в контролѣ штатскій в фетровой шляпѣ и черном пальто, прикоснулся к ея рукѣ.

— Позвольте мнѣ на секунду документы?

Сестра измѣнилась в лицѣ, но овладѣла собой и произнесла с дѣланной улыбкой:

— Ах, пожалуйста!

Воцарилось молчаніе.

Штатскій обратился к коменданту:

— Сестра 51 тылового эвакуаціоннаго пункта написано прописью, а печать 57-го пункта.

— Это простоя описка, — сказала сестра, блѣднѣя.

— Жена служит на 57 тыловом эвакуаціонном пункте в Кieвѣ, — вставил больной.

— Хорошо, мы разберем, потрудитесь слѣдовать за нами вдвоем! — приказал комендант.

— Но муж больной.

— Я не намѣрен повторять приказаній! Иначе буду вынужден примѣнить силу.

— Больной покорно поднялся и взял жену под руку. Возле дверей столпились любопытные. Едва он показался в коридорѣ, какой-то студент крикнул:

— Это генерал Риман!..

Протиснулся вперед:

— Вы — генерал Риман, я вас видѣл под Москвой!..

Возбужденный, стал восклицать, жестикулируя:

— Товарищи, — это тот Риман, который в 1906 году разстрѣливал возставших революціонеров под Москвой!.. Если среди вас есть москвичи — посмотрите на него, я его сразу узнал!.. Поймали Римана — мы его не должны выпустить!..

В воздухѣ запахло кровью...

К счастью для Римана поѣзд замедлял ход, остановился на станціи, и конвой поспѣшил увести супружескую чету.

Супругов обыскали. У них нашли солидную сумму денег в шведской и германской валютах. Деньги отняли. Риман был арестован и отправлен в Петропавловскую крѣпость.

Он раздѣлил участіе Штюрмера, Протопопова и других.

Но в юнѣ мѣсяцѣ 1917 года, по приказу А. Ф. Керенскаго, Римана освободили на том основаніи, что он послѣдніе 10 лѣт не принимал никакого активнаго участія в политической жизни страны.

И генерал с женой выѣхали в Германію.

Риману повезло.

Бывшій поѣзд Императрицы превратился в обычный тыловой военно-санитарный поѣзд.

Никто из персонала не пострадал, команда поѣзда не превратилась во взбунтовавшихся рабов, но и во время революціи честно несла свою службу.

Персонал первое время опасался эксцессов со стороны, хотя послѣ бѣгства Римана поѣзд оставили в покое и скоро о нем забыли.

В. Унковскій

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

4.

ПУНКТИКИ.

В ненормальное время живем мы. Одно за другим, непрерывно, всевозможные тревожные события: конференции, тайфуны, свиданья вождей, столкновения аэропланов, выпуск чьих-нибудь мемуаров, убийства, успокоительные заявления глав правительств. Опытные взрывы атомных бомб...

Есть от чего пошатнуться нервам.

А тут еще излишний опыт прошлых лет: одна мировая война, другая мировая война, холодная война на Западе, горячая война на Дальнем Востоке. И прохладные отношения повсюду.

И если ко всему этому прибавить темп нынешней жизни, эту вечно спешку, этот непрерывный шум — гудение автомобилей, треск мотоциклетов, жужжание авионов, рев радио, назойливое мерцание вечерних огненных вывесок, — то при подобных обстоятельствах культурному человеку остаться нормальным, действительно, не очень легко.

С вышеизложенного вида все у него как-будто естественно. А в чем нибудь, все-таки, общее влияние цивилизации и прорвется.

Вот, есть у меня одна знакомая дама. Женщина милая, образованная, с изысканным вкусом, не лишенная различных талантов. И одно у нея — беда: безумно любит собирать веревочки. Это у нея осталось со времен второй великой войны. Веревочки она обожает всяких: и длинных и коротких; и сиреневых и белых, и цветных; и от пакетов, и от посылок, и от кондитерских коробок; и даже совсем простых, громоздких, вроде тех, на которых сушат белые.

Однажды мы с нею в порту встретились на пристани ея старую подругу, которую она не видела несколько лет. Пароход подошел, отшвартовался, сходни спустили, пассажиры стали высаживаться...

А моя спутница смотрит не на сходни, а в сторону кормы, где матросы возятся с толстым канатом, оборачивая его вокруг железнаго причального столбика. И смотрит именно на канат. Восторжен но-любовно. Точно зачарованная...

Только объятия приветившей подруги вывели ее из этого транса.

Я уверен, что будь у этой дамы квартира побольше, с лишней запасной комнатой, она собирала бы при случае и все такие морские вещицы.

Получая из Америки посылку от добрых людей, она лихорадочно накидывается на этот подарок и рассматривает: какой веревочкой

перевязана коробка. Что внутри, ее мало интересует; обычно сожимое она раздает нуждающимся знакомым. Но веревочку и бумажную обертку снимает с посылки бережно, осторожно, чтобы, не дай Бог, не повредить, и, аккуратно сложив и свернув, несет в кладовую, которую предусмотрительно запирает на ключ.

Точно так же поступает она и с коробочками из под конфет или пирожных, поднесенных ей на именины или в другие торжественные дни. Как погдѣтски радостно рассматривает цветные ленточки или витые золоченые нити, накрест охватывающие белый картон! И что ее иногда огорчает, это не вкус неудачных пирожных, а узлы, вмѣсто бантиков, сдѣланные на ленточках торопливой продавщицей: узлы так трудно развязывать, чтобы не повредить ленточки!

В общем, живется этой дамѣ не плохо. На судьбу не жалуется, а главное — на будущее смотрит спокойно, зная, что в случае третьей мировой войны ей есть чѣм перевязать чемоданы, письма, фотографіи, гравюры и прочія вещи, необходимыя при бѣгствѣ от атомных бомб.

Впрочем, иногда бывают у нея и тревожные минуты и даже драматическая положенія. Помню, однажды пригласила она меня позавтракать с нею. Угостила на славу. Кофе было даже с ликером. Но послѣ завтрака мнѣ нужно было отнести на почту заказную бандероль, чтобы отправить в Америку. И я неосторожно сказал:

— Дорогая Вѣра Андреевна, не можете ли вы дать мнѣ какую-нибудь тонкую веревочку, чтобы обвязать бандероль? Боюсь в пути бумажная оболочка может раскрыться.

Сказал я это и тут же сообразил, какую сдѣлал оплошность. Хозяйка покраснѣла, глаза заметались в разные стороны, на лице появились складки страданія. Она нервно задвигалась на плетеном стулѣ, будто снизу под нею развели небольшой костер... И дрожащим голосом проговорила:

— Веревочку? Хорошо... Только не знаю... Найдется ли? А, кстати, скажите: вы, кажется все знаете... Чѣм отличается водородная бомба от обычновенной атомной?

Веревки я так и не получил.

**

Знаком я и с другой дамой, по нѣкоторым своим склонностям напоминающей Вѣру Андреевну. Она тоже очень культурна, тоже мила, отзывчива к чужой болѣ, прекрасно играет на рояль. Только — одно грустно: у нея страсть ничего не выбрасывать из того, что когда-нибудь попало в ее квартиру.

В передней всѣ места, кроме дверей, заняты от пола до потолка коробками разных національностей и разных размеров. Есть американскія с надписью gift; есть англійскія, шведскія, швейцарскія; есть, конечно, много и французских, главным образом от оптовой продажи «флай-токса» и Д.Д.Т. А, кроме того, масса других, поменьше: от ботинок, от шляп, ют платьев, от панамозы для стирки, от наба, от соли, от сахара, от соды и от прочаго всякаго. И только около вѣшалки эти всѣ коробки слегка раздвигаются, чтобы дать место жестянкам. Вѣдь и жестянки тоже требуют своего места! За тридцать то лѣт, сколько можно съѣсть консервов даже самой скромной и ме-

требовательной женщины! И варенье, и горошек, и фасоль, и томаты, и сардины, не говоря уже об анчоусах и нескафе.

Разумеется, все эти жестянки можно было бы хранить где-нибудь в другом месте, хотя бы в гостиной, если в квартире нет «плакаров». Но так может говорить только тот, который не видел гостиной, она же столовая. Тут, в гостиной, вполне достаточно и своих вещей, чтобы втискивать сюда какие-нибудь анчоусы или сардины. Здесь сгруппировались все бутылки, все склянки и вся побитая посуда с 1925-го года. Бутылки и склянки расположились бордюром вокруг комнаты по стекам в порядке их роста: от большого пузатого канта до маленького пузырька из под камфарного масла. А посуда громоздится на буфетном шкафу и на двух прилегающих столиках для бридж. Чего, чего тут нет! И бывшие фарфоровые чайники с провалившимися носиками, представляющими жуткую медицинскую картину; и распавшаяся на части фарфоровая тарелка, бьющей костью на месте распада указывающая на свое благородное происхождение; и осколки чашек и блюдечек, и бывшая чайная ситечка, у которых мелкие дырочки слились в одну общую просторную дыру; и несколько насквозь прожженных кастрюль, рядом с которыми расположилась и кастрюля целая, но с предательской ручкой, которая начинает вертеться в руке, когда нужно снять кипящее молоко.

Только, стоящий с противоположной стороны, коммод в этой столовой сравнительно пуст. На нем слева стоит пылесос, посреди — туалетное зеркало, а справа — флаконы с бывшим одеколоном, гребни, щетки, бигуди и пять будильников. Из будильников идет только один; но как идет! Остальные же полукругом стоят возле него и с восторгом на своих круглых лицах прислушиваются к его неутомимому стику.

Опять, казалось бы, пылесос из этой компании будильников и флаконов можно было бы изъять и поместить куда-нибудь, например, в спальню. Хозяйка сама это понимает отлично и в свободное время часто обдумывает этот вопрос. Но где в спальне найти свободное место, если там сконцентрировались в разных местах кипы старых русских, французских и английских газет, горшки с хранящимися в них выжатыми тюбиками от зубной пасты, корзины с истлевшим бельем, а главное — восемнадцать пар ботинок, скопившихся со времен новороссийской эвакуации?

С чьим, с чьим, а с этими ботинками Евдокия Васильевна никогда не разстанется. Она, быть может, уступит кому-нибудь все выжатые тюбики от зубной пасты; возможно — откажется от части старых газет; но каждая пара туфель дорога ей индивидуально, как память. В этой, коричневой, она подавала в русском ресторане в Константинополе... Уже тогда на одной из них почему-то съехал насторону каблук. А в этой — проводила время в Софии. В Софии Петр Иванович, влюбленный тогда в нее, на одну из них демонстративно нажимал под столом сапогом военного образца, стесняясь открыто признаться в любви. Хорошее время было! А в этой паре, оливкового цвета, у которой обе подошвы отскочили, она ходила по Вранячкой Бане, в Сербии. За нее тогда ухаживал один македонец, хотевший даже жениться, но она испугалась, отказалась ему, а он с горя начался ражничей, чивапчичей, и с таким количеством паприки, что получил заворот кишечка и скончался. Говоря по-сербски — «цыркнул».

А сколько всяких воспоминаний с остальными пятнадцатью парами!

**

Однако, есть у меня некоторые знакомые и совсѣм другой категории. Преувеличенно заботящіеся не о своем будущем и не о прошлом, а о своем настоящем. Прежде всего — о здоровье.

Напримѣр, парижанка Алла Владимировна.

Сколько уже лѣт мучается, бѣдняжка, от неизвѣстной болѣзни, которую и она сама и никто из докторов опредѣлить никак не могут. Симптомы этой болѣзни очень загадочны: нигдѣ ничего не болит, нигдѣ не сосет, не скребет, не ноет, даже не чешется. И припадков никаких не бывает, и желудок варит исправно, и головокруженій нѣт, и всѣ отправленія как будто нормальны. А, между тѣм, совершенно ясно: ужасная болѣзнь гдѣ-то сидит. И найти ее нужно во что бы то ни стало.

Докторов она мѣняет часто, так как всѣ они — коновалы и ничего не понимают. Нѣкоторые из них даже грубы и нахальны. Один, француз, послѣ осмотра сказал, что завидует ей и сам бы желал быть таким здоровым, как она. А другой, русскій, на просьбу Аллы Владимировны прописать что-нибудь, начертал ей слѣдующій наглый рецепт:

«По утрам: крѣпкій кофе с молоком или со сливками, буттерброды с ветчиной или колбасой, слобная булка с вареньем.

За пять минут до завтрака — двѣ рюмки водки, пирожки с мясом, сосиски с кислой капустой. Через десять минут послѣ этого: эскалоп с гарниром и отварная рыба, если нѣт жареной; на сладкое — фруктовый салат.

Вмѣстѣ с ъдой — двадцать капель воды и пол-литра краснаго вина. Послѣ ъды через пять минут — кофе с коньяком».

Только одного приличнаго доктора нашла Алла Владимировна, который дѣйствительно внимателен и удачно поддерживает ея хрупкое здоровье. Обычно прописывает он пять-шесть разных лѣкарств сразу, предупреждая, однако, что не слѣдует слишком злоупотрѣблять их приемом. Алла Владимировна послѣ визита радостно направляется в аптеку, покупает все, что нужно, несет домой и бережно прячет в особый шкатулкѣ: там хранятся у нея всѣ другія пантентованныя средства, прописанныя за послѣдніе годы: липіодоль, нисиль, кодоформ, актифос, падериль, октенсаноль, перистальтин, дезинтекс, уроформин... Разумѣется, ничто из этого не принимается, но на всякий случай содержится в строгом порядкѣ, чтобы в любой момент быть под рукой. Бывает, что кто-нибудь из близких людей спросит Аллу Владимировну, почему она не попробует принять что-либо из этого фармацевтическаго богатства? Но она или отводит разговор всторону, или неохотно отвѣчает:

— Я недавно прочла в «Ридерс Дайджест», что современные лѣкарства очень сильны и что пользоваться ими могут только вполнѣ здоровые люди.

Вообще же Алла Владимировна не любит, когда кто-нибудь, даже из близких друзей, вмѣшивается своими совѣтами в ея способы лѣченія. А самое непріятное для нея, это — если неосторожно сказать ей,

что за послѣднее время она очевь поправилась и что вид у нея превосходный.

— Ну, что вы говорите? — возмущенно отвѣтает она. — Я никогда не чувствовала себя так отвратительно, как теперь!

За все время нашего знакомства один только раз призналась она мнѣ, что чувствует себя значительно лучше. Но, сказав это, тут же тревожно добавила:

— Ох, боюсь... Не к добру это!

**

Мог бы я, помимо Аллы Владиміровны, привести еще нѣсколько примѣров странностей у нѣкоторых знакомых дам. Одна, напримѣр, смертельно боится заразиться чѣм-нибудь и потому главную часть жизни тратит на антисептическія мѣры; на свое портмонѣ или на кошелек со страхом смотрит, как на жуткій очаг заразы; вынув из них при расплатѣ в магазинѣ тысячу франков, или сто, или двадцать, и получив сдачу, она торопливо направляется домой, обмакивает руки в крѣпкій раствор жавеля, затѣм моет их мылом, а послѣ этого скребет щеточкой, чтобы зараза случайно не забралась под ногти. Каждую кастрюлю, прежде чѣм варить в ней что-нибудь, она сначала обеззараживает продолжительным кипяченіем воды, чтобы убить всѣ бактеріи, которыя могли в нее забраться послѣ предыдущаго употребленія. Овоши предварительно протирает эфиром, моет «в нѣскольких водах» и только тогда готовит салат. Кожицу от фруктов никогда неѣт, хотя в ней и находятся витамины.

— Витаминам я не довѣряю, — говорит она. — Они могут дружить и со стафилококками и со стрептококками.

И всегда на руках, на ногах и на шеѣ у нея можно видѣть там и сям круглые, продолговатые и развѣтвленные ярко-красные пятна: это — фталокром, покрывающій всѣ замѣченныя на кожѣ царапины, трещинки, ссадинки.

А другая дама отличается уже не антисептикой, а просто страстью к чрезмѣрной чистотѣ вообще. Чистота, конечно, очень полезна и для души и для тѣла; но так как все абсолютное недоступно в несовершенной земной жизни, то этой бѣдной женщинѣ всегда не хватает дня, чтобы достигнуть своего идеала. То появится какое-то странное пятнышко на паркетѣ, которое не хочет сходить, несмотря на треніе, на скобленіе и на вытравливаніе. То остатки серебра начинают темнѣть; то на статуэтку сѣла муха; то на обоях в гостиной вскочил какой-то волдырь.

Бывает, возится это несчастная весь день, выбивается из сил, слѣжет, наконец, изнеможенная на диван, чтобы перевести дух. Муж стоит мрачно возлѣ, говорит:

— Ты так умереть когда-нибудь можешь, душечка.

А она рѣзко отвѣтает:

— Лучше умереть в чистотѣ, чѣм жить в грязи.

Однако, довольно раздражать дам. Остановимся на этих женских примѣрах и перейдем на мужскіе. Не буду я приводить серьезных патологических случаев, связанных с мужской выпивкой под соленый огурец, или без огурца: это не входит в настоящую задачу. На легких

уклоненій от нормы и среди нашего брата не мало. Только, в отличіе от женщин, мужчины впадают в уклоненія не по признаку практической жизни, а, главным образом, — по признаку идеологическому.

Нѣкоторые, напримѣр, проявляют не то чтобы манію величія, но как бы сказать, — манію величавости. Взгляд их — загадочно-пренебрежительный; на лбу этаکая поперечная складка горделиваго самосознанія. Одного из них, навѣро, многие russkie парижане встрѣчали: он всегда ъздит в метро с russким университетским значком на отворотѣ пиджака. Большеннемъю самомнѣніем отличается и другой мой знакомый, который возомнил себя исключительной личностью: оказывается, он, — единственный в нашей russкой колоніи сын простого солдата и не имѣл никаких предков ни при Екатеринѣ Великой, ни при Петрѣ. Приблизительно такой же странностью обладает и другой мой пріятель: какимто чудом ему не удалось получить в свое время чина выше подпоручика, и теперь он этим чином болѣзньно чванится: кругом — десятки генералов, сотни полковников, столько же ротмистров; а он, подпоручик, — один. Вродѣ маршала. И, разумѣется, этот маршальский жезл ударили в голову.

Другой разряд наших неуравновѣшанных мужчин отличается уже иной формой уклоненія от нормы, а именно — мультилоквенцией. Мультилоквенція обычно считается женской болѣзнью; но за долгіе годы эмигрантскаго существованія мужчины так часто в домашнем юбиходѣ замѣняют женщин — стирают, гладят, готовят обѣд, починяют бѣлье, что в них поневолѣ выработались и специфісکія женскія качества. Единственная разница только въ том, что женщины любят слишком много говорить о настоящем, об окружающем, а мужчины — о прошлом, юб окружавшем. Кто из нас не слышал подробностей о минувших боях от таких словоохотливых собесѣдников, от которых невозможно никуда отступить в полном порядке? А как был я однажды потрясен, когда один бывшій судебный слѣдователь в продолженіи нѣскольких часов во всѣх деталях описывал мнѣ вскрытия двадцати четырех трупов, при которых ему пришлось присутствовать в теченіе своей дѣятельности.

К счастью, среди разных представителей мультилоквенціи встречаются иногда и совсѣм безобидные, не требующіе никакой жертвы со стороны слушателей. Вот, вспоминается мнѣ один очень милый соотечественник, с которым одно время пришлось жить в одной квартирѣ и даже быть сосѣдом по комнатѣ. Оказался он человѣком застѣничным, а потому нелюдимым, неразговсрчивым. Стѣснялся не только многолюдного общества, но даже одиночных собесѣдников, если был мало с ними знаком.

Но когда оставался он в своей комнатѣ один, с глазу на глаз с самим собой, вся застѣничность сразу исчезала. Себя он совершенно не стѣснялся, был с самим собой на дружеской ногѣ, становился словоохотливым, находчивым и даже остроумным.

— Ну, что, брат, Николай? — слышал я сквозь щели внутренней двери, соединившей наши комнаты: — Свалия ты сегодня дурака?

— Да уж, свалия, с грустным смѣхом отвѣчал Николай:

— А я, вѣдь, тебя предупреждал: не вѣрь Заковыркину, — продолжал Николай. — Какой разумный человѣк может повѣрить в существованіе мази, которая вполнѣ обновляет поношенные костюмы?

— Это вѣрно... — соглашался Николай. — Но, вѣдь техника так бѣшено развивается...

— Техника то развивается, вѣрно, — соглашался Николай, — но вмѣстѣ с нею развивается и жульничество. Ты сам посуди: ну, какой химической элемѣнт в состояніи из старого костюма сдѣлать новый?!

— Да там внутри что-то секретное есть. Уголь вмѣстѣ с перекисью водорода...

— Эх, сам ты — перекись: пять тысяч внес в это дурацкое дѣло!

— Ну, да. Зато я должен был получить пятьдесят процентов чистаго дохода!

Послѣ всего этого — временнюе молчаніе. И затѣм снова слышно:

— Ну, ладно... А теперь, — может быть, выпьем чайку, Николай?

— Отчего же, выпьем, — отвѣчает Николай.

— У нас там, кажется, и печенѣе есть, — говорит Николай.

— Да, как будто есть, — соглашается Николай.

— Так зажигай примус, Николай, — просит Николай.

— Отчего же, сейчас зажжем и примус!

Послѣ этого опять нѣкоторое время молчаніе. А затѣм слышится уже не разговор, а пѣніе. Мой сосѣд — большой меломан, в Россіи любил посѣщать оперу, из всѣх композиторов больше всѣх увлекался Верди.

И вот из-за стѣны доносится трагическій дуэт, кажется, — из «Бал-Маскарада». Между матерью, колоратурным сопрано, и сыном, басом, происходит тягостный разрыв:

— Ты мнѣ не съыыыыыы! — тонким голосом выводит колоратуру Николай

— Ты мнѣ не маааатъ! — негодующим пѣвучим басом отвѣчает Николай.

**

Не знаю, какой процент составляют люди с психическими уклоненіями среди иностранцев. Рѣдко бываю в их средѣ. Но у нас, русских, этот процент довольно высок.

И, вот, я часто думаю: как хорошо было бы человѣчеству установить для всѣх культурных людей один общий средній нормальный тип человѣка, при сравненіи с которым каждый желающій мог бы опредѣлить, чего ему не хватает, или что у него находится сверх мѣры. Вѣдь, в Севрѣ, напримѣр, хранится эталон официального точнаго метра, по которому должны равняться всѣ металлические и деревянные метры, находящіеся в продажѣ и в употребленіи. Это — одна десяти-миллионная часть четверти парижскаго меридіана. Точно и ясно. А почему наука не сдѣлает того же самаго с человѣком? Пусть найдет идеально-уравновѣшенного индивидуума, который все дѣлает нормально; говорит, сколько полагается, молчит, сколько надо; проявляетъ вмѣру пристрастія, вмѣру любит, вмѣру ненавидит; смеется достаточно, но не слишком, плачет, как полагается приличному человѣку, но не навзрыд. Этаплон такого идеального типа можно было бы тоже помѣстить куда-нибудь в Севр или в парижскую Палату Мѣр и Вѣсов, дать даровую квартиру, стол, отопленіе, освѣщеніе и показывать публикѣ, желающей избавиться от всяких бзиков и пунктиков.

Неужели психологи и психопатологи никогда до этого не додумаются? Хотя бы фрейдисты?

Между прочим, помню, знал я одного такого идеального человека лёт двадцать тому назад. Не представляю, где он теперь. Уравновешен был чрезвычайно. Умственно болел, умственно пил, умственно думал, умственно развлекался, умственно страдал, умственно наслаждался, умственно вспоминал, умственно слушал. Другого такого я за всю свою жизнь не видел.

И как обидно: не повезло ему в жизни! Женился один раз — жена почему-то отравилась. Женился во второй раз — вторая жена выбросилась из окна с пятого этажа.

А. Ренников.

КРУШЕНИЕ ПОЕЗДА

Отрывок из готовящейся к печати книги
“От Тифлиса до Парижа”

(Окончание. См. тетр. 45)

Нарядные и легкие дачные вагончики быстро пробежали Ессентуки, Пятигорск, поднялись, мимо памятника Лермонтову (на месте дуэли), на Бештау и доставили нас на ст. Минеральные Воды. Там мы пересели в поезд, идущий на Баку. В вагоне 2-го класса все купе были заняты. Я занял верхнее место в коридоре против купе. Брат и сестра — тоже в коридоре соседнего отделения. Омар еще дальше.

Наступила ночь. Проснулся я от сильного толчка и почувствовал, что лежу вниз. Какие-то тарелки сыпались на меня. Ошеломили крики, треск и стрельба. Упал я на дверь купе, так как вагон валился на бок. Дверь купе открылась и я, вместе с дамой, повисшей на ручке двери, полетел вниз к окну. Вагон наш не скатился с насыпи, так как его подпер, упавший уже раньше, переди идущий вагон. Стрельба усиливалась. Какие-то люди пробегали вдоль вагонов.

Как оказалось впоследствии, рельсы разложили злоумышленники (кажется ингушки). Они знали, что задний вагон был почтовый и вез крупную сумму во Владикавказ. Стреляя вдоль поезда, они бросились к заднему вагону, но в этот день сзади были прицеплены два пустых вагона, идущих в ремонт. Нападающие растерялись. Тем временем стража залегла за насыпь и открыла огонь. Тревога быстро передалась в соседнюю станцию терских казаков. Замелькали вдали огни. Послышались выстрелы прибывающих станичников. Нападающие бросились к передним вагонам. Увидели опрокинутые вагоны с пассажирами и заколебались...

В одном из вагонов находился юнкер Тифлисского пехотного училища и кадеты Тифлисского корпуса — Осипов, Должников, Баев и другие. С вечера они устроились очень уютно: пели, играли в карты... В вагоне оказалась баба, которая везла целую корзину яиц. Кадеты купили яйца и стали жарить яичницу на свече, воткнутой в бутылку. Вагон их, при крушении, упал на бок. Свеча потухла. Всю честную компанию швырнуло в одну кучу — туда же свалилась и баба с корзиной яиц. Окно оказалось наверху. Юнкера, а за ними и кадеты, стали выби-

раться наверх, не забывая тащить и бабу. Злоумышленники приняли их за воинскую команду, готовую дать залп и стали отходить к ближайшему лесу.

Немного прия в себя, я пытался открыть дверь в соседнее отделение, но она не открывалась. Когда я вылез в окно, то увидел Витю и Бобу целыми и невредимыми. Немного дальше Омар, с револьвером в руке, озабоченно заглядывал в окна вагонов. При видѣ нас, он бросился к нам с радостными криками. Он уже успѣл разстрѣлять всѣ свои патроны.

Страшное зрѣлище представляла из себя нога одного пассажира, торчащая из под упавшего с насыпи вагона.

Взошло солнце и освѣтило толпу пассажиров, высыпавших из вагонов. Поле перед поѣздом являло картину громадной ярмарки.

Группа кадет, с Осиповым по главѣ, тащила раненаго солдата (солдат был ранен в Русско-Японскую войну иѣхал из госпиталя домой на поправку). Вид кадет, с пятнами на гимнастерках (от разбитых яиц), производил впечатлѣніе команды, выдержавшей бой с разбойниками.

Мы, т. е. я, Витя, Боба и Омар, оживленно болтали, бѣгали вдоль поѣзда и дѣлились впечатлѣніями. Омар, впрочем, озабоченно повторял:

— “Надо ханум телеграмма давать”.

К нам присоединились дочери ген. Малама (бывшаго командира Нижегородцев), Вѣра и Екатерина. Помню, что я им тогда подарил памятку Нижегородцев (по поводу их 200-лѣтняго юбилея). Здѣсь, в Парижѣ, я им подарил брошюру, написанную мною о Николаевцах, с надписью, что, повидимому, каждые 45 лѣт я дѣлаю подарки в видѣ военных брошюр.

С ближайшей станціи, Беслан, мы послали домой телеграмму, чтоѣдем благополучно. Но опять вышло не совсѣм благополучно. Послѣ Дербента яѣхал один. Около станціи Кизил-Бурун — сильнѣйший толчек, и поѣзд останавливается. Оказывается, раздавили буйвола. В Баку в это время была “Армяно-татарская рѣзня”. Как я потом узнал, с нами в поѣздѣѣхал наш квартирант-армянин. Он был убит в Баку при выходѣ из вагона.

В корпусѣ

Трудно послѣ каникул браться за книги. Кадеты “ловчатся”, притворяются больными, чтобы получить освобожденіе от классов. Но корпусный врач знает всѣ уловки кадет. “Что у тебя?” — спрашивает он кадета, и берет его руку в свою. — “Большой жар, лихорадка, голова болит... может быть холера...” — “Так... так... ну, так вот, постриги ногти и марш в класс...”

Мечты Шерипа

По окончаніи корпуса я был принят в Николаевское Кавалерійское Училище. Пріѣхав на лѣто в Маджалис, я нашел

в нем все по старому. Дагестанцы любят проводить время на улицѣ. В аулѣ никаких скамеек или "заваленок" при домах не имѣется. Присядет хозяин дома у стѣны на корточки и может сидѣть так часами. Подойдет сосѣд, присядет рядом — подойдут потом и другие. Сидят, бесѣдуют, а жены в это время хозяйствуют. Проходит или проѣзжает путник — останавливается и начинается обмѣн новостями. И новости (хабары) распространяются поразительно быстро. В Маджалисѣ мѣстный клуб — это стѣна около управления начальника округа.

Среди постоянных посѣтителей клуба я замѣтил новое лицо. Это был всадник милиціи Шерип. Он цѣлыми днями возился со своим оружием — разбирал, чистил, показывал другим. Горцы любят рассматривать оружіе, спорить о его достоинствах, покупать друг у друга, мѣнять. Шерип занимался этим с увлечением: сегодня он отдает кинжал, приплачивает что-то и получает шашку. Завтра он уже хочет мѣнять шашку на бурку. В этих операціях принимают участіе всѣ. Вещь переходит из рук в руки. И не только вещи. Сплошь да рядом объектом мѣны является лошадь. На нее садятся, гарцуют... Шерип опредѣленно вооружался и подбирал себѣ коня. В концѣ концов он открыл мнѣ свою тайну. Его тянуло в разбойники. В сосѣднем округѣ оперировал его родственник, знаменитый Баба. Идти в разбойники или нѣт? Вот вопрос, который мучил Шерипа. Послѣ долгих колебаній он рѣшил, что пока я дома он будет служить в милиціи, а когда я уѣду, когда наступит осень и жизнь станет скучной, то он уйдет в шайку Баба.

Уже когда я был в училищѣ, отец написал мнѣ, что Баба перенес свою дѣятельность в наш округ. Энергичный начальник участка Шах-Мурзаев выслѣдил его и вызвал по тревогѣ сотню милиціи. Послѣ короткой погони, сотня настигла Баба. Завязалась ожесточенная перестрѣлка. Баба и нѣкоторые члены его шайки были убиты.

У меня в то время были другія заботы и я забыл спрашиваться — был-ли Шерип к тому времени в шайкѣ, или нѣт.

Аул Ахты

Подружился я еще с одним всадником милиціи. Это был старик Адам. Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. в Дагестанѣ кое-гдѣ были волненія. И в то время, когда Дагестанскій конный полк покрывал себя славой в рядах русских войск (как впослѣдствіи в Русско-японскую войну и войну 1914 года), нѣкоторые аулы подняли восстанія. Аул Башли, родина Адама, был разрушен нашей артиллерией, и Адам сослан в Россію отбывать воинскую повинность (вообще-же дагестанцы были освобождены от воинской повинности). Попал он Лейб-Гвардіи в Кексгольмскій полк. Службой в этом полку он очень гордился.

По возвращеніи в Дагестан, он нигдѣ не мог долго ужиться, а послѣднее время занимался разбоем. Незадолго до моего

пріѣзда, он дал моему отцу торжественную клятву больше не разбойничать и сдѣлался милиционером. Он любил путешествовать и постоянно подбивал меня на поѣздки в горы. Вмѣстѣ с ним я иногда проводил в горах 2—3 дня.

Однажды мы предприняли большое путешествіе в аул Ахты. В одном мѣстѣ тропинка шла по карнизу отвѣсной скалы над пропастью. Эта тропинка была так узка, что не давала возможности разминуться со встрѣчными и приходилось кричать, даже стрѣлять, чтобы выяснить — нѣт ли кого-нибудь впереди. Люди и лошади инстинктивно жались к скалѣ, и вся она была почернѣвшая, просаленная и как-бы полированная. Кое как я освоился с таким положеніем, а впереди было еще большее испытаніе: тропинка повернула за угол и оборвалась... Она продолжалась по краю скалы, которая была напротив. Существовало нѣчто вродѣ мостика: ползучее растеніе было притянуто на другую сторону и укрѣплено. Сверху набросаны вѣтки. Мостик качался. Щель была не широкая: один шаг на мостикѣ и вы уже на другой сторонѣ. Но сознаніе, что шагаешь над пропастью, отбивало охоту сдѣлать этот шаг...

Лошадь должна была перескочить рядом с мостиком. Там щель была еще уже. Внизу были видны крыши домов аула, дороги, по которым ползли, как черепахи, арбы, шли люди.

Мы прошли по мостику, но наши лошади не рѣшались сдѣлать прыжок. На наше счастье подошел горец с козой и собакой. Когда он со своими животными перешел мостики, то лошадь Адама рѣшилась и перескочила. Моя же топталаась в нерѣшительности... Мы сдѣлали вид, что оставляем ее и уходим, а горец слегка похлопывал ее плетью, как бы напоминая ей, что надо рѣшиться. Адам издали свистѣл и звал ее. Наконец, она перескочила через щель и бросилась к нам, заржав от радости. Мы всѣ стали ее ласкать. Она была мокрая от волненія. Адам говорил: — “Ну, ничего, ничего — назад ты пойдешь другой дорогой”. Бѣдная лошадка не понимала его слов, а у меня от сердца что-то отлегло...

Измученные путешествіем, мы, наконец, добрались до громаднаго утеса. Внизу катил свои волны Самур, а на склонѣ противоположной горы виднѣлся аул Ахта.

Мы стояли на историческом мѣстѣ. Сюда, в 1848 году подошел русскій отряд под командой князя Аргутинского-Долгорукаго, идущій на выручку русскаго гарнизона крѣпости Ахты. Было извѣстно, что пятнадцати-тысячное скопище Шамиля обрушилось на Ахты, чтобы открыть себѣ путь в Закавказье. Весь округ был в возстанії. Послѣ взрыва порохового погреба, Шамиль штурмовал разрушенные бастіоны. Штурм был отбит, но потери гарнизона были так велики, что под ружьем оставалось не болѣе 350 человѣк.

Кн. Аргутинскій видѣл крѣпость в клубах порохового дыма. Над сѣрой массой аула виднѣлось зеленое знамя Шамиля, а кругом, насколько мог видѣть глаз, стояли толпы непріятеля. Крѣпость гибла...

Всѣ горцы с напряженным вниманіем ожидали, чѣм кончится грозное нашествіе имама.

Но... мост через Самур горѣл и отряд не имѣл возможности подойти к крѣпости. Кн. Аргутинскій рѣшил повернуть отряд и пойти в обход, на что требовалось два дня. Нужно было перевалить два горных хребта почти без дорог и пробить себѣ с боем дорогу в долинѣ Самура.

Из укрѣпленія сотни глаз наблюдали за каждым движением нашей колонны и когда увидѣли, что она повернула назад — безотрадное чувство охватило всѣх. Смертельно раненый комендант крѣпости, полковник Рот, призвал к себѣ всѣх офицеров и сказал им:

“Клянитесь взорвать укрѣпленіе при послѣдней крайности — это моя послѣдняя воля”. Офицеры дали клятву умирающему, успокоили его и вышли, оставив при нем его дочь, только недавно прїехавшую из института.

Шесть дней уже защищались Ахты. Нѣсколько штурмов было отбито, но положеніе с каждым днем становилось все хуже. Это сознавали всѣ и стали готовиться к смерти. 20-го сентября Шамиль повел рѣшительный штурм и были минуты, когда можно было бояться за участъ укрѣпленія. Малиновое знамя имама нѣсколько раз опрокидываемое и подымающееся, уже стояло на бастіонѣ, а на валах кругом уже пестрѣли значки мюридов. Но гарнизон напряг послѣднія силы: под ружье стали больные, раненые, жены офицеров, и паденіе крѣпости еще раз было отсрочено. Малиновое знамя свалилось в ров крѣпости и больше уже не показывалось. Весь слѣдующій день мюриды готовились к новому приступу. Из укрѣпленія был хорошо виден большой зеленый намет, под которым сидѣл Шамиль, окруженный своими наибами, и его суровая фигура, казалось, говорила:

“Возьму — и никому пощады...”

Всю ночь на 22-е число гарнизон не ложился спать, ожидая нападенія, и у пороховых погребов курились зажженные фитили. Всѣ понимали, что отстоять укрѣпленіе, обратившееся в груду развалин, уже невозможно...

Отряд кн. Аргутинского, послѣ трудного перехода в горах и опасной переправы через Самур, стал выходить из узкаго ущелья в долину Мискинджи, но выход был прегражден огромным завалом, уходящим далеко в горы. Над завалом развѣвались значки лучших наибов Шамиля.

Для штурма завала у кн. Аргутинского было слишком мало войска, а обход его потребовал бы опять дня 2—3. Кн. Аргутинскій приказал Ширванцам атаковать завал. Атака Ширванцев была одним из блистательнѣйших кавказских приступов. Они потеряли четвертую часть нижних чинов, но Мискинджи были взяты и главныя силы Шамиля бѣжали по дорогѣ в Ахты. Наша конница задержалась на узкой тропѣ в ущельѣ, так как, идущая впереди, милиція, топталась на мѣстѣ, не рѣшаясь атаковать Хаджи-Мурата. Тогда, идущій сзади,

под командой майора Тихоцкого, дивизіон Нижегородцев, ринулся вперед, смял милицию и, пробившись сквозь ея ряды, вынесся из ущелья. Конницѣ удалось захватить арьергард уходящих мюридов. Кн. Аргутинский, захватив с собой драгун, послѣшил в Ахты.

Окрестные аулы были уже пусты.

Герой защиты крѣпости, блѣдный и изнуренный ранами, капитан Новоселов, безстрастно рапортовал князю Аргутинскому о состояніи гарнизона. Этот маленький и тщедушный офицер вовсе не казался героем, а, между тѣм, бессмертное дѣло его было налицо, и всѣ, други и недруги, называли его виновником той холодной рѣшимости, с которой гарнизон обрек себя на смерть...

Аул Кубачи

Немного времени прошло послѣ поѣздки в Ахты, а Адам уже начал строить новые планы. На этот раз разговор шел о поѣздкѣ в самый отдаленный участок округа отца — в аул Кубачи, который был уже на землѣ аварцев. Отец давно созирался побывать там и мы отправились.

От Маджалиса дорога сразу начинает подниматься в гору, а от аула Сулевкент, она превращается в каменистую тропинку. Аул Кубачи издали похож на ласточкино гнѣздо, так как он лѣпится на отвѣсной скалѣ, причем крыша одного дома является двором другого и аул доходит до самой вершины горы. Нам казалось, что мы совсѣм близко от него, но тропинка причудливо извивалась, аул исчезал и было впечатлѣніе, что мы от него удаляемся. Временами тропинка шла по карнизу скалы, над глубоким обрывом, на днѣ которого был полумрак. Изрѣдка лучъ солнца проникал и туда. Освѣтит ручей, заиграет на водѣ, скользнет дальше и мы видим стадо баранов, как-бы прилѣпленное к горѣ. Чистый воздух, какая то легкость, ежеминутная смѣна картин природы — создаютъ особенное, радостное, настроеніе.

Проводник заранѣе спрашивает, в какую часть аула мы хотим попасть и выбирает соответствующую тропинку, так как в самом аулѣ уже улиц нѣт.

Еще один поворот и Кубачи, освѣщенные лучами заходящаго солнца, оказались прямо перед нами. Мы остановились, пораженные изумительной картиной: всѣ скалы были покрыты живописными группами кубачинцев, которые вышли встрѣтить отца. Солнце играло на серебряной и золотой наѣчкѣ их кинжалов, шашек, пистолетов, на газырях черкесок и на галунах бешметов.

Главное занятіе кубачинцев — это художественная наѣчка на оружіи и на слоновой кости. Они выдѣлывают также всевозможные поясы, подносы, застежки и т. д. Вот всѣ эти украшенія (исключая подносы) они и надѣли, встрѣтая нас. Кубачинцы говорят на языкѣ своих сосѣдей, но у них есть свой язык, на котором говорят только они.

По молодости я не заинтересовался их прошлым, но как будто-бы их предки были генуэзцы, выписанные в Дагестан арабами (повидимому в Дербент) и ушедшие в горы, спасаясь от разных завоевателей. Один кубачинец, антиквар, показывал нам старинную посуду и изображения рыцарей в доспехах, высеченное на скалѣ. Сам он считал кубачинцев потомками франков, проходивших Кавказ во время крестовых походов.

В соседних аулах были жители, не видавшие никогда желѣзной дороги. А кубачинцы бывали везде. Зимой они сидят дома и готовят свои изделия, а летом и осенью их можно встрѣтить, продающими свой товар на модных курортах Кавказа, Крыма, в Турции, на югѣ Франціи и Италии. Многие из них знают иностранные языки. На всемирной выставкѣ в Парижѣ в 1937 году я видѣл в совѣтском павильонѣ изделия кубачинцев и среди этих изделий бюст Ленина (из слоновой кости).

Вечером, по слухам нашего приѣзда, был "той". Мы сидѣли на крышѣ и любовались, как постепенно вспыхивали огоньки в саклях гдѣ-то внизу, по соседству с нами и далеко на самой вершинѣ горы. Аул казался каким-то волшебным фонарем, висящим в воздухѣ. И временами казалось, что и мы плывем на каком-то воздушном кораблѣ среди моря огней. Обычно аулы с наступлением ночи погружались в темноту, но, по слухам нашего приѣзда, жители освещали свои сакли лампами в окнах или кострами на крышах, что и создало иллюминацію исключительной красоты.

Начались танцы под звуки зурны. Танцевали не только на нашей крышѣ, но и на крышах соседних домов, гдѣ зажгли полукругом факелы. Перед нами по канату, невидимому в темнотѣ, проходили канатные плясуны (паливан-кардаши), выступали пѣвцы и лучшіе танцовы.

Отец мой подошел к краю крыши и обратился с рѣчью к тѣм, кого было видно, и к тѣм, кто был гдѣ-то в темнотѣ. И послѣ каждой его фразы отовсюду неслись возгласы: — "Начальник сеням сауол".

Этой поѣздкой закончились мои путешествія по горам.

Послѣдніе дни в Дагестанѣ

Лѣто кончалось. Нужно было собираться в Петербург в Николаевское Кавалерійское Училище. От нас до желѣзной дороги было 20 верст, ноѣхать было довольно опасно, т. к. разбойник Баба заглядывал и в округ отца. Он даже обложил особой данью всѣ рыбные промыслы по берегу моря. Часть добычи он удѣлял бѣдным жителям (обычный пріем всѣх разбойников) и этим привлекал их симпатіи.

Почти наканунѣ моего отѣзда, посланный отцом разъезд Кара-Кайтахской милиціи, захватил одного разбойника из шайки Баба и привел в управление отца. На допросѣ он, между прочим, сказал отцу: "Я много раз мог убить тебя. Один раз тыѣхал на станцію. Я сидѣл за плетнем, окружающим

дерево (почтовая дорога была, вблизи аулов, обсажена ореховыми деревьями. Плетни ограждали их от порчи, производимой проходящей скотиной или дикими зверями). Я готов был стрелять, но рядом с тобой сидел мальчик — вон тот, который бывает сейчас во дворе”, указал он на меня.

Этот же разбойник наблюдал маевку, которую устроил начальник станции Мамед-Кала. Компания расположилась тогда в лесу против станции. Много пили, смеялись, танцевали. Один армянин из Баку подошел к дереву и изображал разговор по телефону. Он крутил воображаемую ручку (старая модель) и выкрикивал: “Компания Мехмандерова? Что? Похоронное бюро? Не надо! Отпустите скорее...” Разбойник все это наблюдал и смеялся, сидя на соседнем дереве. Он поджидал своих товарищей, которые, к счастью, опоздали.

В конце августа мы с отцом подъезжали к станции, где я должен был сесть в поезд, отвозящий меня в Петербург. Отец совещался мнем учиться хорошо:

— “Ты будешь офицером. Можешь потом окончить Академию Генерального Штаба, сделать карьеру. А в противном случае будешь прозябать в глухом, вроде этого начальника станции, Филова...”

Много лет прошло с тех пор... и как, иногда потом, я хотел бы “прозябать” где-нибудь на должности начальника станции, с его квартирой в 3 комнаты с садиком и огородом...

Омар и старый Адам тряслись верхом сзади нашей коляски, под предлогом охраны от разбойников. С ними был и будущий разбойник Шерип.

Подошел поезд... Из вагона, занятого кадетами, замахали руками. Замелькали знакомые лица.

“Буду ждать тебя на каникулы бравым юнкером”, говорил мнем отец на прощанье. В окно уходящего поезда, я видел его в черкеске с откинутым назад алым дагестанским башлыком. Адам и Шерип махали папахами.

Отца и этих всадников я видел в последний раз: отец умер весной, простудившись на балу в Кисловодске.

В последнюю минуту Омар вскочил в вагон и проехал со мной до ст. Кая-Кент. Омара я тоже никогда больше не увидел...

Уже здесь, в эмиграции, как-то раз одна мысль поразила меня: как же так могло случиться, что я никогда впоследствии не сделал попытки отыскать его? Почему мнем ни разу не пришло на ум представить его себе где-нибудь в глухом, в бедном ауле. Представить себе нуждающимся, может быть больным. Как легко можно было порекомендовать его на место в том-же Кисловодске или к кому-нибудь в полку! Он несомненно вспоминал период жизни, когда он был моим другом. Ждал от меня весточки. Тяжело вздыхал и думал:

— “Нэт харашо!”

Конечно, меня увлекла новая жизнь: училище, полк, война, революция, но почему же и матери моей, женщинѣ доброй, никогда не пришло на ум напомнить мнѣ об Омарѣ.

А теперь... Как хотѣл-бы я крикнуть ему туда, на далекій Кавказ какое-нибудь слово привѣта... Но, увы, слишком поздно! Время прошло. Это самое время, которым мы не можем пользоваться и не дѣлаем во-время того, что нужно и легко сдѣлать.

Родители, учителя, воспитатели должны неустанно внушать молодежи, что от умѣнія пользоваться временем, многое зависит в жизни и что на старости лѣт большинство людей жалѣет о даром прошедшем времени.

Георгій Танутров

Париж

«Т В О Р И М Ы Я Л Е Г Е Н Д Ы»

(Продолженіе. См. тетр. 45)

IV.

Многіе из старых эмигрантов, вѣроятно, помнят, как у нас боялись, что скажет Европа, как мы были чувствительны к общественному мнѣнію Парижа или Лондона, как мы боялись прослыть варварами.

И Европа, видя, что ея мнѣніе производит такое сильное впечатлѣніе, уже, не стѣсняясь, принимала на себя роль строгаго ментора, вмѣшивалась в русскія внутреннія дѣла, обливала Россію грязью и щеголяла такими словами, как: кнут, Сибирь, мужик, указ и погром, — совершенно забывая свои республиканско-демократические грѣшки, свою жестокую эксплуататорскую колоніальную политику, свою расовую нетерпимость, своих черных, бронзовых и желтых рабов.

Но все это было тогда для Европы и Америки вполнѣ нормально, обо всем этом говорить, конечно, не полагалось и всего этого не видѣли или не хотѣли видѣть ни русскіе туристы, ни наши политическіе и расовые эмигранты.

Одним из самых главных и самых ужасных обвиненій, предъявленных русскому правительству, было обвиненіе в устройствѣ еврейских погромов.

Это обвиненіе имѣло невѣроятный резонанс во всем мірѣ и многочисленныя еврейскія колоніи, разсѣянныя по всему миру, вот уже полвѣка не перестают вспоминать и повторять эту легенду.

Еврейскому народу эта легенда была необходима по двум причинам.

Во-первых, потому что недовольные и обиженные ограничением в гражданских правах, евреи старались во что бы то ни стало дискредитировать царскую власть в глазах культурнаго міра; во-вторых, они не хотѣли, чтобы повсюду знали и думали, что простой русскій народ, **сам по себѣ**, по каким-то таинственным причинам не взлюбил еврейскаго населенія и дошел до того, что стал в дикой ярости распарывать перины и громить еврейскіе дома.

И если эта легенда не была опровергнута втеченіе долгих лѣт, когда царскіе архивы были недоступны для журналистов

и историков, то теперь, когда мы видѣли на совѣтской аренѣ, особенно в первыя пятнадцать лѣт, — десятки министров, сотни дипломатов, тысячи отвѣтственных комиссаров, сотни тысяч администраторов и чиновников еврейского происхожденія, че-рез руки которых прошла вся административная переписка ста-раго режима, всѣ министерскіе, губернаторскіе, жандармскіе и полицейскіе архивы, — то трудно, невозможно допустить, что циркуляры, распоряженія и рапорты об еврейских погромах не были бы найдены и не преподнесены всему миру, как без-спорное доказательство ужаснаго и варварскаго царскаго ре-жима.

Такое опубликованіе было бы не только огромным козы-рем в еврейских руках, оно было бы еще более крупным ко-зырем в руках совѣтской власти, старавшейся, особенно в пер-вые годы своего существованія, доказать всѣми способами, что царское правительство было угнетателем не только корен-наго русскаго населенія, но и всѣх народов, входивших в Рос-сійскую имперію и что большевики, выгнав жестокаго тирана, пролили свѣт в темную, отсталую страну.

И вот, не боясь, что ко мнѣ тоже пришьют ярлык анти-семита и черносотенца, я осмѣлюсь утверждать, что русское правительство и русская администрація еврейских погромов не устраивали.

Да и не могли устраивать.

Можно критиковать русскіе законы и можно с ними не соглашаться, но нельзя отрицать, что эти законы исполнялись в монархической Россіи с такой пунктуальностью, с какой не исполнялись, да и не исполняются во многих демократических странах.

Но не будем голословны.

Я долго искал среди воспоминаній и свидѣтельских раз-сказов, точных неопровергимых доказательств того, что по-громы в Россіи были организованы царским правительством, или в лучшем случаѣ, происходили при преступном и наро-читом попустительствѣ мѣстных властей, но кроме весьма туманных предположеній, подозрѣній и догадок заинтересован-ных и пострадавших лиц, — не мог найти ни одного факта, который составил бы обвинительный акт такой важности.

Но, в концѣ концов, я натолкнулся на историческіе ме-муары, безпощадно разоблачающіе антисемитскую политику послѣдняго царствованія, компетентность автора которых в этом больном вопросѣ не может вызывать никаких сомнѣній.

И вот, как это ни странно, указанія на антисемитскую по-литику Николая II мы находим в воспоминаніях... самого главы этого правительства, графа Сергѣя Юліевича Витте, рукописи которого, послѣ смерти автора, были скрыты и тайно переве-зены его женой во Францію и опубликованы уже послѣ ре-волюціи.

Кто читал эти необычайно интересные мемуары крупнаго русскаго сановника, почти неограниченаго первого министра

двух царствованій, не может не замѣтить желчной слоны опаль-
наго вельможи.

Он не щадит ни царя, ни великих князей, ни своих коллег по совѣту министров, ни вліятельных царедворцев. Его воспоминанія являются безпощадным обвинительным актом, направленным против Николая II и его ближайших сотрудников и эта книга может украсить любую коммунистическую библиотеку.

В этих воспоминаніях, в которых автор, дѣлая обзор двух царствованій, рисует революціонные дни 1905 года, передает перипетіи государственных реформ, вскрывает тайны иностранной политики и русско-японской войны, он также отводит почетное мѣсто еврейскому вопросу, которым он все время козыряет, стараясь не только очернить царское правительство, но и выставить себя, как единственного русского ministra, защищавшаго еврейскіе интересы и всегда стремившагося к полному равноправію еврейскаго населенія Россіи.

Женатый на евреѣкѣ, которую не принимали в высшем петербургском обществѣ, и связанный, — сначала по своей частной службѣ, а потом, как министр путей сообщенія и министр финансов, с еврейскими банкирами и магнатами индустріи, Витте все время находился в сфере еврейскаго вліянія, не скрывал своих симпатій к угнетенному народу и не раз являлся посредником, через которого международное еврейство пыталось вырвать из царских рук равноправіе своих единовѣрцев.

Он сам разсказывает о многочисленных еврейских делегаціях, которые посѣщали его заграницей, он разсказывает об ультиматумѣ, поставленном ему еврейскими банкирами, когда он приѣхал в Париж заключать русскій заем: — “Мы проведем ваш заем, заявили они, если царь даст равноправіе нашему народу”.

И, наконец, он передает исторію, которой трудно было бы повѣрить, если бы в книгѣ не были воспроизведены официальные документы.

Когда послѣ длительных и драматических переговоров в Нью-Йоркѣ по заключенію русско-японского мира, Витте, в концѣ концов, сломил упорство японских делегатов и мир был подписан, он поспѣшил выразить президенту Соединенных Штатов признательность за посредничество и помочь, которая Теодор Рузвельт оказал Россіи и ему, Витте, как чрезвычайно-му послу.

На что президент заявил, что и он, с своей стороны, хотѣл бы попросить царя исполнить его просьбу и дать право американским евреям, подобно другим американским гражданам, свободного вѣзда в Россію.

“Наканунѣ моего отѣзда, — разсказывает Витте, — Рузвельт передал мнѣ свой отвѣт на письмо Николая II, в котором царь благодарит президента за то давленіе, которое тот оказал при мирных переговорах.

В этом отвѣтѣ президент указывает царю, что по договору 1832 года американскіе подданные имѣют право свободнаго

въїзда на територію Россії. Но, повидимому, пишет Рузельт, русское правительство трактует этот пункт совсѣм иначе. За послѣдніе годы стало правилом дѣлать разницу между американскими гражданами и отказывать в визѣ американцам еврейского происхожденія.

С таким различіем американцы никогда не согласятся. И, чтобы поддержать дружескія отношенія между двумя странами, необходимо, чтобы русское правительство уничтожило этот обычай, достойный порицанія.

Я передал это письмо государю, — пишет Витте, — и он, в свою очередь, передал его министру внутренних дѣл.

Я, в качествѣ предсѣдателя совѣта министров, создал специальную комиссию для изученія этого вопроса и несмотря на то, что эта комиссія постановила возстановить спорный параграф русско-американского договора, практических результатов не получилось и все осталось по-старому. Правительство Соединенных Штатов порвало русско-американскій договор и мы потеряли дружбу американского народа".

Как жаль, что ни у Витте, ни у Николая II нехватило чувства юмора.

Они могли бы спросить Рузельта, почему же негры, будучи полноправными американскими гражданами, должны как скотъѣздить в специальных вагонах, єсть в специальных ресторанах, жить в специальных отелях и кварталах, и которых при благосклонном сочувствіи правительства линчевали, если они осмѣливались ухаживать за американскими гражданками с бѣлым цвѣтом кожи.

И что было бы с русско-американским договором, если бы какой-нибудь племянник Негуса, получив высшее образованіе в Россіи и русское подданство (подобно Арапу Петра Великаго) был бы назначен императорским послом в свободную Америку?

Я привел эти чрезвычайно любопытные исторические эпизоды исключительно для того, чтобы показать, что иностранные государства вмѣшивались во внутреннія дѣла Россіи, что еврейские банкиры шантажировали царское правительство, что международное еврейство старалось всѣми способами добиться полных прав для своих единоплеменников, что оно было в курсѣ всего того, что относилось к этому больному вопросу и что Витте был энергичным защитником угнетенного еврейского населенія.

И если бы царское правительство, дѣйствительно, провоцировало и организовывало еврейскіе погромы, то невозможно допустить, что от этих организацій в министерских архивах не накопилось бы груды компрометирующих документов, существование и содержаніе которых не были бы извѣстны самому главѣ этого правительства — графу Витте.

Несмотря на очевидное желаніе обвинить Николая II в погромной политикѣ, опальный вельможа не только не помѣщает в своих мемуарах копіи какого-нибудь официального рапорта, циркуляра, донесенія, относящагося к еврейским погро-

мам, но и не приводит ни одного разоблачающего разговора, который мог бы имѣть мѣсто, когда он был предсѣдателем совѣта министров.

Витте только один раз упоминает об еврейских погромах в Кіевѣ и Одесѣ, которым он был личным свидѣтелем, но которые произошли тогда, когда он еще не был министром, — в самом началѣ царствованія Александра III.

Он утверждает, что правительство не возбуждало населенія против евреев, и что погромное движение было **стихійно**.

Власть тогда, пишет Витте, без колебанія и с твердостью разгоняла разнозданнія народныя массы и градоначальник Одессы Коцебу, повел безпощадную борьбу против погромщиков, вплоть до штыковых атак.

Вот в этом то словѣ **стихійно**, вѣроятно и заключается разгадка еврейских погромов.

Если в спокойные восьмидесятые годы погромы могли вспыхивать стихійно, то невольно напрашивается вопрос, почему же в тревожных девяностых годах, правительству нужно было организовывать и подталкивать темнія народныя массы?

В эту революціонную эпоху громили не только еврейскіе магазины, но также жгли и грабили барскія усадьбы, на спасеніе которых **тоже** не хватало поліції и **надежных** войск.

Помѣщики также могли бы обвинить красную сотню в подстрекательствѣ, а правительство в преступном бездѣйствіи.

Ну, о помѣщицких погромах говорить как-то неудобно.

Во время царских маневров в 1911 году под Кіевом, пишет в своих воспоминаніях генерал Деникин, в кіевском театрѣ революціонер Багров тяжело ранил главу правительства П. А. Столыпина. Ночью три казачьих полка, из состава маневрирующих войск, **спѣшно были посланы в Кіев для предотвращенія ожидавшагося еврейскаго погрома**, так как Багров был евреем.

И когда граф Витте, в самом разгарѣ революціи 1905 года, был не только главой правительства, но и настоящим диктатором, Николай II в письмах к своей матери, вдовствующей императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, застрявшей тогда в Копенгагенѣ, передает трагическія перипетіи этих кровавых и бушующих дней.

“Ты мнѣ пишешь, милая мама, чтобы я оказал полное довѣріе Витте. Я могу тебя увѣрить, что с моей стороны, я дѣлаю все возможное, чтобы облегчить его тяжелую задачу. И он это чувствует.

Но я не могу от тебя скрыть извѣстнаго разочарованія в отношеніи Витте.

Всѣ думают, что это человѣк страшно энергичный и деспотичный. И что вскорѣ он себя покажет и прежде всего наведет порядок.

Он мнѣ сам сказал в Петербургѣ, что в момент опубликованія Манифеста 17-го октября, не только можно, но и должно рѣшительно провести реформы и не допустить насилий и беспорядков.

Но результат получился обратный. Манифестации начались повсюду, вылились в еврейские погромы и закончились разгромом помѣщичьих усадеб” (письмо от 10-го ноября 1905 г.).

А в письмѣ от 27 октября 1905 г. Николай II, объясняя вдовствующей императрицѣ причины еврейских погромов, как взрыв возмущенія патріотической массы населенія против нагости революціонных агитаторов, девять десятых которых состояло из евреев, добавляетъ:

“В Англіи, конечно, пишут, что эти беспорядки были организованы полиціей, повторяя, как всегда, эту старую, всѣм известную сказку”.

Когда в одну из заграничных поѣздок, Витте посѣтила очередная еврейская делегація и умоляла его, как можно скорѣе, добиться полноправія для своих единоплеменников, он отвѣтил, что к сожаленію надо дѣйствовать постепенно, этапами, иначе рѣзкая реформа в этом вопросѣ может вызвать народныя волненія.

Но исторія, увы, повторяется.

Царскаго правительства давно уже нѣт, погромы, которые за двадцать лѣт до послѣдней войны, не раз происходили в восточной Европѣ и даже в Бухарестском университѣтѣ, резонанса никакого не имѣли, и о них почему то евреи никогда ничего не говорили. И только сравнительно недавно на французском языкѣ, в издательствѣ Ферензи, появился роман Сержа Груссарда “Погром”.

Этот погром на сей раз происходил не в царской Россіи, а в 1946 году в Триполитаніи и был устроен, по словам автора, арабами, при преступном бездѣйствіи англійских оккупационных войск.

Несмотря на кошмарныя сцены, которым могли бы позавидовать драматурги “Гран-Гиньоля”, автор успѣха не имѣл.

Название, конечно, сдѣлало свое дѣло, но общественное мнѣніе Европы, и в особенности общественное мнѣніе Англіи, не реагировало, и этот роман не произвел никакого впечатлѣнія.

Англичане, как всегда, взирают равнодушно, на всякую критику и продолжают свою вѣчную, традиціонную политику “коварнаго Альбиона”, которая, не считаясь ни с измѣной своему слову, ни с какими либо сентиментальными побужденіями, всегда идет только по пути своих національных и имперіалистических интересов.

И в этом их главная государственная сила.

Ах, если бы Серж Груссард родился на 20-30 лѣт раньше и описал бы еврейскій погром в Россіи, то тогда... его книга имѣла бы колоссальный успѣх, возмутила бы весь цивилизованный мір и заставила бы русскую интеллигенцію прятаться от стыда.

Ну, а с англичанами... все это немножко сложнѣе.

Евреи были совершенно правы, в своей ненавистки к царскому режиму, — правительству, которое само толкало их (главным образом добивающихся своего уравненія в граждан-

ских правах) в первые ряды русских революционных организаций.

Конечно ограничение в гражданских правах и черта освободности были несомненной несправедливостью, тем более, что все так называемые инородческие элементы пользовались всеми правами коренного русского населения, но это еще не оправдывало тех обвинений, направленных против национальных, патриотических элементов нашего культурного общества, которых еврейские агитаторы называли черносотенцами и "жидоедами".

Разве мы все не восхищались в Петербургъ пением Давыдова, Тартакова, Сибирякова — артистов Мариинского Императорского Театра и солистами-виртуозами его оркестра Ауэром и Вольф-Израилем?

Разве мы не аплодировали в Малом (Суворинском) театре замечательному драматическому артисту Тинскому?

Разве мы не ценили режиссера-новатора Императорского Александринского театра, Мейерхольда?

Разве композитор, основатель и директор Петербургской консерватории, Антон Рубинштейн, не был нашим кумиром?

Разве скульптура Антокольского, Гинзбурга, Аронсона и картины Левитана не красовались на почетном месте в наших государственных музеях?

Разве тысячи еврейских врачей не практиковали с большим успехом в столицах и главных городах Россіи?

Разве в судах мы не восхищались блестящими защитительными речами Винавера, Грузенberга, Пассовера, Мандельштама, Захарія Рапопорта, и разве сотни других еврейских юристов не состояли в русском адвокатском сословії?

Разве даже петербургская пресса не была на добрую половину в руках еврейских журналистов? — И даже в цитадели монархії, в пресловутых Суворинских газетах, которые в еврейских кругах считались черносотенными и антисемитскими, разве не работали ежедневно, регулярно пять крупных журналистов еврейского происхождения?

Разве в Петербургъ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ, еврейские банкиры и коммерсанты не катались, как сыр в масле, и не наживали миллионы полнокровных, золотых рублей?

Разве был бы в Россіи возможен случай с знаменитой артисткой, мулаткой Жозефиной Беккер, которая послѣ триумфального и долголѣтняго пребыванія во Франціи и Европѣ, вернувшись на родину в свой Нью-Йорк, должна была 10 часовъѣздить в такси, в тщетныхъ поискахъ ночлега? — Так как во всѣхъ отеляхъ, при видѣ ея смуглого лица, ей вѣжливо заявляли, что, к сожалѣнію, всѣ комнаты уже заняты.

И это произошло не полвѣка тому назад и не в варварской монархической странѣ, а незадолго до послѣдней войны в республиканской, демократической Америкѣ, где между прочим и до сих пор существуют отели, вход в которые еврейским клиентам строго запрещен.

Развѣ в старой Россіи возможно было дѣло капитана Дрейфуса?

Кто мог, кто смѣл, подозрѣвать или только относиться с холодком к знаменитому покорителю Самарканда, генералу Кауфману-Туркестанскому, или к командующему юго-западным фронтом великой войны, Иванову, только потому, что в их жилах текла еврейская кровь?

В книгѣ своих воспоминаній "Путь русскаго офицера", генерал Деникин пишет:

"Из моего и двух смежных выпусков Академіи Генерального Штаба, я знал лично семь офицеров еврейскаго происхождения, из которых шесть, ко времени міровой войны, достигли генеральскаго чина.

Проходили они службу нормально, не подвергаясь никаким стѣсненіям служебным, или непріятностям общественнаго характера".

А автор весьма любопытной книги "Генерал-Евреи" М. Грулев описывает свой жизненный путь **избранный добровольно и по личному вкусу**, — от хедера дикаго еврейскаго мѣстечка до генерала Генерального Штаба.

Стыдно говорить о махровом русском антисемитизмѣ и раз навсегда надо снять с царскаго правительства позорное клеймо организатора еврейских погромов.

Да, антисемитизм, хотя и в очень слабой степени, дѣйствительно существовал в извѣстных слоях русскаго общества, как он существовал и существует до сих пор во всѣх самых культурных и прогрессивных странах міра.

Да, погромы были в Россіи, как они происходили и происходят во всѣх странах, гдѣ патріархально одѣтые и говорящіе на жаргонѣ евреи, занимающіеся, главным образом, коммерціей и спекуляціей, тѣсно сожительствуют с простыми, отсталыми и невѣжественными народами.

Но этот вопрос уже выходит из рамок моей темы и я его предоставлю для разрѣшенія лицам, болѣе компетентным и лично заинтересованным.

V.

Кромѣ по праву недовольных, обиженных, униженных и оскорблennых, кромѣ той массы, в которой бродила и поднималась революція, русскіе культурные классы были полны так называемыми передовыми элементами, снобириющими беспочвенными прогрессистами.

И, если сейчас здѣсь заграницей, мы с удивленіем наблюдаем, как аристократы, миллионы, высшіе представители западного духовенства, извѣстные писатели, знаменитые художники и артисты, — люди стоящіе на верхушкѣ общественной лѣстницы и пользующіеся всѣми земными благами, — с энтузиазмом аплодируют всему, что продѣлывают коммунисты в Россіи, то нужно ли удивляться, что полвѣка тому назад, таких либералов в нашей странѣ насчитывалось сотни тысяч.

Всѣ тогда жонглировали передовыми, красными идеями, всѣ кокетничали с революціей, представляя ее чѣм-то смѣлым, прекрасным и, главное, не затрагивающим их личных интересов и их барского положенія.

“В хорошем хозяйствѣ всякая дрянь пригодится”, — как-то сказал “геніальныи циник” Ленин.

И революціонеры, согласно этому афоризму, подбирали гдѣ только было возможно эту русскую “дрянь”, которая, дѣйствительно пригодилась, как горючий матеріал для первых большевистских костров.

Ставка революціонеров на культурные круги русского общества, хотя и не была логична, оказалась вполнѣ правильной.

Революціонеры, чтобы выиграть время, шли по линіи наименьшаго сопротивленія.

Пропаганда среди малограмотных, религіозных и консервативных крестьян была чрезвычайно трудна и весьма опасна.

Рабочій класс был еще очень малочислен и неорганизован и только интеллигенція представляла то благодатное поле, на котором можно было развернуть ассортимент соблазнительных идей, на которое можно было смѣло бросать сѣмена “разумнаго, доброго, вѣчнаго” и с котораго впослѣдствіи можно было снять богатый революціонный урожай.

И русское прогрессивное общество полностью оправдало эти надежды.

Эти фронтирующіе слои нашей интеллигенціи не только сочувствовали красным передовым идеям, они сами, при первом боевом революціонном кличѣ встали в бунтующіе ряды и с энтузіазмом привѣтствовали Февральскую революцію, в которой простой народ играл лишь роль послушнаго и даже растеряннаго статиста.

Если в 1905 году, послѣ неудачной и даже позорной Русско-Японской войны, повсюду поднялся возмущенный народ, который в одном стихійном порывѣ — грабил, жег, убивал и дѣйствительно создавал атмосферу настоящей народной революції, то в февраль 1917 года революція была исключительно дворянской, купеческой и интеллигентской.

Сколько было тогда потрачено усидій, уговоров, переговоров, сколько было тогда бурных совѣщаній, засѣданій, митингов, сколько понадобилось нашим демосфенам ораторскаго пафоса, чтобы разложить и поднять петроградскіе полки, сколько было неувѣренности и колебаній и как робко и боязливо, в первые дни марта, держали себя солдаты, насколько они себя чувствовали неувѣренными и как они старались группироваться около Государственной Думы, как бы снимая с себя отвѣтственность и ища авторитетнаго покровительства и руководства.

Кто в эти дни был на улицах Петрограда, должен помнить эти первые, неувѣренные, колеблющіеся шаги.

Так народная революція не начинается. Революцію не раскачивают, революцію не подталкивают, революцію не уговаривают.

Революція — это шквал, это стихія, это долго дымящійся вулкан, который вдруг прорвал, запылал огнем и стал с бѣшеным извергать смертоносную, всепожирающую лаву.

Революція — это вздутая, переполненная, бушующая, рычащая рѣка, которая под натиском водных масс разрывает плотины, с корнем вырывает столѣтнія деревья, сметает, как карточные домики, побережная строенія и заливает все на десятки верст.

Ничего подобного в февральскую революцію мы не видѣли, ничего мало-мальски похожаго на революцію тогда не происходило.

И только послѣ того, когда улицы столицы стали заполняться ликующими толпами нашей интеллигенціи, наших бар, наших офицеров, когда вышел приказ № 1, уничтожающей дисциплину и армію, когда пошли слухи о дѣлежкѣ земли и солдаты принялись толпами дезертировать, — медленно с опаской, с оглядкой, стали подниматься народныя мужицкія массы.

Вот почему так восхищались и даже хвастались февральской революціей, называя ее безкровной.

Она и в дѣйствительности была замѣчательная и безкровная, потому, что она вовсе и не была революціей, а лишь подобіем государственного переворота, когда из слабых, очень слабых царских рук выпал скіпетр и его подобрали безответственные демагоги.

Споры, ссоры, борьба за власть шли тогда в очень ограниченном кругу наших депутатов и наших революціонеров, которые, как крысы, сбѣжались со всѣх углов Россіи и Европы, чтобы полакомиться царским пирогом и отхватить кусочек послаще и побольше.

Когда теперь, в наши дни, мемуаристы и историки пытаются возстановить и объяснить ход событий этих трагических дней Россіи, — они с упоением, захлебываясь, передают, что сказал Милюков Керенскому, что с возмущенiem заявил Шингарев, с чѣм не был согласен Чхеидзе, какое бурное засѣданіе произошло в такой-то комиссіи Таврическаго дворца и, придавая этой болтовнѣ огромное историческое значеніе, стараются доказать, что она имѣла или могла имѣть то или иное влияние на тогда развертывавшіяся события.

Всѣ эти волненія, споры, драматическая засѣданія — или гдѣ-то очень и очень далеко, совсѣм в сторонѣ от всего того, что происходило тогда на улицах нашей столицы.

Они, эти симпатичные интеллигенты, политически совершенно не воспитанные, с легким сердцем привѣтствовавши разрушение власти и **полицейского аппарата**, не понимали, что дюжина вооруженных и рѣшительных “желѣзняков” имѣет гораздо больше значенія, чѣм их профессорское краснорѣчіе и депутатское званіе.

В тѣ времена Петроград бурлил и кипѣл, напоминая Вавилон, когда каждый день вокзалы выбрасывали на столичную мостовую сотни очень странных пассажиров, наспѣх по-

бросавших свои мѣстечки и свою мизерную мѣстечковую жизнь, чтобы как можно скорѣй принять активное участіе в государственном управлении и занять вакантные отвѣтственные посты.

Вся грязная накипь россійских городов, армія бандитов, дезертиров, авантюристов, полуграмотных доморощенных марксистов, — залила величественные проспекты царственного Петербурга и началась та свистопляска, которая выдавала себя за народную революцію.

Но вся остальная необъятная Россія и весь русскій народ продолжали жить повседневной жизнью, оставаясь лишь зрителями того необыкновенного спектакля, который разыгрывался на берегах Невы, под руководством неопытных и все время мѣняющихся режиссеров.

Я хочу разрушить еще одну легенду и доказать, что **огромная масса простого крестьянского населения, ни в февральской, ни в октябрьской революціи не участвовала**, и что вся вина за разрушу русского государства, результатом которой оказался сталинскій режим, цѣликом падает на наши культурные и привилегированные классы.

Эта столь долгожданная революція подготовлялась и провозглашалась во имя народа, для народа и была совершена помимо народа и против народа.

VI.

Революціонеры в сущности никогда не стремились к благу русского народа, которое было для них лишь удобным широким знаменем, прекрывающим их личные, партійные и интернациональные интересы.

Революціонеры не только не помогали русскому крестьянству осуществить его заповѣдная желанія, его житейскій идеал: **получить землю в достаточном количествѣ, в одном участкѣ и в полную собственность** и создать нормальную сытую жизнь (на подобіе американских и французских фермеров) — но, наоборот, всякий раз, когда таковая возможность начинала приближаться или осуществляться, они торопились засунуть палку в колеса крестьянской телѣги.

Столыпин был убит за свою дерзкую мечту — осуществить земельную реформу и разбить общинныя угодья на отдельные, самостоятельные хутора.

Коммунисты сами признают, что если бы столыпинскій проект был осуществлен — революція в Россіи или, точнѣе, появление их у власти, были бы невозможны.

Всякій раз, когда поднимали в правительственный кругах вопрос об уничтоженіи крестьянской общины, либерально-революціонныя газеты поднимали невѣроятный шум.

Революціонеры отлично понимали, что русскій мужик, как и всякий землевладѣлец, — собственник по натурѣ, что получив землю в полную собственность, он устроит свою энергію и в короткій срок станет зажиточным и даже богатым.

И тогда... тю... тю... русская революція со всѣми своими прянками.

Поход на разбогатѣвших крестьян начался еще задолго до революціи и слово "кулак" тоже было революціонным клеймом, которое позорило русскую енергію и русское трудолюбіе.

Русскій крестьянин уже давно мечтал избавиться от государственной опеки, от общинной системы, которая связывала его предпріимчивость по рукам и ногам, и, особенно, он мечтал о добавочном нарѣзѣ пахотной земли, об уничтоженіи чрезполосицы и о банковом кредитѣ, который вырвал бы его из лап ростовщиков и спекулянтов.

Междуд прочим, этот столь необходимый для сельского хозяйства кредит был уже осуществлен незадолго до войны, стананіем графа Витте, создавшаго при Государственном банкѣ "Отдѣленіе мелкаго кредита".

За десять лѣт его существованія уже тысячи крестьянских общин получили в безпроцентное и в безконтрольное пользованіе значительныя суммы и результат уже, через три-четыре года, превзошел самыя радужныя ожиданія.

Русскому мужику помимо земли всегда нехватало маленькаго оборотнаго капитала. Он всегда был принужден за безцѣнок продавать и свой хлѣб и свою живность, чтобы заплатить подати и сдѣлать необходимыя покупки в городѣ.

И всякий раз, когда в его руки попадала мало-мальски значительная сумма денег, он быстро начинал богатѣть, постепенно превращаясь из бѣдняка в середняка, из середняка в кулака, а потом иногда вылѣзал и в ряды именитаго купечества.

И вот, получив эти первыя оборотныя средства от Государственного банка, деревня не только быстро избавилась от ростовщиков и недоимок, — она стала покупать племенной скот, сельско-хозяйственные машины, создавать кооперативы и даже строила на свой собственный счет школы и прочія общественныя зданія.

К сожалѣнію, война и революція помѣшали развитію этого остроумнаго плана графа Витте, создававшаго, с проектом Столыпина, тот фундамент, на котором должна была бы быть построена новая крестьянско-буржуазная Россія.

Эти двѣ реформы могли создать то сильное, здоровое и консервативное ядро русскаго народа, о которое разбились бы и демагогическая пропаганда и не совсѣм чистыя волны интернациональной революціи.

И если всѣм было извѣстно о проектѣ Столыпина, который преступно остался на бумагѣ, то о реформѣ Витте, уже с огромным успѣхом проводившейся в жизнь, знали и слышали очень немногіе. Ею наши прогрессивные интеллигенты не интересовались и о ней наша либеральная пресса никогда ничего не писала.

Вот во всем этом и только в этом заключалась крестьянская политическая программа и вот как мужики понимали знаменитый революціонный лозунг — **Земля и Воля**.

Землю в достаточном количествѣ и в полную собствен-

ность, — **волю**, — свободно и безконтрольно распоряжаться результатом своего труда.

Все остальное: мужицкая мистика, народное мессіанство, утверждение, что русский народ богоносец и “любит страдать” — интеллигентская белиберда или революционный пар, пускаемый время от времени, чтобы затуманить слабые мозги.

Все это прекрасно знали и учитывали большевистские вожди и потому, на первых порах своей власти, они охотно санкционировали захват и раздѣл крестьянами помѣщичьих, царских и государственных земель, понимая, что таким образом они приобрѣтают могучаго союзника в своей борьбѣ с реакционными бѣлыми арміями.

Все это, к сожалѣнію, упорно не хотѣли понять добровольческие генералы, карающіе мужиков “за присвоеніе чужого имущества”, отбирающіе у них “самочинно захваченные земли” и возстановляющіе помѣщиков в их “законных правах”.

Если бы Деникин, Юденич и прочіе вожди нашей контрреволюціи, обѣщав финансовую компенсацію крупным землевладѣльцам, стали раздавать крестьянам синіе нотаріальные акты на владѣніе уже захваченных земельных угодій, то они под своим командованіем имѣли бы не только худосочные офицерскіе отряды, а многочисленныя и могучія народныя арміи, которых бы смели с лица русской земли даже воспоминаніе о коммунистической заразѣ.

Но ничего не попишешь!

Какъ из добрая Николая II нельзя было сдѣлать Петра Великаго, ни даже Александра III, так и из честнаго Деникина трудно было выкроить смѣлаго реформатора и народнаго вождя.

Крестьяне, откровенно говоря, не хотѣли ни правых, ни лѣвых, отлично понимая, что курица зажаренная красноармейцем или бѣлогвардейцем, всегда остается его курицей.

Но они также понимали и чувствовали, что большевики — бандиты, которым вѣрить особенно нельзя, что нотаріальные акты куда солиднѣе и надежнѣе революціонных прокламаций и указов и что в концѣ концов, послѣ похмелья, если за разбитые горшки платить и не придется, то, во всяком случаѣ, черепки необходимо подобрать, у обиженнаго сосѣда просить прощенія и снова приняться за работу.

И вот, продолжая боронить и пахать, они пассивно ждали какого-то конца, который избавил бы их от военных набѣгов, закрѣпил бы за ними самовольно захваченная угодья и дал бы им возможность, наконец, послѣ трехлѣтней войны, вздохнуть полной грудью.

Долгое время огромныя, миллионныя массы сельского и городского населенія упорно отказывались принимать активное участіе в гражданской войнѣ.

Горожане, за исключением небольшого количества революціонно настроенных рабочих, оставались пассивными зрителями, а крестьяне лишь тогда (и очень рѣдко) помогали крас-

ным, когда хотѣли, выгнать бѣлых, и бѣлым, когда хотѣли избавиться от красных, — охраняя и защищая исключительно свои личные и мѣстные интересы.

Но проходили мѣсяцы, борьба продолжалась, о нотаріальных актах не было ни слуху, ни духу и мужичек, почесывая затылок, стал соображать: что если добровольцы побѣдят, то не видать ему земли, как своих ушей.

И вот Микула Селянинович со вздохом опустил свою переметную сумочку с "тягой земной" на равномѣрно качающіеся вѣсы гражданской войны и чаша с бѣлыми генералами стала подниматься все выше и выше, и мы... очутились заграницей.

Но большевики в концѣ концов надули Микулу Селяниновича и отобрали у него не только помѣщичью, кабинетскую и удѣльную землю, но и его собственную крестьянскую и сдѣлали из него земляного раба.

Но борьба за землю и за мужицкій идеал, — быть полным хозяином своей собственной земли, — продолжается и Микула Селянинович еще не сказал своего послѣдняго слова.

Если когда-нибудь будет написана история героической борьбы против возвращенія к крѣпостному праву, то эта исторія заполнит десяткиувѣсистых томов со страницами, покрытыми ужасом и кровью.

Несмотря на невиданную еще в мірѣ диктатуру, перед которой тираны прошлых вѣков кажутся пигмеями, несмотря на переполненные тюрьмы и страшные концентраціонные лагери, эта борьба продолжается и мечта о Землѣ и Волѣ остается по-прежнему мечтой русского земледѣльца.

И если коммунисты так упорно и беспощадно проводят свою аграрную политику, то эта политика объясняется не тѣм, что они находят колхозы и совхозы болѣе продуктивной формой сельского хозяйства, а главным образом тѣм, что при таких формах, весь контроль и вся продукція попадают в правительственные руки и что русскіе крестьяне, сдѣлавшись простыми рабочими этих гигантских зерновых фабрик, потеряют раз навсегда буржуазный инстинкт собственности и забудут свою вѣковую мечту о личном и полном хозяйствѣ.

Когда в 1922 году голод и невѣроятная экономическая разруха охватили всю Россію и растерянные большевистскіе вожди, прижатые к стѣнѣ, не знали, что сдѣлать, Ленин объявил передышку, — знаменитый в исторіи коммунизма НЭП.

В каких-нибудь два года страна буквально расцвѣла, наполнила пустой желудок и стала быстро обрасти жирком.

Как по мановенію волшебной палочки, открылись базары, рынки, склады, магазины, лавочки и лавченки, переполненные всевозможными и, главным образом, пищевыми товарами, залышились фабрики и заводы, застучали мастерскія и кустаріи и жизнь снова закипѣла и снова люди стали улыбаться.

И вот, несмотря на такой чудесный подъем, такое быстрое сздоровленіе и даже обогащеніе страны, компартія поспѣшила

ликвидировать НЭП, прия в ужас от этого буржуазно-капиталистического взрыва, от этого буржузного и всеобщего стремления к собственности и экономической свободѣ. Она быстро законопатила неудачно открытый клапан, и котел, в котором варилаас Россия, был снова герметически закрыт.

И подобно тому, как колективизация деревни имѣет главной цѣлью превращеніе крестьянства в пролетариат, так я утверждаю, что вся колossalная и лихорадочная индустріализація Россіи предпринята не только в интересах страны и даже не только в интересах арміи, а, главным образом, для того, чтобы, вырвав из деревни ея самый активный элемент, увеличить и усилить рабочій класс и тѣм создать противовѣс до сих пор огромному вліянію многомилліоннаго крестьянства.

Потому, что кремлевским мудрецам ненужно зажиточное, упрямое и консервативное крестьянство, а необходим бѣдный и рабски послушный рабочій класс.

Но инстинкт собственности и мечта о землѣ, несмотря на чрезвычайно высокую температуру, продолжает еще жить в крестьянском организмѣ.

Исторія этой долголѣтней борьбы, когда-нибудь передаст полностью (то, что мы знаем частично по рассказам очевидцев и по скучным и замаскированным сообщеніям совѣтской прессы) о тѣх кровопролитных возстаніях, о настоящих сраженіях, о массовом уходѣ в лѣса и горы, о партизанщинѣ, о деревнях и селах, снесенных с лица земли совѣтским артиллерійским огнем, о разстрѣлянных и сосланных, о всѣх тѣх народных героях, — **Русских резистантах**, которые так часто упоминаются в большевистских газетах, как бандиты, диверсанты, кулаки, наемники капиталистов, шпионаы и даже, как троцкисты.

Безпощадно уничтожив весь буржузный класс, срѣзав зажиточную, кулацкую верхушку деревни, спустив середняка под гору в бѣдняцкіе ряды, уменьшив личный придворовый участок до размѣров — “курицу некуда выпустить”, большевики все еще продолжают бороться с мужицкими буржуазными инстинктами, которые как трава все время пробиваются даже между камнями совѣтской мостовой.

П. Ельфимов.

ДѢЛА МИNUВШИХ ДНЕЙ

Клочки воспоминаний.

Прожив весьма долгую и, во многие периоды, не совсѣм заурядную жизнь, я сохранил в памяти довольно много различных обстоятельств, иногда, даже и не стоявших вниманія. Но какой нибудь пустяк, или мнѣ самому незамѣтная черта может познакомить читателя моих замѣток с положеніем или случаем, с которыми ему не приходилось сталкиваться в своей собственной жизни.

Однако, не стремленіе поучать кого-либо побуждает меня записывать то, что вспомнилось, а просто очень пріятно самому заглядывать в прошлую интересную жизнь и думать, что для воспоминаній есть еще порох в пороховницѣ... хотя и сильно отсыревшій.

Император Александр III-й в бытность свою Наслѣдником Престола прислал моему дѣду А. А. Краевскому большую серебряную миску, крышка которой представляла собою модель “Поповки”.

Эта миска сохранялась долго в нашей семье и погибла в сберегательной кассѣ, вывезенной послѣ революціи в Югославію вмѣстѣ со всѣми моими кубками и призами, полученными мною за времена моего увлеченія автомобилизмом. Все это, конечно, требует объясненія, так как мало кто теперь знает, кто такой был А. А. Краевский и что такое “Поповка”.

Начну с послѣдней. В концѣ царствованія Императора Александра Второго был полный адмирал Попов, извѣстный всей Россіи тѣм, что он не надѣвал фуражку, а носил ее в руках.

Даже на больших церемоніях можно было видѣть среди толпы военных его сѣдую голову, стриженную бобриком.

Ему это разрѣшалось из-за контузій или какой-то болѣзни.

В юной молодости и мнѣ пришлось его видѣть нѣсколько раз на улицѣ и в плохую погоду и зимой.

Этот адмирал Попов задумал построить броненосец совершенно круглой формы.

Идея была та, что он, стоя на мѣстѣ, вродѣ плавучаго форта, будет вращаться и стрѣлять из своих пушек безостановочно.

Передвигаться такое судно, конечно, должно было чрезвычайно медленно, но предполагалось, что ему незачѣм особенно удаляться от своей базы.

Против постройки таких броненосцев началась цѣлая кампанія, как в морских кругах, так и в печати.

Наслѣдник Престола, будущій Император Александр Третій, настаивал на постройкѣ таких пловучих крѣпостей.

Эту же идею проводил А. А. Краевскій в своей, очень вліятельной тогда, газетѣ “Полос”.

В концѣ концовъ было рѣшено построить два таких броненосца. Что и было выполнено.

Эти суда получили кличку “Поповки” и мнѣ пришлось на них любоваться в порту Севастополя, много лѣт спустя.

Эти неудачные постройки так никогда и не были примѣнены.

Так вот, в благодарность за поддержку идеи их сооруженія А. А. Краевскимъ была получена такая серебряная модель “Поповки” с двумя винтами в нижней части и точной копіей всѣх надпалубных сооруженій на крышкѣ, с трубами, пушками, мачтами и флагами.

Вполнѣ естественно, что такой подарок доставил особое удовольствіе молодому поколѣнію нашей семьи, а я по молодости лѣт допускался лишь к созерцанію этой миски, отнюдь не касаясь ея руками.

Андрей Александрович Краевскій был многоголѣтній издаватель газеты “Голос”, которая, первая из русских газет, примѣнила в большом количествѣ “Маленькия объявленія” и благодаря этому достигла полнаго процвѣтанія.

Я в раннем дѣтствѣ захватил еще ея существованіе.

Помню длиннѣйшій стол в редакціи, за которым сидѣли бородатые дяди, которых я старательно избѣгал, так как они часто пытались познакомить меня с азбукой: аз, буки, вѣди, глаголь и т. д.

Оную азбuku я понял только тогда, когда мнѣ объяснили ее по звуковому методу, а не перечисленіем странных названий букв.

В том же помѣщеніи редакціи была и редакція толстаго журнала “Отечественные Записки”, издававшіяся А. А. Краевскимъ вмѣстѣ с Н. А. Некрасовым.

Послѣдній жил в том же домѣ дѣда на углу Литейного проспекта (тогда Литейной улицы) и Бассейной, по этажом ниже, с другим входом по Литейному проспекту.

В этой же квартирѣ он и скончался, и в ней, по слухам, теперь организован Некрасовский музей.

А. А. Краевскій играл значительную роль в С.-Петербургской Городской Думѣ. Был одним из основателей “Литературнаго фонда” и “Театральнаго Общества”.

В связи с такой дѣятельностью у него собирались писатели и артисты обычно по воскресеньям.

Эти “воскресенья” продолжались и послѣ его смерти в том же помѣщеніи у его дочери, вышедшей замуж за В. А. Бильбасова.

Благодаря этому и мнѣ удалось повидать не мало выдающихся личностей.

Послѣдним редактором газеты “Голос” был муж дочери Краевскаго, Ольги Андреевны — Василій Алексѣевич Бильбасов — бывшій профессор исторіи в Киевскомъ университѣтѣ.

В. А. Бильбасов тотчас послѣ прекращенія изданія газеты посвятил все свое время и средства на составленіе исторіи Екатерины Второй.

У него образовалась специальная библиотека в 12.000 томов, содержащаяся им в удивительном порядке в особых специально заказанных шкафах и снабженная многотысячным карточным каталогом по всем отдельным вопросам, касавшимся его работы.

Он успел до своей смерти, в 1904 году, закончить весь труд, написав текст для двадцати томов.

Но издать ему удалось не много.

Первый том разошелся без остатка в очень короткое время, и имел огромный успех.

Со вторым томом случилась катастрофа.

Когда он был уже напечатан, то цензура на него набросилась из-за излишних подробностей смерти Императора Петра Третьего.

В. А. Бильбасову предложили изменить или вычеркнуть кое-что из написанного, на что он не согласился.

Тогда было постановлено сжечь все напечатанное.

Из типографии удалось спасти лишь несколько сброшюрованных экземпляров второго тома.

Эти экземпляры, таким образом, превратились в библиографическую редкость и любители вырывали их друг у друга.

Один из этих экземпляров сохранил Великий Князь Николай Михайлович, сам любитель и знаток русской истории. Он бывал у Бильбасова, а послѣ его смерти у его вдовы, довольно часто, запросто и неоднократно вступал в спор с Бильбасовым по поводу истории Федора Кузьмича.

Вел. Кн. Николай Михайлович, имѣвший доступ к самым секретным государственным архивам, твердо верил, что Федор Кузьмич и Император Александр I-й — одно лицо.

В. А. Бильбасов и его приятель, также историк, Николай Карлович Шильдер не были в этом уверены, и поэтому часто происходили горячие споры, при которых мнѣ случалось иногда присутствовать.

Послѣ неудачи со вторым томом своей истории царствования Императрицы Екатерины Второй, В. А. Бильбасов решил издать безошибочный двадцатый том, посвященный источникам и материалам для всего труда.

Том этот вышел в свет, но интерес его, конечно, ограничился кругами специалистов-историков.

В началѣ 1904 года Бильбасов серьезно захворал и, предвидя близкую кончину и опасаясь, что его работа, которой он посвятил более двадцати лет упорного и усидчивого труда, будет послѣ его смерти издана не так, как он предполагал и, с возможными изменениями, решил ее уничтожить.

Это выяснилось послѣ его смерти.

За послѣдние месяцы, при помощи лакея, он сжег в печи кабинета все свои рукописи.

Дожив он еще год и он свободно мог бы издать все свое сочинение, пользуясь облегченiem цензурных условий с 1905 года.

Несколько раз на моей памяти, к нам на дачу, прѣзжал Гончаров, автор «Фрегата Паллады».

Он был уже очень старый и внушил мнѣ, семилѣтнему мальчиш-

кѣ, основательный страх, особенно послѣ того, как я узнал о случайнѣ из его поѣздки на Кавказ, о котором он сам рассказывал.

На Кавказѣ он поселился, кажется, в Тифлисѣ на частной квартирѣ и нанял для своих личных услуг какого-то парня, рекомендованнаго хозяйкой квартиры.

В первый вечер парень приступил к исполненію своих обязанностей и помогал барину раздѣваться.

Все шло благополучно, но вот Гончаров вынул зубы и положил их в стакан с водою, затѣм он снял парик и положил на стол, но когда он вынул, свой стеклянный глаз, то парень закричал благим матом, убѣжал из дома и пропал безслѣдно.

Я привел здѣсь этот анекдотическій разсказ, который прочно держался в средѣ нашей семьи, но я прошу освободить меня лично от гарантіи за его достовѣрность.

В числѣ других пріятелей дѣда бывал у нас часто С. Л. Левицкій — один из первых по времени фотографов в Россіи.

Он имѣл огромный успѣх и сдѣлался придворным фотографом всей царской семьи.

Ему был отведен особый павильон для фотографіи у самаго Казанскаго собора на Казанской улицѣ, в котором он и жил со своей семьей.

Я помню его уже очень пожилым человѣком, когда он взапуски с писателем Дм. Вас. Григоровичем ухаживал у нас за знаменитой актрисой Александринаскаго театра М. Г. Савиной.

Мнѣ пришлось присутствовать при курьезном происшествіи во время одного из визитов Левицкаго.

В большой гостиной сидѣло человѣк пятнадцать-двадцать и Левицкій разсказывал о разных случаях из своей многолѣтней практики, касающейся всѣх высших кругов петербургскаго общества — клиентов своей фотографіи.

— Представьте себѣ, какой странный случай произошел у меня на-днях, — так начал он свой разсказ.

— Для три тому назад меня вызвали в одну высокопоставленную семью, гдѣ скончалась старая дама — глава семьи; чтобы снять фотографію перед ея похоронами.

Проявив дома стеклянныи негатив — очень удавшійся я поставил его на станок сушиться в сосѣдней комнатѣ и мы всѣ усѣлись за чайным столом.

— Вдруг... трах!..

При этих словах Левицкаго, у нас в салонѣ сорвался с окна тяжелый деревянный наличник от портьеры и угодил на большую китайскую вазу, стоявшую на подставкѣ у окна.

Ваза разлетѣлась вдребезги с большим треском.

Среди присутствовавших произошло замѣшательство.

— Представьте себѣ, — продолжал Левицкій, — когда я выскочил посмотретьть, что случилось, — оказалось, что этот цѣнныи и не-повторимыи негатив — разбит безнадежно.

Совпаденіе катастрофы с наличником и китайской вазой с разсказом Левицкаго о непонятной гибели негатива, вызвало, конечно, долгіе разговоры, но, к счастью, среди присутствовавших не оказалось

никого для признанія связі этих проишествій между собою и вління чортовиці на это дѣло.

Ми'кажеться, что многим теперь нейзвѣстно, как в концѣ восьмидесятых и в началѣ девяностых годов, происходило сниманіе фотографій.

Об искусственном освѣщеніи и даже о вспышках магнія, тогда еще и не мечтали.

Фотографіи любительской не существовало.

Профессиональныя фотографическая ателье имѣли обязательно довольно длинную комнату со стеклянным потолком на подобіе оранжерей.

Такое ателье было обыкновенно сооружено из бывшаго чердака. Удобств клиентам оно доставляло не много, так как зимой там мерзли, а лѣтом жарились.

Впрочем, от яркаго солнца была скользящая по потолку занавѣска и фотограф обычно довольно долго хлопотал, чтобы получить нужное освѣщеніе.

У одной из коротких стѣн комнаты находился цѣлый ассортимент декорацій, написанных сѣрой краской и представлявших собою или какіе-либо кусты, или балюстрады и окна.

Кромѣ того, были и натуральные предметы: кресла, диванчик и обязательно небольшой столик с нѣсколькими переплетенными книгами.

Такая книга давалась в руки наиболѣе серьезным клиентам.

Посреди комнаты стоял огромный фотографический аппарат, на тяжеленном стативѣ на колесах.

Этот аппарат имѣл внушительные мѣха вродѣ гармоники и большое черное одѣяло, скрывающее фотографа, пока он производил свои таинственные манипуляціи с наставленіем на фокус аппарата.

Объектив огромнаго размѣра, направленный на клиента, вродѣ пушки, приводил жертву в нужный транс.

Механическаго затвора у объектива не было, и он закрывался просто круглой крышкой, сняв которую, фотограф отводил ее в сторону и она служила для гипноза клиента, пока происходила съемка.

Съемка длилась весьма долго, так как чувствительность пластины была не велика.

Для того, чтобы во время этой операциіи клиент не особенно вертел головой сзади него устанавливалась особая металлическая рогулька на тяжелой подставкѣ.

Она обхватывала затылок снимаемаго и иммобилизовала его голову, отчего обычно у него вылезали глаза на лоб, что едва ли увеличивало требуемое сходство.

Иногда конец этой рогульки высывался из-за уха снимаемаго и потом фотографу приходилось заретушевывать на негативѣ или позитивѣ такой дефект.

По окончаніи съемки фотограф с касеткой удалялся в черную комнату, где проявлял и фиксировал свое произведеніе и, по окончаніи, выносил его на свѣт и показывал клиенту.

Операциія эта обычно требовала изряднаго количества минут, которых клиент проводил в волненіи, ожидая результата.

Очень часто приходилось все начинать с начала: то ли клиент пошевелился в неподобный момент, то ли фотограф промахнулся во время своих манипуляций, то ли подвело освещение, то ли не удалось нужные растворы.

Если все было благополучно, то фотограф назначал довольно долгий срок для предъявления "пробной" карточки, по одобрении которой, затем заказывалась дюжина.

Цена была различная, за снимок только с бюста или же во весь рост.

Вторым другом дома Краевского и Бильбасовых был Дмитрий Васильевич Григорович — автор "Антона Гогенки", "Корабля Ретвизана" и др.

Это был высокий, красивый старик, удивительно похожий, в последнее время, на портреты И. С. Тургенева.

Я помнил его, когда он еще не носил бороды, а ограничивался баками — пробравая подбородок.

Дм. Вас. бывал у нас почти каждое воскресенье.

Он был удивительный рассказчик и, если бывал в ударе, то во время обеда и всего вечера захватывал внимание всего многочисленного общества.

Иногда, какое-нибудь ничтожное событие или случайная встреча давали ему тему для увлекательного повествования и, если бы в таких случаях можно было записывать его слова стенографией, то возможно, что к его многочисленным сочинениям можно было бы присоединить еще несколько отпечатанных томов его произведений.

Он имел почему-то постоянное кресло во втором ряду в Михайловском театре на спектакли французской труппы по вторникам.

Однако, он редко пользовался своим билетом и, приходя к нам по воскресеньям, передавал его мне к моей великой радости.

Таким образом, я видел спектакли с самыми выдающимися французскими артистами, из которых многие бывали и у нас в доме.

Среди этих артистов бывал Люсьен Гитри — отец современного Саши, Дюмени — игравший в "Орленке" вместе с Сарой Бернар, из дам — Лего, красавица Баллете и многих других.

Репертуар французского театра в Петербургѣ был весьма разнообразный и каждую неделю ставилась новая пьеса.

Кроме серьезных пьес, ставились часто спектакли с веселыми и иногда рискованными сюжетами.

Кажется, что по молодости лѣт, я всегда опасался, как бы Д. В. Григорович не пошел сам на такие спектакли.

Но, к счастью, он предпочитал классические пьесы и ходил в театр редко.

A. П. Нагель.

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

“ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННИК”

Интересная встреча: 5-6 писателей царского времени и очень много писателей, прибывших “оттуда” и выбравших свободу. Как в кадрили, стоят друг против друга и испытующе смотрят.

И вот один из старых фарисеев начинает, многозначительно вздыхая, говорить о русской тоскѣ: “Тоска, как мнѣ кажется, сыграла громадную роль в нашей страшной революціи. Быть может, ради нея русскому народу и простится многое из того, что он сдѣлал с самим собою и со всѣм міром”.

Человѣк, всю жизнь бубнившій о революціи, теперь перебрасывает все на тоску. Это все равно, что поджигатель, учинившій пожар, сваливает на слишком сухой лѣс, из которого была сдѣлана изба.

Это — единственное мѣсто в сборникѣ, от которого коробит.

А прочее все — очень интересно. Интересна самая мысль: вернуться к сборникам, которые когда-то были очень популярны в Россіи. Моду на сборники ввел Горькій, создавшій сборники “Знанія”. Потом пошли: Шиповник, Земля, Слово, опубликовавшіе много серьезных и стоящих вещей.

Сборники имѣют способность оставаться на библіотечных полках.

В “Литературном Современнике” — 302 страницы и 64 автора. “Капитальной” вещи в такой обстановкѣ нѣт: брилліанта нѣт, а, как говорят ювелиры, есть “розочки”, но “розочки” сверкают и говорят, напр., об импресіонистской талантливости Ржевскаго, о болѣе классическом Андреевѣ и Родіоновѣ, о Горчаковѣ, о Яковлевѣ (миніатюры: самая трудная форма литературного творчества). Очень толков и добросовѣстен Бернер в своем разговорѣ с музами и уж очень многоглаголив Сергій Маковскій в своем архаическом очеркѣ о Коневском: 13 страниц при такой скучности мѣста, — упрек нерасчетливому редактору!

Очаровательны стихи Шишковой и Адамовича; остальные музыканты дуют в погребальные трубы (были такія у древних римлян), и нагоняют тоску, столь любезную старому поджигателю.

Жгуче интересен разсказ Ю. Поплавскаго о послѣдней встречѣ с Чайковским: вот кому бы отдать 13 страниц, зря израсходованыя на Кошевскаго.

Но главная соль сборника, как в каплѣ воды, сосредоточилась в слѣдующем “афоризмѣ” великаго мыслителя Пруткова, который сказал нижеслѣдующее:

— В критикѣ больше нужды, чѣм в стихах и прозѣ. Стихов и прозы в русской литературѣ было достаточно.

Можно вздохнуть спокойно: слухи о смерти Кузьмы были явно преувеличены. Кузьма — жив и бодро смотрит на вещи.

И мысль Кузьмы, как всегда, правильна: критика в эмиграціи дѣйствительно нужна. Адамович скрылся в американских журналах, которых в Парижѣ никто не читает, и на всю нашу округу остался один Андреев, который, по очевидной нерентабельности дѣла, пишет один раз в год. А меж тѣм литератору нужен непрерывный критический сквозняк. И тут Кузьма — прав. И, так как в сборникѣ есть в достаточном количествѣ образцы совѣтского критического искусства, то мы, пожалуй, остановились бы на трудѣ Гаева: чувствуется культура, хорошая динамо-машина, хотя сортировочная еще похрамывает. Но это ничего, са въяндра, как говорят “французы”, пріѣхавшіе из Рязанской губерніи.

Очень интересный сборник. Останется в “анналах”. Желаем всячески широкаго распространенія.

II. C.

H. H. ЕВРЕИНОВ: “ИСТОРИЯ РУССКАГО ТЕАТРА”.

7-го сентября исполнилось два года со дня смерти Н. Н. Евреинова. Незадолго до того, издательство имени Чехова выпустило его книгу “Исторія русскаго театра”.

“*Habent sua fata libelli*”. Судьбѣ этой книги было угодно, чтобы она сначала появилась на французском языке, в переводѣ Гюстава Вельтера(изд. du Chêne, 1948), а русский оригинал только в 1955, как посмертное произведение.

У нея имѣется подзаголовок: “С древнѣйших времен до 1917 года”

Первая глава называется “Обрядовый театр крестьянской Руси”. Глава вторая — “Церковный театр московской Руси”. А глава десятая и послѣдняя: “Новые течения в театральной мысли и сценическія исканія в предреволюціонный період (1905 - 1917)”.

Могут быть споры о том, слѣдует ли обряды древней Руси считать не фольклором, пе “театром для себя” (по мѣткому выражению того же Евреинова), а просто театром (я лично считаю, что нѣт!). Болѣе приемлемо опредѣленіе “Церковный театр московской Руси”, т. к. Православная Церковь, известная своими гоненіями на театр и актеров, все-таки сама создала хотя бы “*Печное дѣйство*”, которое уже есть пьеса, с диалогом, драматическим наростием и счастливым концом. “*Шествіе*” же “на осляти”, разбираемое автором данной книги, было ничѣм иным, как церковным обрядом, хотя Евреинов и считает, что в нем “театр в широком и безспорном смыслѣ этого слова был опредѣленно налицо”.

Можно и дальше кое с чѣм не вполнѣ соглашаться, можно даже отмѣтить — очень рѣдкія — ошибки (“Маскарад” Лермонтова репетировали не четыре года, а шесть лѣт!), хотя как же им не быть в таком обширном труда!.. Но книга эта на-рѣдкость насыщенная и интересная, притом не только для театралов, но и для любителей русской исторіи. Благодаря ей, заполнен пробѣл, о котором странно подумать, что он еще так недавно существовал. Ну, что знает русскій читатель за рѣдким

исключением, хотя бы, о крѣпостном театрѣ? Очень мало. А тут перед ним раскрываются страницы, увлекательныя, как роман, посвященный этой далеко не маловажной части русской исторіи.

А глава о лжено-классическом театре в Россіи и (справедливая) расправа автора с “кичливым” Сумароковым! А роль русских Царей и Цариц в качествѣ покровителей драматического искусства, короче говоря, — меценатов, а иногда, как, напримѣр, Екатерина Великая, и драматургов..

А Фонвизин... Если в наши дни не всѣ видѣли или читали “Недоросля”, то всѣ (надѣюсь...) слышали о нем. И тѣм и другим будет чрезвычайно интересно ознакомиться с многочисленными страницами, посвященными его автору.

Всѣм выдающимся лицам, имѣвшим отношеніе к русскому театру, отведено подобающее мѣсто. Причем дѣло не столько в величинѣ его, как в очень мѣткой характеристики их дѣятельности. Приводятся любопытные отзывы... напримѣр, критика провалившейся “Женитьбы”, в которой рецензент негодует по поводу ея “грубости” и “пошлости” и поздравляет публику с тѣм, что она “единогласно ошикала пьесу Гоголя, обнаружив всю свою тонкость и чувство приличія”.

Интересна история “Ревизора”, сюжет которого дал Гоголю Пушкин, но который необычайно схож с комедіей одного малороссійского автора. Но вѣдь и Мольер и Шекспир, вліяніе которых, кстати, на русскій театр несомнѣнно, чѣрѣдко заимствовали свои сюжеты у итальянцев и испанцев.

Благодаря новатору Гоголю, смѣг появиться Островскій с его большим бытовым репертуаром, затѣм Сухово-Кобылин и т. д.

В репертуар бытового театра внес вклад и Лев Толстой двумя пьесами: “Плоды просвѣщенія” и “Власть тьмы”. Пьесы, честно говоря, средня и, если бы онѣ написаны не были, русскій театр мало что потерял бы. Жуть берет, когда читаешь (или перечитываешь), с каким полным непониманіем Толстой безапелляціонно судит о Гете, Вагнерѣ и особенно, Шекспирѣ.

Чередуются портреты Щепкина, Каратахина, Мочалова (этого русскаго Кина — “Гений и безпутство”!), набросанные рукой опытнаго и талантливаго мастера.

Ближе к нам, Станиславскій и Художественный Театр, Чехов, Комиссаржевскій и Комиссаржевская, Мейерхольд... бывшій, кстати, чистокровным иѣмцем. Мнѣ приходилось слышать мнѣніе, что Евреинов слишком рѣзко напал на Мейерхольда. Я с этим не согласна. Мейерхольд погиб лютої смертью у большевиков. От этого можно содрогнуться. Мейерхольд был талантливым режиссером-новатором. С этим нельзя не согласиться. Но у него имѣются большие грѣхи перед русским театром, которые историк послѣдняго не имѣет права замалчивать. Если Евреинов освѣщает его отрицательныя черты, принесшія огромный вред хотя бы той же Комиссаржевской (которую Н. Н. считает геніальной), то нельзя проглядѣть строк, говорящих о том, что Мейерхольда “чила не только вся молодежь, но и всѣ передовые дѣятели искусства”, или что “он умѣл импортировать своим неоспоримым талантом, своими новыми, свѣжими, такими соблазнительными идеями...”.

Послѣ постановки “Маскарада” в Александрийском театрѣ,

очарованные зрители говорили о Мейерхольдѣ: — Это же подлинный талант, каких мало!

“И они были совершенно правы”, — добавляет от себя Евреинов.

Читая эту объемистую книгу, невольно думаешь: как хорошо, что “Исторію русскаго театра” писал такой стопроцентный театральный дѣятель, как Евреинов, режиссер, драматург и философ театра!

Пора Лидарцева.

ІДЕАЛИЗАЦІЯ ОПРИЧНИНИ

“Царствованіе Ивана Грознаго памятно Россіи во всѣх отношеніях: памятно по расширенію ея предѣлов, по ея страданіям и по необычайности добродѣтелей, вызванных самими страданіями” — писал Хомяков в своей работе “Тринадцать лѣт царствованія Ивана Васильевича”. “Эпоха Ивана Грознаго отличается не только блестящими завоеваніями, земельными реформами, установлением ѿвернаго торго-ваго пути и введеніем самодержавнаго правленія — царствованіе Ивана Грознаго отмѣчено усиленіем культурной и литературной дѣятельности”, — пишет больше чѣм через сто лѣт Юлія Сазонова в своей “Исторіи русской литературы” (Издательство имени Чехова, 1955 г.).

Но не только за этот период, а за все время, прошедшее с эпохи Грознаго Царя, его личность служила предметом напряженного интереса, догадок и толкований писателей, поэтов и историков, — и навѣрное навсегда останется объектом любопытства потомков эта жуткая и грандиозная, отталкивающая и притягательная фигура, самая поразительная из всего, что дала миру Московская Русь. Недаром писали о нем А. К. Толстой, Лермонтов, Мей, Островскій, Михайловскій, Карамзин, Костомаров и Соловьев, и только что Сергѣй Максимов, и ни в какой мѣрѣ не могли исчерпать сюжета. Характер Иоанна Четвертаго как будто нарочно создан для того, чтобы заранѣе обрекать на неудачу всякую попытку упрощенного или схематического объясненія.

Когда иной историк или романист пробует его представить просто кровожадным звѣрем, мы невольно чувствуем несправедливость такого подхода. Иван Васильевич безспорно был человеком богато и многосторонне одаренным, не только тонким и хитрым политиком, но и мощным мыслителем, создателем собственной концепціи власти и долга неограниченного монарха, не только имѣл прекрасное для своего времени образование и умѣл писать и говорить по-русски с настящим мастерством и блеском, но и был надѣлен великодушным чувством юмора, принимавшим, правда, весьма нерѣдко у него зловѣщій оттенок. Он был, очевидно, обаятельный всегда, когда этого желал. Болѣе того, он обладал не только эстетическим чувством, но и чувством моральной красоты и устремленіем к правдѣ — свидѣтельством тому первый, свѣтлый період его царствованія и многое из его позднѣйших высказываній и даже поступков.

Но не лучше выходит, когда нам хотят изобразить этого великаго и ужаснаго монарха ввидѣ нѣкоего идеального самодержца, дѣйствовавшаго по глубокому и послѣдовательному плану, всегда спокойно и разумно. Увы! Кровавая одержимость, подчиненіе страшным и тем-

ным страстям, вспышки безумного гнева, маниакальная боязнь перед мнимыми врагами встают из свидетельств современников и самого Иоанна с неопровергимой убедительностью. Признаться, редко мы встречали до сих пор столь решительную и настойчивую попытку оправдания и возвеличивания Иоанна, как та, какая не без таланта сделана в трехтомном романе Валентина Ивановича Костылева "Иван Грозный" (Государственное Издательство Художественной Литературы, 1955 г.), отмеченном, между прочим, сталинской премией.

Если анализировать это произведение с чисто литературной точки зрения, можно упрекнуть его в некоторой неровности. Так, язык героев местами очень хорош, но нередко однообразен и пресен — этим особенно грьшат все любовные сцены, производящие впечатление лубочности и приторности — и не свободен от грубых ахахронизмов. Недоработанность психологии отдельных героев, их не всегда достаточно мотивированная появление и исчезновение, многократные резкие скачки через много лет, все это создает впечатление дефектов композиции. Но, поспешим подчеркнуть: эти недостатки ничуть не мешают автору в его основной задаче. В центр всего стоит Царь, его мысли и действия, его политическая программа и его сподвижники — поскольку они важны для его целей. И о Грозном Костылев говорит с любовью и восхищением, к сожалению, приводящими его к прямому искажению и замалчиванию невыгодных для его кумира исторических фактов.

Скажем, жестокость Грозного, столь для него типичная, показана сознательно недостаточно, мельком и в смягченном виде. Впрочем, она настойчиво объясняется борьбой государя за благо страны и простого народа, по отношению к которому Иоанн у Костылева вездь добр и отзывчив. Так ли это было на самом деле? Свирепые расправы с целями деревнями, например, в имениях опальных бояр, с целыми городами, не говоря уже об отдельных лицах из любого класса, впавших в царскую немилость, общепзвестны. Вдобавок, все время подчеркивается, что жестокость была характерной чертой всяка, в Европе не мене, чем в России; приводятся аналогии и с Варфоломеевской ночью Карла Девятого, и с казнями Марии Кровавой и с безчеловечным разрывом Генриха Восьмого. Это так, но на вряд ли Иван Васильевич не превзошел все эти образцы. Да и притом, дурной пример — вообще плохое оправдание, а для человека, столь сильного и выдающегося, как он, особенно мало убедительное.

Очень интересно, что внимание Костылева, в отличие, сколько мы можем припомнить, от всех беллетристов, до сих пор занимавшихся правлением Грозного, сосредоточено не на внутренней, а на внешней его политике и настолько, что роман можно было бы без большой натяжки назвать "Ливонская Война". Недаром он начинается с началом этой войны, — о Казани, Астрахани и начале, таким радостном и богатом несбышившимся обещанием, царствования Иоанна Четвертого упоминается лишь вскользь, в форме воспоминаний, — и кончается даже не смертью Грозного, а вполне уместным эпилогом, в котором Петр Великий, завоевавший для России Балтийское море, теплым словом поминает "блаженной памяти прадеда своего царя Ивана Васильевича".

Необходимость для России выхода к морю, правильность внешней политики царя проходят лейтмотивом через всю книгу. Отметим дру-

гой мотив: имперский характер страны и ея правительства. Много раз подчеркнуто, что царю служат и на войну с ним вмѣстѣ идут не только русские, но и татары, и черкесы, и мордва, и чуваши, и вотяки, и чечени. говорящіе на разных языках, молящіеся разным богам, но которые всѣ товарищески помогают друг другу и выручают в бѣдѣ один другого. Не случайно и героиня романа — мордовка Охима. Идея схвачена совершенно вѣрно, хотя для убѣдительности и заострена, быть может, слегка чрезмѣрно.

В отношеніи внутренней политики московского государства у Костылева красной нитью проходит то самое оправданіе, которое всегда приводил сам Грозный Государь: измѣна бояр, мѣшающих царю работать и пытающихся отнять у него верховную власть, врученную ему Богом. Вполнѣ умышленно ставим послѣднія слова: религіозный характер идеологии Иоанна, как и всѣх русских людей того времени, их преданность православію, проникающему собою всю их жизнь, являющемся основой их патріотизма и національного сознанія, как и морали, регулирующей их быт, переданы автором с безкомпромиссной четкостью — и без малѣйшей критики; он пишет, как если бы сам был глубоко вѣрующим человѣком.

Но оправданіе — то, каким Иван Васильевич запищал себя перед современниками и исторіей, не очень основательно. Специалисты не раз отмѣчали, что боярская крамола на дѣлѣ существовала только в воображеніи повелителя Руси, что если бояре и осуждали его в душѣ, они никогда не рѣшались с ним активно бороться, и что представление о незыблемости царской власти, о ея сакральном значеніи, парализовало какую бы то ни было оппозицію. Рисуя в романѣ заговор с цѣлью убить царя, связь московских вельмож с Польшей, их саботаж мѣропріятій самодержца — Костылев увлекается или нарочно кривит душой. Без преувеличенія сказать, здѣсь получается перенесеніе в исторію чекистских методов, неплохо соответствующее, впрочем, психологіи Иоанна: автор видит злоумышленіе вездѣ, гдѣ его видѣло болѣлое воображеніе, а подчас, может быть, и коварный расчет самого Грознаго. Между прочим, в церковных дѣлах всѣ симпатіи автора на сторонѣ “іосифлян”: заволжские нестяжатели представлены, как едохновители и идеологи оппозиції.

Но, может быть, самым любопытным и своеобразным в совѣтском романѣ является настойчиво проводимая в нем реабилитація опричнины, как учрежденія, и опричников, как людей. Центральные персонажи книги — всѣ опричники, поднявшіеся из пизов, сдѣлавши карьеру благодаря милости царя, обязанные ему всѣм, вплоть до личнаго счастья, и преданные ему не за страх, а за совѣсть, в убѣжденіи, что служа ему, они служат Россіи.

Непривычным покажется русской публикѣ, что Малюту Скуратова поминают такими словами. Царь говорит о нем: “Жаль Малюту. Недолго мнѣ пришлось пожить с ним — добрым, храбрым рыцарем”. А Годунов: “Позорят его, сыроядцем величают, а того не возьмут в толк, что своею жизнью и смертью Григорій Лукьянчик примѣр любви к родинѣ показал”. Сам же автор всячески рисует нам воинскую доблесть Малюты (впрочем, исторически несомнѣнную), его вѣрность царю, чистоту его семейной жизни, его, якобы, прямой и благородный характер.

Это небольшой образчик. Не только Григорій Лук'янович Скуратов-Бельский удостоился посмертного возведения в сан героя ...чуть не оговорился "Совѣтскаго Союза". Опричники в цѣлом по Костылеву — прогрессивный слой, самый умный и честный отбор Земли Русской. Словно бы его роман написан в наставление работникам МГБ, для поднятия их духа, и в благодарное поминание далеких предшественников.

Но если и можно найти объяснение возникновению опричнины или доказывать ея необходимость, если и можно говорить, что в ней разные были люди — общий ея разбойный характер несомнѣнен. Проекция современности в прошлое, безспорно имѣющая мѣсто у Костылева, освѣщает дѣло совсѣм иначе, чѣм бы ему хотѣлось. Опричники, по роду своей дѣятельности, не могли не напоминать морально чекистов и эсэсовцев, которых мы, попущенiem Божеским, знаем по собственному опыту. Что, кстати, объясняет и наличие в их рядах, наравнѣ с русской, и всякой международной шпаны, вродѣ фигурирующаго в романѣ Генриха Штадена, у которой уж было бы вовсе безсмысльно искать каких-либо идеальных и патріотических побужденій. Интересны и другія детали этой проекціи. Так, личность Курбскаго, по Ивану Грозному — ожидаемъ членъ озѣя „ииніод яяннәжәи“, „онъенокъ баегчыләкъ“ и вавшаяся в прошлые вѣка официальной исторіей, не встает ли перед нами в другой роли, роли протестанта против несправедливости? Василія же Шибанова Костылев нам явно причесывает под нового эмигранта, рѣшившагося вернуться на родину. Немножко обидно за благородный образ гонца Курбскаго, но не будем спорить: если учесть его судьбу, примѣр для потенциальных возвращенцев до нѣкоторой степени назидательный.

Если взвѣсить пропагандный элемент романа, без сомнѣнія именно и снискавшій ему одобрение высших сфер, выразившееся в премії, то против аналогіи Сталина — либо нынѣшнихъ вождят — с Ioannom Грозным, и его служителей с опричниками, есть один убийственный аргумент. Сила Ioanna Четвертаго была в том, что он был помазанный Богом Государь, и в мистическомъ воспріятіи всенародныхъ масс, от князей до смердов, бунт против него был бы бунтом против Бога. Такого оправданія совѣтская власть не имѣет, и никакія заигрыванія с Церковью ей его дать не могут. Если религіознаго міровоззрѣнія у русскаго народа больше нѣт — нѣт и опоры у власти. Если оно есть — оно обращено против власти, и это еще хуже. По свирѣпости, не будем спорить, совѣтская власть догнала и перегнала Ивана Васильевича. Но это еще не все. *Comparaison n'est pas raison.*

Вл. Рудинскій.

НАТАЛИЯ ИЛЬИНА: "ИЗГНАНИЕ НОРМАНОВ — ОЧЕРЕДНАЯ ЗАДАЧА РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ" (Париж, 1955)

В предисловіи к своему историческому изслѣдованию Н. Ильина говорит: "Мы ищем в забытых, но незабвенныхъ вѣках, в ушедшей, но и теперь трепещущей в нас жизни основу былой русской славы и вѣрный путь к ея новым лучам".

Иными словами, помыслами автора владеет народная гордость и желание почерпнуть в нашем прошлом въеру в русское возрождение.

Но если эта любовь к родинѣ и гордость подвигами ея славного многовѣкового пути находят в нас горячій отклик, то мы не можем не задуматься: позволительно ли, в научном изслѣдовании, руководствоваться патріотической гордостью и не пострадает ли от нея строгая объективность выводов историка?

Увы! На вопрос этот можно отвѣтить только утвердительно. К тому же и сам автор, проведя большую работу по сопоставлению въз-вѣрѣній на "призваніе варягов" двух противоборствующих исторических школ, которая мы условно назовем западнической и славяно-фильской, — чувствует всю зыбкость их доводов, проистекающую от чрезвычайной скучности и туманности исторических свидѣтельств, кающихся этой эпохи.

Н. Ильина пишет: "Историческая критика объяснила смутность первых сообщеній древней хроники. В самом дѣлѣ, лѣтописцы одиннадцатаго вѣка не могли знать точно, что происходило в нашем kraю болѣе чѣм за двѣсти лѣт до них". Но это признаніе не мѣшає автору, побуждаемому национальной гордостью, выступить в бой с историками "норманнской школы", утверждающей норманнское происхождение князя Рюрика и его дружины.

Свою точку зрењія изслѣдовательница пытается доказать исторически, лингвистически и, в особенности, логически — сопоставлением народных характеров и культур германцев и славян девятаго вѣка.

Она рѣшительно утверждает невозможность норманнского происхождения наших варягов и выводит их от западных славянских племен — "вендов", обитателей берегов Балтійского моря, славян, тѣсненных нѣмцами и к двѣнадцатому вѣку почти безследно исчезнувших.

Мы не можем, в этой краткой замѣткѣ, слѣдовать за автором в его интереснейшей исторической экспедиці, но надо признать, что если его критика норманнства Рюрика достаточно разрушительна, то зато и утвержденіе вендскаго его происхождения донельзя бездоказательно.

И это вытекает из, отмѣченного и самим автором, пичтожества точных данных, которыми оперировали историки-норманисты, но и из еще большей исторической бѣдности славянофильской школы.

Становится досадно, что так много труда положено па отстаиваніе нашего национального достоинства, якобы униженного норманнскій кровью Рюрика, чего я, по совѣсти, не опущаю, как не ощущали многія поколѣнія русских школьников, которым русская исторія предполагалась в "западническом" варианѣ.

Досадно, потому что прекрасныя страницы книги Ильиной, раскрывающія древнюю славянскую культуру, с ея вѣрованіями, обычаями, пѣснями, теряют большую долю своей убѣдительности вслѣдствіе тенденціонной защиты идеи славянской обособленности.

Между тѣм, именно необыкновенная переимчивость славянина, его способность быстро улавливать у других все лучшее и умѣнье, освоив плоды чужого опыта, обратить их в нечто новое и, зачастую, болѣе глубокое и законченное, является замѣчательнѣйшим свойством русской души. Оно помогло нам вырасти в великую Имперію, нераз-

рушимую, так как представляющую братскую семью народов, спаянных не кровью, а единой культурой, Империю, совершенно не похожую на колониальную империи запада.

Отказываясь от защиты той или иной тезы, в вопросе происхождения русской варяжской династии, да и не видя в нем той деградирующей или возвышающей символики, которая владеет умом автора, мы думаем, что духовная сила славянства, в случае нормандства Рюрика, выявляется еще ярче и несокрушимее.

И если нельзя не согласиться с автором "Изгнания норманнов", когда он, отрываясь от исторических текстов, утверждает, что славяне напреж равинны, послѣ призыва варягов, сохранили прежние формы жизни, как в области самоуправления, организаций воинской силы, торговой и промышленной деятельности, так и в религиозных и бытовых обычаях и обычаях, то мы отказываемся видеть в этих фактах доказательство единоплеменности новой власти с населением страны.

Мы делаем другие выводы.

Народ наш отличается от других полным отсутствием расизма, т. е. отталкивания, презрения и ненависти к иноплеменникам, и в этом заключена видимая его слабость и скрытая неотразимая сила.

Да, Илья правильна отмечает в язычествѣ древних славян идею первенствующаго кроткаго и всеблагого Бога. Славянин, сам того не знал, с незапамятных времен, жил в тѣни Креста, падающей в глубины истории. Душа его была изначала христіанкой и благодаря этому он всегда побѣжал и, вѣрим, побѣдит мутные волны поднявшагося в наши дни, к завоеванию мира, зла.

Поэтому германализм или славянство наших варягов не имѣет для нас значенія, придаваемаго им автором, и Русь, подчинившись норманнам, — если мы допустим это предположеніе, — не стала колонией германализма, а обратила норманнских воинов в меч славянства, овладѣв их душами.

Утверждение это легко доказуется.

Россія, сохранив себя, прошла через татарское иго, она осталась собою послѣ чудовищной прививки западной культуры Императором Петром, она поставила на свою службу многія тысячи "нѣмцев" и сегодня мы присутствуем при эпической борьбѣ нашего народа с европейским ядом коммунизма. И мы твердо вѣрим в побѣду русского народа.

Конечныя побѣды Россіи всегда были трудны — мы легко поддаемся, как первому военному натиску, так и мирному проникновенію к нам, как людей, так и идей вицця міра. У нас отношение к собирательному "нѣмцу" издавна было полно уваженія и даже преклоненія. Мы преклонялись перед чужой культурой, модами и даже просто товарами, признавая их выше отечественных.

Тоже относится и к западным иноплеменникам, — что привело к громадному проценту иностранных фамилій в ведущем словѣ государства.

Россія поглощала все это своим таинственным образом, но отрицать факт наводненія нашей страны иностранцами невозможно.

И это наблюдение говорит, — повторяю, — в порядке логики, а не исторической доказуемости, — в пользу возможности призыва на-

шими пращурами варягов-норманнов “владѣть и править нами”. И что же из этого?

Кто тот герой, слова которого с благоговением, надеждой и гордостью повторяет наша гонительница “норманнов”: “Любите Россию, лучше нея ничего не может быть на свѣтѣ”?..

Это — послѣдній Глаѳикомандующій Бѣлой Арміи, генерал барон Врангель, потомок нѣмецких рыцарей и вѣрный сын Россіи.

Не кровь, а Дух выбирает Отечество.

Н. В. Станюкович

“О ПАЛЬНЫЯ ПОВѢСТИ”

(Чеховское издательство. Нью-Йорк, 1955 г.)

Книга эта открывается вступительной статьей Александровой, критика освѣдомленного, внимательного и вдумчиваго, к замѣчаніям которой вряд ли нужно что-либо прибавить.

Читатель найдет в этом предисловіи свѣдѣнія о жизненной и литературной дорогѣ писателей, произведенія которых вошли в книгу.

Объединяет их, как видно и из заголовка книги, “опала” коммунистического начальства. Всѣ они, за исключением одного попутчика — коммунисты и всѣ не потратили партійным Церберам, оказавшимся недостаточно твердокаменными и даже позволив себѣ, весьма робко, выказать нѣкое зазорное сочувствіе уничтожаемому русскому человѣку, в лицѣ “ликвидируемых, как класс”, крестьян. Но мы не найдем в их писаніях общаго осужденія коммунистической системы, которое одно, кажется нам, могло бы оправдать переизданіе их произведеній американско-эмigrantским издательством.

Кто эти писатели? — Люди, пошедшіе в революцію с ранняго возраста, но все-же надышавшіеся “в тѣ дни, когда нам были новы всѣ впечатлѣнья бытія”, вольным воздухом ниспровѣргнутаго ими правового государства. В этом обстоятельствѣ и надо искать разгадку их относительной человѣчности. Возлюбив абстракцію коммунизма, они все же, подсознательно, почувствовали весь ужас, холодно задуманного и спокойно проводимаго гомункулусом-Лениным, уничтожения человѣческой личности, замѣняемой роботом колективизма.

Это были еще живые люди, выросшіе среди органически сложившагося, а не искусственно созидаемаго міра и они погибли, жертвой своей внутренней раздвоенности.

Но, как говорит Александрова, от коммунизма они не отреклись и, сами замученные, остались с палачами своего народа.

Почему Чеховское издательство выпустило эту книгу, гдѣ собраны произведенія писателей-коммунистов первого периода революціи, т. е. коммунистов жидаѣских и сентиментальных, сильно напоминающих тѣх русских мужиков, которые со слезами повѣсили в 1918 году свою старушку-помѣщицу, потому что “уж ты нас прости, родная Арина Ивановна, всѣ так теперь дѣлают”?

Что может почерпнуть из этого чтенія эмигрант-читатель? — Существование “хороших коммунистов”? Или мысль о цѣнности первоначального коммунизма, загубленного Сталиным?

Или это просто попытка спасти от забвенія “опальныя повѣсти”?

Задача может быть и законная, как законна всякая публикація, спо-
собствующая пониманю совѣтского періода русской исторіи.

Но неужели же теперь, когда эмигрантское издательство едва
теплится, вслѣдствіе дорогоизны заграничных изданій, и их малоти-
ражности, словом — коммерческой убыточности этого дѣла, неужели же
скучные и считанныя страницы не могут быть лучше использованы?

H. B. C.

РУМЫНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЦѢПЯХ

Русская публика мало знает румынскую литературу. Курьезным
образом, ей знакомы прежде всего имена тѣх румын, сочиненія кото-
рых опубликовывались исключительно или по преимуществу на ино-
странных языках — Панайт Истрати, Конрад Берковичи, князина
Бибеску, Виргилій Георгіу... Между тѣм, у Румыніи есть национальная
литература, какой она имѣет полное право гордиться. Самое выдаю-
щееся имя в этой литературѣ, безспорно, — имя поэта Михаила Эми-
неску. Он, во-первых, дѣйствительно большой лирическій поэт. В то
же время его венцы фольклорного типа великолѣпно охватывают и пе-
редают самую душу румынского народа, и в этом отложеніи трудно
сказать, надо ли отдать предпочтеніе загадочной сказкѣ о богатырѣ
Калинѣ или леденящѣ-жуткой легендѣ о вампирах (“Strigoii”). Эти
темы далеко не исчерпывают творчество Эминеску, писавшаго и на
исторические, и на соціальные сюжеты, остроумно высмѣивавшаго съ-
временное ему общество, так что его произведенія представляют собою
подлинную энциклопедію румынской жизни.

Мы остановились на Эминеску, как на вершинѣ румынской по-
эзіи, но хороших поэтов много и кромѣ него; можно назвать — Алекс-
андри, Болинтияну, Влахуца... И в прозѣ мы найдем писателей, как
Негруцци (создатель в Румыніи исторической повѣсти), Караджале,
Славич..

Все это мы, впрочем, говорим лишь ввидѣ предисловія к неболь-
шому очерку нынѣшней румынской поэзіи, расцвѣтшей уже под солн-
цем сталинизма. Ея памятником является сборник “Poezia nova în
R. P. R.” — “Новая поэзія в Румынской Народной Республики”

Грустно дѣлается за румынскую поэзію, сведенную к рифмован-
ным листовкам, к грубым агиткам, по большей части не имѣющим в
себѣ ничего художественнаго. Довольно почитать название, Марія Ба-
нуш угощает нас стихами “Октябрь” и “Здѣсь родился Сталин”, Дал
Дешплі предлагает “Подарки для Сталина”, “Эвджен Жебеляну сочинил
“Бактериологическую войну” и “Белояниса” (имя греческаго ком-
мунистического вождя), Николай Тэуту “Письменную работу на тему:
Ленин”, Виктор Тульбуру — “Красную армію”.

Но что говорить о названіях! За таким невинным заглавием, как
“Маслина” Михая Бенюка скрывается яростная пропаганда против
“американских волков”, а “1-е мая в Бѣлградѣ” Миху Драгоміра
представляет собою свирѣпую брань против “Гуды-Тито, продавшагося
американцам”; ему вторит Раду Буряну в “Броз-Тито”. Теперь авторы
навѣрное пересмотрѣли свои произведения: отношенія Тито с Со-
вѣтами вѣдь перемѣнились!

Нѣт смысла много говорить об этих агитках. Жаль видѣть в цѣ-
пях литературу народа, которому его красивый язык, богатая фольк-

лорная традиція и удачные опыты писателей прежняго времени объщали лучшее. Даже в этих условиях нельзя сказать, чтобы в сборнике не было талантливых вещей. Но это почти всегда именно тѣ, где автор вырывается на время из-под гнета социального заказа. Например, стихотворение Штефана Юреша "Это было на Балтийском морѣ..." мѣстами совсѣм хорошо, когда оно рисует отчаянную борьбу моряков с бурей, но его сильно портят натянутая и, в сущности, глубоко антигуманистическая мораль: даже в смертельной опасности, для спасенія жизни, матросы не могут выбросить в море груз, ибо это "общественная собственность". Хорош отрывок Э. Жебеляну "Бельческу" из времен борьбы Румыніи против турок за свободу; но здѣсь, опять коммунизм не при чем. Красив и поэтичен чисто лирический "Бокал" Мирона Раду Парасківеску — жаль, что таких стихотворений всего два-три во всем сборнике.

Но всѣ эти поэты рядом пишут одинаково отвратныя восхваленія Совѣтам и брань по адресу их врагов. У Юреша есть "100.000.000 долларов", где он громит румынских эмигрантов Гафенку, Крецяну, самого короля Михаила, а попутно, между прочим, Керенского (или, как он выражается, "мумію Керенского"). У Жебеляну — стишкі "Миѣніе Жанно и всей Франції", каковое миѣніе, оказывается, сводится к пресловутому "US go home!", Как, впрочем, осуждать! Развѣ мы не знаем участъ поэтов в СССР? Плохія пѣсни соловью в когтях у кошки!

Впрочем, к части румынской литературы, она не сдается без сопротивленія, и, где нѣт прямого пути, борется окольным.

В мартѣ 1953 года в журнале "Въяца Ромыніяскэ" ("Румынская Жизнь"), органѣ Союза Румынских Писателей, Рем Лука и Александр Опрая опубликовали статью ввидѣ руководства для нынѣшних литераторов. Тѣм из читателей, кто знает "Золотого теленка" Ильфа и Петрова, мы напомним "торжественный комплект". С мѣтким и язвительным юмором авторы перечисляют здѣсь всѣ шаблоны совѣтского стиля; рисуют условных героев, каких мы знаем и по СССР, одѣтых в профодежду и говорящих во время объясненія в любви о способах повышенія продукции, условных злодѣев, непремѣнно кулаков или вредителей; напоминают, что даже восход или закат солнца героя могут наблюдать только из колхоза или с завода.

На это послѣдовал стремительный отвѣт в органѣ румынской компартии "Сѣнтийя" ("Искра"), где эта статья была разоблачена, как попытка отвлечь современных писателей от выполненія их долга, от работы над актуальными и нужными темами и от подлиннаго реализма. Развѣ герои не могут работать на производствѣ, носить рабочій костюм и быть влюбленными и развѣ закат солнца нельзя наблюдать из колхоза? — угрожающе спрашивает "Сѣнтийя", и многозначительно намекает, что "Въяца Ромыніяскэ" не должна была печатать поодбныя уклоненія от истиннаго пути.

Увы! По ту сторону желѣзного занавѣса нельзѧ сказать, что дѣло не в том, где работают герои, как они одѣты и откуда смотрят на закат солнца: дѣло только в том, чтобы их внутренній мір, их чувства и мысли, были изображены правдиво. А этого-то под властью большевиков и нельзѧ сдѣлать, будь то в СССР, будь то в Румыніи....

B. P.

ДѢЛА И ЛЮДИ

КОНЕЦ ПЕРОНА

В замѣткѣ “Перон без Эвиты” (“Возрожденіе” № 43), мы выразили увѣренность в том, что, вступив в борьбу с Католической Церковью, аргентинский диктатор Перон подписал смертный приговор своему режиму.

Предвидѣніе это сбылось.

Однако, эта “удача” нас не радует, во-первых, потому, что слишком очевидно, как легко ошибиться в политическом прогнозѣ, гдѣ логика сталкивается с тысячами случайностей, способных если не измѣнить, то, во всяком случаѣ, ускорить или задержать ход событий, а во-вторых, потому, что дѣло Перона, как мы уже указывали, было хорошо начато, пока окруженіе не толкнуло его на ложные шаги. Но это — общее правило: диктатор обречен на самообожествленіе — сотворив из самого себя лепогрѣшного кумира. Тут никакие “уроки истории” не помогают.

Отмѣтив тревогу о судьбѣ нашей многочисленной аргентинской колоніи, живущей как вездѣ милостью политического режима страны, оказавшей ей гостепріимство, постараемся сдѣлать из паденія этой диктатуры выводы общаго порядка.

Прежде всего укажем на хрупкость любой диктатуры, основанной на личном магнетизмѣ диктатора. Его власть не имѣет опоры в традиціонной династической связи народа с троном, составляющей силу монархіи, и не вытекает из всенародных голосованій, на которых основаны, во всяком случаѣ в принципѣ, республики (конечно, мы не говорим о “выборах по единому списку”, практикуемых в “народно-демократических республиках”).

Междудѣм, хотя на нашу долю выпало быть свидѣтелями крушенія многих диктатур, некоторые из нас, зачарованные исключительной удачливостью совѣтской власти, склонны приписывать ей прочность гранита. Судьба Перона — лишенное обличеніе малодушія наших политических пораженцев, в особенности, потому, что павшій диктатор принадлежал к сравнительно лучшим представителям этой породы политических магов и опирался на довольно широкіе слои націи.

Жизнь опровергает трусливую мысль, будто диктатура, — подпираемая насилием организованного меньшинства над большинством, — в принципѣ непобѣдима. Жизнь выдвигает коррективы, заключающіеся въ самом бытіи Церкви, хрипительницы вѣчных Истин, и могучаго рыцага, — который глубинныя народныя вѣрованія и чаянія, рано или поздно, приводят в движеніе, — Национальной Арміи.

Главным выводом из крушения Перона для нас и является ука-

заніє на Ахилессову пяту диктатур, — неистребимое противорѣчіе еї цѣлей с той суммой народных идеалов, которым призвана служить Национальная Армія.

НА ПРОИГРАННЫХ ПОЗИЦІЯХ

Вчитываясь в комментаріі совѣтской печати к сообщенію о со звѣ на будущій февраль XX-го съѣзда коммунистической партії СССР, нельзя не замѣтить основного мотива, который, без сомнѣнія, и побудил ЦК принять это рѣшеніе. Сквозь трафаретные восторги о грандіозности достигнутых партіей успѣхов, ясно сквозит стремленіе отстоять руководящую роль партіи во всѣх основных секторах современной российской жизни, готовой ускользнуть из-под ея контроля.

Вот, напримѣр, соотвѣтствующая передовая “Литературной Газеты”. Отмѣтим, во-первых, совершенно точно и недвусмысленно выраженный отказ от того, что еще так недавно составляло магическую силу сталинизма: “Партія искоренила из практики пропагандистской работы чуждую духу марксизма-ленинизма теорію культа личности”. Еще раз, возврат к магии персональной диктатуры объясняется принципіально непріемлемым. И “Литературная Газета” поясняет:

“Эта неправильная теорія принижала роль партіи и ея руководящаго центра, вела к сниженію творческой активности трудящихся масс — подлинных творцов исторіі”.

Вот это “объясненіе” и содержит всю двусмыслицу, опредѣляющую нынѣшній кризис совѣтского строя.

Диктаторіальный режим, потерявший свое единоличное возглавление, а вмѣсть с тѣм и присущую этому возглавленію гипнотическую силу, отнынѣ вынужден считаться с народными массами. Чтобы не повинуть окончательно в воздухѣ, он вынужден хотя бы словесно внушать этим массам, что отнынѣ онѣ — не вполнѣ безправное “быдло”, ежеминутно и цѣликом зависящее от произвола политической полиції, а, напротив, онѣ-то суть подлинные “творцы исторіі”. Между тѣм, такое ощущеніе нельзя внушать массам безнаказанно для диктаторіального строя, особенно, когда полицейскій аппарат на самом дѣлѣ надломлен в результатѣ борьбы на партійных верхах и его охват на самом дѣлѣ ослабѣл. В этой коренным образом измѣнившейся психологической обстановкѣ, из которой исчез гипнотический страх, казенная пресса старается с другой стороны внушить этим же массам, что “роль (обезглавленной) партіи и ея руководящаго центра” должна от этого в конечном итогѣ только выиграть. В этом — противорѣчіе, прорывающееся все время, но которое всѣми силами стараются скрыть.

Передовая “Литературной Газеты”, ни разу не упомянув даже имени Сталина, изо всѣх сил старается подчеркнуть, что идеиный стержень партійного режима, в первые годы революціи установленный Лениным, остается незыблѣмым: “Успѣхи свидѣтельствуют о мудрости политики партіи, намѣченной великим Лениным, о могучей, преобразующей силѣ ленинизма, вѣчно живого, жизнеутверждающаго ученія. Наша партія побѣждала и побѣждает под знаменем ленинизма” и т. д., и т. п. Это — во-первых. И далѣе, изо всѣх сил утверждается непогрѣшимость, сообщаемая этим “жизнеутверждающим ученіем” вдохнов-

ляемой им партії, причем поименно поминаются тѣ рѣшающіе секторы, гдѣ эта "непогрѣшимость" за послѣднее время довольно открыто подвергалась сомнѣнію:

"Направляющее руководство партіи, ея повседневную помощь ощущают работники всѣх отраслей народного хозяйства и культуры".

Что и говорить — ощущают. Здѣсь перед нами — прямой отвѣт на беззощадную критику, которой система партійной опеки над хозяйством подверглась на майском совѣщаніи руководящихъ работников промышленности, и отвѣт на стремленіе к раскрытию культуры, то и дѣло проявлявшееся послѣ смерти Сталина и теперь еще поощренное приподнятыем "желѣзного запавѣса". Через свою казенную печать, диктаториальная партія, потерявшая свое единоличное возглавление, но старающаяся сохранить свои позиціи, прямо заявляет "творцам истории — массам" о своем намѣреніи "держать и не пуштать", — во всяком случаѣ, "не пуштать" дальше нѣкотораго, впрочем, не вполнѣ точно опредѣленного, предѣла.

Это просто утверждается, декретируется. Но как в действительности, в новой, психологически измѣнившейся, обстановкѣ сочетать противорѣчія и как их преодолѣвать — неизвѣстно.

Вмѣстѣ с приматом партіи утверждается, конечно, партійная установка на пріоритет тяжелой промышленности.

"Рѣшительно осудив вредные, несовмѣстимые с марксистско-ленинским учением взгляды, партія подтвердила незыблемость ленинского курса на преимущественное развитіе производства средств производства".

Но как сочетать эту хрущевскую линію с несомнѣнным, необоримым стремленіем "творцовъ истории — масс" к болѣе сносным бытовым условіям жизни, тѣм болѣе теперь, когда эти массы, новой войны, разумѣется, никогда не желавшія, приобрѣтают увѣренность в том, что никто вовсе и не собирается извѣнѣ угрожать их мирному существованію?

И далѣе:

"Вскрыв отставаніе и запущенность в рядѣ отраслей сельского хозяйства, ЦК вооружил партію и народ конкретной программой борьбы с этим отставанием, программой крутого подъема колхозного и совхозного производства".

Но этот "крутой подъем" покамѣст так и остается "программой" и как его осуществить в рамках существующей колхозной системы — неизвѣстно.

"ЦК подверг суровой критикѣ серьезные недостатки в работе промышленности и намѣтил практическія мѣры, обеспечивающія новый мощный подъем соціалистической индустрии на базѣ высшей техники".

Но на майском совѣщаніи руководящихъ работников промышленности о том и говорилось, как раз, что дѣйствительно "обеспечить" внѣдреніе новой техники невозможно при мертвящей системѣ партійного зажима.

"XIX съезд КПСС..." указал на существенные недостатки в творчествѣ писателей, художников, композиторов, работников кино и призвал их глубже изучать жизнь совѣтского общества, создавать крупныя художественные произведения, достойныя нашего великаго народа".

Но все знают, что вон и ныне там и “произведения, достойные нашего великого народа”, так и не появляются: культурные дѣятели несчастной страны продолжают изо дня в день биться над неразрешимым вопросом, как создавать художественные цѣнности в удушающей атмосфѣрѣ идеологической диктатуры.

И потому именно, что все это сознается едва ли не всеми в странѣ, эпигоны Сталина, и в первую голову Никита Хрущев, стараются вновь укрепить исторически уже проигранные позиции партии, созывают новый всепартийный съезд и помимо этого, продолжая заигрывать с народными массами, учащают за последнее время предупреждения — дальше некоторых предѣлов “не пуштать”.

ГАРЦЮЩІЙ ХРУЩЕВ

Дважды за одну неделю, на приемъ Восточно-Германской делегации и на приемъ французских парламентаріев, Никита Хрущев счел нужным подчеркнуть, в присущем ему тонѣ, который правильнѣе всего назвать шутовским, то, что, повидимому, начинает весьма заботить партійные верхи: незыблемость идеологических основ режима.

Можно думать, что перед Гrotеволем и Ульбрихтом Хрущев куражился тоже и для того, чтобы подбодрить пѣмецких товарищѣй, которых легко могла взять оторопь при видѣ некоторых “зигзагов”. Но нам кажется несомнѣнным, что оба раза Хрущев выступал, главным образом, в разсужденіи внутренней обстановки: он стремился с одной стороны подтянуть совѣтские партійные элементы, которых оторопь может брать своим чередом, и с другой стороны, старался разсѣять несомнѣнно растущія в массах “мечтанія”, которые с партійной точки зрењія должны оставаться “песбыточными”.

Мирное сосуществование с “капиталистическим” міром сейчас провозглашается на все лады. И сама мысль о новой войнѣ пастолько отвратительна пароду Россіи, что Хрущев, даже, когда он куражится, тщательно избѣгает всего, что могло бы ябросить какую бы то ни было тѣнь на “миролюбіе” совѣтского правительства. Но если отказ от вооруженного столкновенія с “капиталистическим” міром приписывается всерьез, то что же получается тогда с мифом о міровом торжествѣ коммунизма? В Россіи этим вопросом не может не задаваться сейчас множество людей, и в партіи, и вѣнѣя. И нельзя забывать, что отказ от мифа о міровом торжествѣ коммунизма всегда означает подрыв коммунистической догматики в цѣлом. Ослабить становившееся невыносимым международное напряженіе, дать удовлетвореніе миролюбію российских народных масс и в то же время сохранить хотя бы только видимость коммунистического мифа можно только путем пѣкотораго фортелья. Этот фортель и есть Хрущевское утвержденіе, что мы, мол, при мирном сосуществованіи шапками закидаем капиталистический мір, — мол, весь мір без всякой войны придет к соціализму, при том, замѣтите, к соціализму в той именно формѣ, как его понимают коммунисты в СССР (“соціалистов по французскому образцу вы из нас не сдѣлаете никогда”).

Чтоб, так называемый “капиталистический” мір, путем собственного своего внутренняго развитія, без насилия с совѣтской стороны,

пришел путем мирного соревнования к социализму советского толка, это, конечно, такой вздор, в который в середине XX века уже ни один серьезный человек не может поверить. Но этот диалектический выверт позволяет Никиту Хрущеву твердить о верности заветам Маркса-Энгельса-Ленина: "Откажемся от них, когда рак свиснет..."

Курьезно, что только под конец своей речи на приеме в честь Гrotтеволя, Хрущев спохватился, что получается все же не совсем ловко, и в его устах троица обратилась в четверицу, с добавлением Сталина. Но не в этом дело. От Сталина, имя которого упоминается, в лучшем для него случае, один раз из трех, тем самым уже отказались на две трети почти что официально. И нынешние выверты служат уже не тому, чтобы спасать сталинизм, а тому, чтобы спасать идеяных первоосновы режима, — ибо если падают "заветы Маркса-Энгельса-Ленина", то несть оснований коммунистической партии держать бразды правления в Советском Союзе, а Никита Хрущеву быть ей первым секретарем.

Вот почему, продолжая всеми силами утверждать искренность советских "улыбок", Никита Хрущев куражится: "Ваша звезда блекнет, — звезда капитализма; звезда социализма только разгорается, но скоро будет гореть тысячами огней".

На то и диалектика, чтоб доказать выверты в безвоздушном пространстве абстрактной теории. Но, когда на приеме французских парламентариев Никиту Хрущева с теоретических облаков потянули на почву реальности, где можно и должно сопоставлять факты, имеющие место в "существующих мирах", — то он просто вышел из себя и начал грубить.

Когда член французского парламента г-жа Том-Патенотр заговорила с ним о тяжелом труде женщин в Советском Союзе, Хрущев огрызнулся, что у советских женщин на этот счет другое мнение (какое?), и послышалось заговорил о проститутки на Западе, о том, что "по Парижу нельзя пройти без того, чтоб вас за пиджак не поймала женщина", и в заключение буркнул, что советская женщина за равный труд получает равную с мужчиной оплату. Когда же настойчивая французская депутатка его не отпускала и обратила его внимание на те несомненные факты, что, во-первых, равная оплата за равный труд существует также во Франции, а, во-вторых, дома терпимости в Париже закрыты давно, — генеральный секретарь КПСС окончательно перевел разговор, помянув безработицу в капиталистических странах, — что к безправному положению женщин в СССР не имеет уже явно никакого отношения.

Вот что получается, как только люди пытаются разобраться конкретно в достижениях "страны социализма". Извольте послать этого врить, что весь мир сам по себе, без всякой войны, "просто так" изберет советский социализм, как самую для себя лучшую долю. Да и больше того, — извольте врить в то, что сами подсоветские люди так увлечены в превосходстве "нашей системы", особенно, когда железнозанавис слегка приподнимается и опять становится возможными сравнения реальных явлений и вещей.

Никита Хрущеву было отчего выйти из себя, — хотя человек не импульсивный этого, впрочем, не показал бы. Но еще важнее

предметного урока насчет “преимуществ” советского быта намкажутся лживыя и путанныя объясненія, данныя Хрущевым, на том же приемѣ французских парламентаріев, по другому вопросу — о положеніи религії в СССР.

И тут — то же стремленіе показать, что никаких принципіальных позиций “мы” не сдаем. Даже наоборот: ретировались под напором вѣрующих масс единственно потому, что “наша берет” и “мы” ужасно сильны.

Вот как это у Хрущева получилось: Церковь сама по себѣ — учрежденіе реакціонное, но советскій строй укрѣпился и теперь “священнослужители должны считаться с тѣм, что сами вѣрующіе не потерпят критики советскаго строя”. Поэтому, мол, советская власть избѣгает теперь задѣвать вѣрующих персонально, но продолжает вести, средствами культурнаго воздействиія, свою работу по излѣченію народа от пристрастія к “религіозной сивухѣ” (старый термин марксизма-ленинизма, опять употребленный Хрущевым буквально).

Нѣт сомнѣнія, что за послѣднее время советская власть опять нажимает слегка на антирелигіозную педаль. Тут сказывается опять одно из самых кричащих, притом неустранимых, противорѣчій нынѣшняго режима. Неистребимость религіи означает, конечно, провал марксизма-ленинизма, и как теоріи, и как соціально-политического метода. На дѣлѣ, религія через 37 лѣт послѣ Октября представляет собою такую силу, что от грубых преслѣдованій пришлось отказаться, и Хрущев это опять подтверждает. Но признать окончательно существованіе религіи, как неистребимаго явленія партійная верхушка не может, иначе опять то же самое — надо закрывать всю лавочку: если основа режима невѣрна, то нѣт больше ни ведущей роли партіи, ни функций генерального секретаря, и Никитѣ Хрущеву останется, в лучшем случаѣ, пробавляться настоящей сивухой, по присущей ему, сколь извѣстно, склонности к хмельному питию.

Вот почему антирелигіозныя статьи опять появились за послѣднее время в специальных педагогических журналах и на различных участках “культурнаго фронта” подыскивают подходящих аргументов, — переводят, напримѣр, и издают Монтэня и тут же тщательно разъясняют, что знаменитый французскій философ был, хотя и не совсѣм открытым безбожником.

Кстати, и это занятіе для власти не совсѣм безопасно. Читая разсужденія “Литературной Газеты” о том, как в XVI вѣкѣ вольнодумным мыслителям приходилось камуфлировать свои выводы и предложенія перед Инквизиціей, мы невольно думали о том, что именно эти приемы камуфляжа все время примѣняются в Советском Союзѣ. Та же мысль тамошним людям приходит должно-быть и подавно.

Итак, атеистическая сущность режима объявляется незыблемой и подчеркивается опять. Но весь Хрущевскій разговор о предстоящем излѣченіи народа от “религіозной сивухѣ” путем “просвѣтительской” дѣятельности, конечно, нелѣп: с Монтэнем или без Монтэня, нудные перепѣвы совершенно плоских, безнадежно устарѣвших и примитивных теорій не приведут, конечно, ни к чemu там, гдѣ потерпѣли пораженіе бѣшеная демагогія и многолѣтнія жестокія преслѣдованія.

Внѣшне, и тут “идеологическое лицо” спасается — путем опредѣ-

ленного выверта. По существу же — налицо противорѣчіе, которое никаким вывертом пельзя устранить: в нынѣшней психологической обстановкѣ, вернуться вспять, к открытым преслѣдованіям религіи, конечно, немыслимо и Хрущев первый это усердно признает (еще бы...); а агрессивно-безбожная идеологія государства в странѣ, которая так-таки и не желает стать безбожной, есть тоже неизѣстность, кратковременный исторический парадокс, обреченный на быстрое исчезновеніе вмѣстѣ с самим гарпующим среди парадоксов Хрущевым.

Остается вопрос, насколько точно “распределены роли” в “коллективном руководствѣ” и выступает ли Хрущев по сговору со своими коллегами или больше по собственному единоличному почину лѣзет из кожи вон, отстаивая, как первый секретарь, позиціи и идеологическую незыблемость “своей” коммунистической партіи. Факт тот, что именно Хрущев, и он один на нынѣшней совѣтской верхушкѣ, выступает за послѣднее время с заявленіями реакціонно-коммунистического характера. Далеко не исключено, что его “коллеги” дают Хрущеву гарповать совершенно сознательно — дабы скорѣе сломал себѣ шею. Иначе трудно даже понять, как ему дают заявлять в нос французским парламентаріям, что Франція болѣе заслуживает названія сателлита, чѣм Венгрия: не говоря даже о том, что такое заявленіе до-нельзя глупо (все же, вѣдь, всякий понимает, что, по самой структурѣ всѣх коммунистических партій во всем мірѣ, венгерское коммунистическое правительство находится “цѣликом и полностью” под властью совѣтской Москвы), — не могут же такие люди, как Булганин, хоть как-то знающіе иностранный мір и имѣющіе хоть какой-то опыт иностранных сношеній, не видѣть дипломатической чѣлѣности шутовских выступлений Хрущева.

ПРОТИВОРѢЧІЯ ВНѢШНЕЙ ПОЛИТИКИ.

Пока Хрущев старается в Россіи спасти идеологической “стержень” диктатуры, міровая обстановка продолжает развиваться вопреки, как марксистской догматики, так и той формы антисоциализма, которая слишком часто отдает руссофобством.

Поїздка Аденауера в Москву закончилась несомнѣнным дипломатическим успѣхом Совѣтского Союза. Несмотря на опроверженія, часть западной печати, не без нѣкоторой видимости основанія, задается даже вопросом, не повернул ли в Москвѣ престарѣлый Боннскій канцлер еще больше того, что извѣстно официально. Послѣднее, в общем, мало вѣроятно. Но факт несомнѣнныи, что в послѣднюю четверть часа Аденауэр в Москвѣ “сдал” в такой формѣ и в таких размѣрах, каких на Западѣ, и в особенности в Америкѣ, не ожидали никак. Совѣты хотѣли установленія дипломатических сношеній с Бонном — они их получили; они хотѣли поставить Бонн в необходимость войти в какія-то отношения с коммунистической властью Восточной Германіи — они его в эту необходимость поставили. А Аденауэр, посчитавшій, как видно, невозможным возвращаться домой без надежды на скорое освобожденіе еще находящихся в Россіи германских военноплѣнных, не получил ничего, кроме устных посулов. Правда, эти устные посулы дѣйствительно превратились потом в официальное обѣщаніе — но данное уже

только “по представлению Германской Демократической Республики” (на первом месте) “и Германской Федеральной Республики” (на втором).

Американская печать пишет совершенно справедливо, что Аденауэр не устоял перед шантажем судьбою военноцентрических. И нельзя не подчеркнуть, что Россия подлинно национальная, в законном стремлении получить от Германии определенная гарантii, могла бы для этого пользоваться иными средствами, чём подобный шантаж судьбою живых или полумертвых людей, недостойный великой державы, какою России подобает быть.

Но, кроме этого, есть и другой немаловажный аспект в новых отношениях Советов с Боннской Федеральной Республикой. Несомненный успех советской дипломатии представляет собою столь же несомненный очередной отход от целей мирового коммунизма. Как правило пишет “Нью-Йорк Трибюн”, при Сталине цель советской политики была и могла быть только одна: коммунизация Германии, всей Германии в целом. Установление “нормальных” дипломатических отношений между Москвой и Бонном означает признание недостижимости этой цели. Правда, Москва не бросила на произвол судьбы своего восточно-германского сателлита. Но вместо “запланированной” единой коммунистической Германии она “довольствуется теперь существованием двух Германий”. А это уже — совсем другое дело.

Нельзя забывать о том центральном значении, которое Германия имела с самого начала в стратегии мирового коммунизма. Марксизм в основных своих чертах есть продукт германской культуры, германский пролетариат в до-октябрьский период был сильнейшим оплотом еще неразделенной мировой социал-демократии, русские основоположники марксизма думали, в сущности, в категориях левой германской интеллигенции и недаром Ленин по-немецки произнес первые слова, когда вошел в Зимний дворец. Он и не скрывал, что судьба революции в Германии его, как марксиста, интересует даже больше, чем судьба революции в России, — которая после мировой победы коммунизма опять должна стать всего только “провинцией” мирового развития: по всей внутренней логике марксистской системы, мировым коммунистическим лидером должна была быть и могла быть только Германия.

Может быть Сталин не бредил этим так, как бредили этим старые революционные интеллигенты, — но центральное значение Германии для судеб мирового коммунизма он вспомнил, конечно, при окончании второй мировой войны.

Сейчас от всего этого остался обрубок, возглавленный худосочным правительство в Панкоу, не имеющим уже никаких серьезных шансов когда-либо стать правительством всегерманской советской республики.

Все же оговоримся. Есть один единственный шанс — это в том случае, если нынешние советские верхи, вопреки всем женевским и прочим улыбкам и вопреки несомненной волне поднимающего голову народа России, все же развязнут мировую войну. В этом единственном случае, при общей мировой катастрофе, восточно-германская коммунистическая власть может быть распространена на всю Германию, русскими танками и штыками.

В настоящее время, “сам” Хрущев не смёт заикнуться перед

русским народом — и перед русской армей — о развязыванії новой войны. Но вопрос о том, какіе у него и у его группы заднія мысли и планы, остается, конечно, открытым.

На эту тему, некоторыя достаточно тревожныя указанія, появлявшіяся в печати, уже приводились в свое время в “Возрожденії”. Сейчас нельзя просто пройти мимо тѣх данных, которыя, судя по тому, что об этом позѣдал Дж. Олсон в “Нью-Йорк Геральд Трибюн”, были недавно представлены Бѣлому Дому особым Комитетом научных соѣтников.

В основных чертах, онъ сводится к тому, что в настоящее время Советский Союз довольно быстро завоевывает превосходство в области управляемых ракетных спарядов и, если не произойдет перемѣн, должен приобрѣсти его окончательно к 1960 г. Для советских революціонных имперіалистов дѣло тогда сводится к тому, чтобы выиграть время до этого момента. С этим же связан тогда и пересмотр советской военной стратегіи: “защитныя зоны” на Западѣ, рассчитанныя на войну в старых “классических” формах, теряют большую часть своего значенія, так же, как и близкія базы, такія, как Поркала, только что возвращенная финнам. Зато, в видах межконтинентальной войны огромное значеніе принадлежит выдвинутым передовым базам и поэтому советская власть, в отвѣт на отказ от ненужной ей Поркалы, опять начинает настойчиво требовать упраздненія выдвинутых американских баз в Европѣ и в Азіи.

Возможно, что именно так коммунистические бронтозавры хрущевского типа видят послѣднюю возможность снять с мели свой партийный корабль и вывести его на просторы мірового коммунизма. Но в приведенных Дж. Олсоном данных, все же утѣшительно то, что возможность развязать міровую войну с шансом на успѣх они должны получить только к 1960 г. Твердо вѣрим, что, при нынѣ намѣчающихся сдвигах в Россіи, они до этой возможности уже не дойдут.

А что нынѣшній примирительный внѣшнеполитический курс никак не содѣйствует закрѣплению коммунистических позицій в Россіи и еще меньше психологической подготовки агрессивной войны, не подлежит никакому сомнѣнію. Русскія массы и при Сталинѣ не очень-то вѣрили в американских и всяких иных капиталистических “людоѣдов”. Сейчас сама советская печать каждодневно представляет им этих вчерашних “людоѣдов” в достаточно привлекательном видѣ, — в этом отношении тон и стиль советских газет дѣйствительно измѣнился до неузнаваемости. И популярность мирного курса очевидна настолько, что, вѣроятно, на самых верхах советской власти все больше сознают невозможность итти “против рожна”. Отсюда — необходимость все новых и новых примирительных жестов, которые в свою очередь в большей или меньшей степени все же связывают власть. Был момент, послѣ Женевы, когда предложеніе Эйзенхауера об обмѣнѣ военными тайлами и о взаимном контролѣ воздушным путем казалось похороненным с советской стороны; теперь и оно оказалось “приемлемым в принципѣ”, — хотя, конечно, вокруг него обеспечен продолжительный торг.

В этом смыслѣ, в связи с общей внутренней обстановкой в Россіи, Джордж Кеннан — всегда принадлежавшій к числу тѣх американ-

цев, которые здраво судили о русских дѣлах, — был по всей вѣроятности прав, когда недавно заявил представителям печати, что в новой международной политикѣ Москвы слѣдует видѣть не просто тактический маневр, а нѣчто гораздо болѣе серьезное.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СТРАХА

Всѣ иностранцы, побывавшіе за послѣднѣе время в Совѣтском Союзѣ, об исчезновеніи страха говорят в один голос. Из свидѣтельств, дошедших до нас, самое яркое, пожалуй, принадлежит извѣстной корреспонденткѣ “Геральд Трибюн”, Маргаритѣ Хиггинс, возвратившейся в Москву послѣ длительного перерыва.

По ея словам, в полную противоположность тому, что было еще год назад, населеніе в Россіи привыкло к присутствію иностранцев — и к общенню с ними. Год назад, особенно в Москвѣ, русскіе немедленно прекращали разговор, как только видѣли, что собесѣдник — американец. Теперь с американцами разговаривают на самыя различныя темы и запросто приглашают к себѣ домой. И нѣт бльше ощущенія постоянной слѣжки за всѣми.

Судя по тому, что пока до нас доходило, совершенно тождественные впечатлѣнія получили плавающіе и путешествующіе на “Баторії”. Без всяких признаков страха, какіе угодно подсовѣтскіе люди, разысканные просто в адресном столѣ, по первому приглашенію встречались с кѣм угодно из заграничных гостей. И если еще совсѣм недавно достаточно было иностранцу сѣсть в ресторанѣ за столик, как всѣ сосѣдніе столики вокруг него пустѣли в нѣсколько минут, то теперь происходит обратное: опредѣлив иностранца, к нему мгновенно подсаживаются.

Мы вовсе не дѣлаем из этого вывода, что политическій сыск совершенно исчез. Навѣрное, он существует и дѣло совершенно не в том, что коммунистическая власть вдруг сама по себѣ разлюбила привычный ей “мокрыя дѣла”. Но сыска и власти перестали бояться. “Вѣтер повернулся”, переломилась психологія людей. Это — рѣшающее.

Думаем, что не выйдет ничего у Хрущева с его слабыми потугами на коммунистическую реакцію. И навряд ли дотянуть ему до 1960 года.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

Основано въ 1925 году.

Edition « LA RENAISSANCE ».

73, Av. des Champs-Elysées, Paris-8e. Tél.: ELYsées 06-03.
Compte ch. postaux: Paris 781-31.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНІЯ:

	АМ. ДОЛЛ.
Бунінъ. Воспоминанія	2.25
Есенинъ. Стихотворенія	2.—
Зайцевъ. Тишина, романъ	1.50
Зайцевъ. Въ пути. (Молодость-Россія)	2.50
Еп. Кассіанъ. Царство Кесаря предъ судомъ Новаго Завѣта	0.75
Маклаковъ. Вторая Государственная Дума	1.—
Мельгуновъ. Судьба Имп. Николая II послѣ отреченій. (Временное Правительство и Царь. Трагический конецъ)	6.—
Мельгуновъ. Какъ большевики захватили власть. (Октябрьскій переворотъ 1917 г.)	6.—
Сольденбургъ. Царствованіе Имп. Николая II, полное изд. 3 книги	4.—
Ренниковъ. Кавказская рапсодія, романъ	3.—
Сидорова. Сказка о волшебномъ озерѣ, съ иллюстраціями	0.30
Сургучевъ. Ротонда, романъ	3.—
Сургучевъ. Дѣтство Императора Николая II	1.50
Тыркова-Вильямсъ. То, чего больше не будетъ	3.—
Тхоржевскій. Русская литература. Издание второе, исправленное и дополненное	7.50
Кн. Шаховской. Sic transit gloria mundi. (Такъ проходитъ мірская слава)	3.50
Шмелевъ. Няня изъ Москвы, романъ. Третье издание ... Пути небесные, 2 т.т., романъ. Второе издание	2.25
Солнце мертвыхъ. Второе издание	5.—
Шикъ. Денись Давыдовъ. «Любовникъ браніи» и поэты	2.50
О. Мережковская. Совѣты хозяйствамъ. (Кулинарія)	3.—

СКЛАД РУССКИХ ГРАМОФОННЫХ ПЛАСТИНОК

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“
„LA RENAISSANCE“

73, AV. DES CHAMPS-ELYSEES, PARIS-8e.

Русскія пластинки 33, 45 и 78 оборотов

VOZROJDENIE (LA RENAISSANCE)

CAHIERS MENSUELS

Abonnements douze mois : France 2000 f.; étranger 3500 f.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1955 г.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕТРАДИ

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

РЕДАКЦІЯ, КОНТОРА, ПОДПИСКА И ПРОДАЖА
ОТДѢЛЬНЫХ НОМЕРОВ

73, Avenue des Champs-Elysées, Paris 8e.

Tél. Elysée 06-03. Compte Ch. Postaux, Paris 781.81.

ГОДОВАЯ ПОДПИСКА НА 12 ТЕТРАДЕЙ ВО ФРАНЦІИ
2000 фр. — Заграницей ам. дол. 10. Отдѣльные номера во
Франції 200 фр., загр. ам. дол. 1.

БЕЛЬГІЯ, ГОЛЛАНДІЯ И ЛЮКСЕМБУРГ

Год. подписка 350 белъг. фр. Отд. номера 35 белъг. фр.
«La Sentinel», Boîte Postale 31, Ixelles 4, Bruxelles
Compte Chèques 392.503.

ВЕЛИКОБРИТАНІЯ

Год. подписка 2 англ. ф. 10 шил. Отд. номера 5 шил.
Russian Book Shop, 26, Tottenham Street; London; W. 1.

ЗАПАДНЫЕ ЗОНЫ ГЕРМАНИИ

Год. подписка 30 марок. Отд. номера 3 марки.
Verlag «Possev», Merianstrasse 24a. Frankfurt/Main.
Büro A-T-B, Liebigstrasse 16, München 22.

С. А. С. Ш.

Годовая подписка ам. дол. 10. Отд. номера 1 ам. дол.
A. Beltchenko, 435 20th Avenue, San Francisco 21, Calif. U. S. A.

БРАЗИЛІЯ

Годовая подписка 300.00 крузейров. Отд. номера 25.00 крузейров.
Livraria Sérgio Uspiensky.
Praça Patriarca 26. Sala 32. Caixa Postal 5153 S. Páulo.

ВЕНЕЦУЭЛА

Годовая подписка ам. дол. 10. Отд. номера 1 ам. дол.
Biblioteca G. Balitzky. Sur 5 — № 88. Caracas. Venezuela.